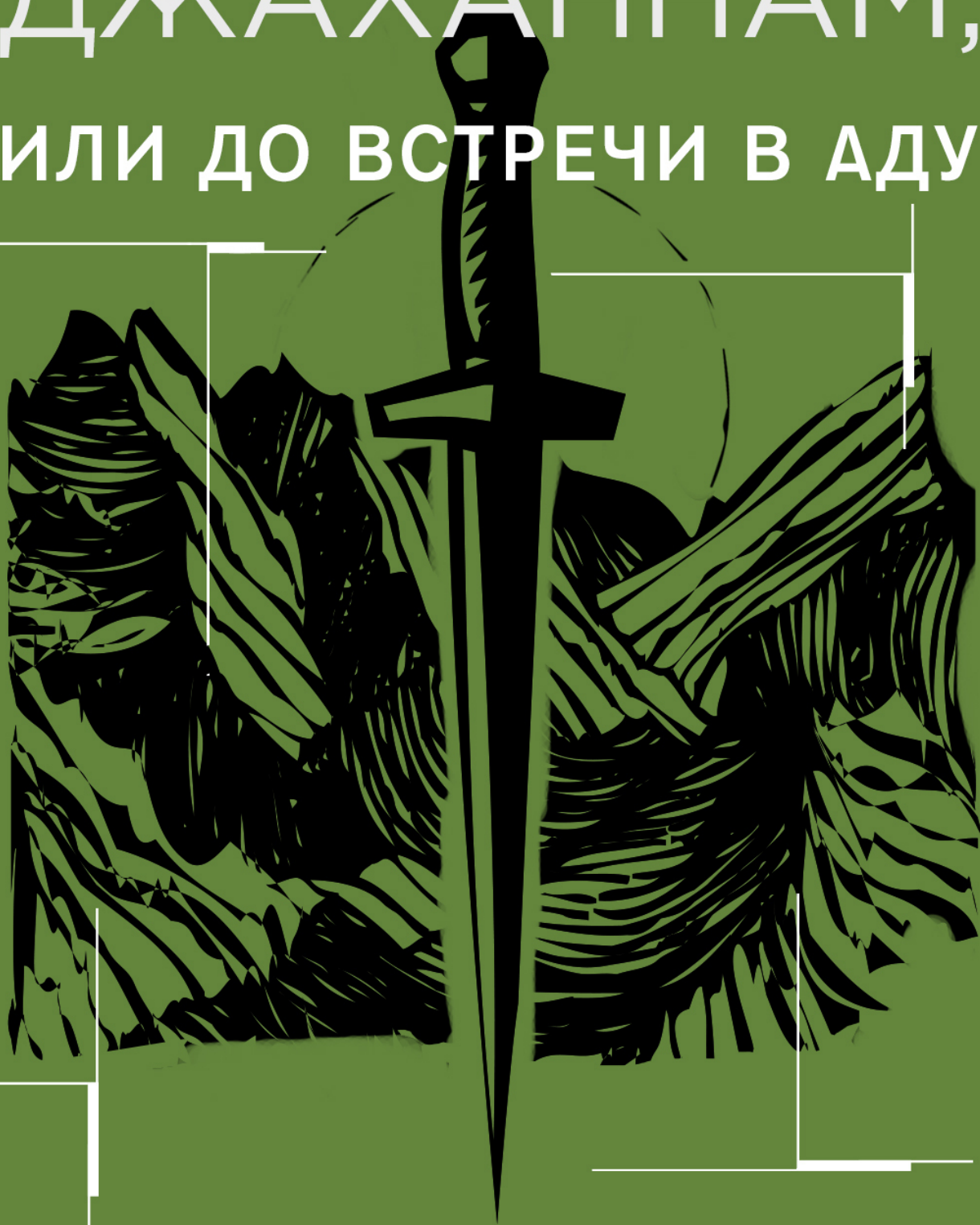

ДЖАХАННАМ, или ДО ВСТРЕЧИ В АДУ

Юлия Латынина

Кавказский цикл

Юлия Латынина

Джаханнам, или До встречи в Аду

«ЭКСМО»

2005

Латынина Ю. Л.

Джаханнам, или До встречи в Аду / Ю. Л. Латынина — «Эксмо», 2005 — (Кавказский цикл)

Что случится с нефтезаводом, если во время конфликта акционеров туда вместо новых акционеров зайдут террористы? Что случится со страной, где нет правил? Где чиновники продают всех, кто их купил? Где владелец завода убивает партнера с помощью чеченцев, а чеченцев – с помощью ФСБ. Где те, кто должны предотвращать теракты, провоцируют их в надежде на новые звездочки. Со страной, которая стоит на краю катастрофы более страшной, чем самый жестокий теракт.

© Латынина Ю. Л., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

Пролог	5
Часть первая	9
Глава первая,	9
Глава вторая,	23
Глава третья,	51
Глава четвертая,	71
Глава пятая,	82
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Юлия Леонидовна Латынина

Джаханнам, или До встречи в Аду

Пролог

Май 1996 года. Чечня

БТР на дороге был как орех, по которому прошлись кувалдой: броня пошла жжеными пятнами, башню разворотило в крупу, и только уцелевший ствол КПВТ выцеливал блестящие и крупные гильзы звезд, разлетевшиеся по перевернутой чаше неба. Одинокая фара луны освещала пыльную колею горной дороги, вершины деревьев в ущелье далеко внизу, гранитные зубцы нависших над пропастью валунов, и вековой лес, взбегавший вверх от колеи, – резные листья горных кленов и черный влажный перегонный листьев, в которых так удобно ставить растяжки.

Второй БТР лежал, задрал огромные колеса, отброшенный взрывом к скале, там же, где наскочил на подарочек. Капитан Яковенко присел, рассматривая развороченный миной борт.

Тел не было.

Никаких.

Бой был добрые сутки назад: боевики унесли своих, наверное сразу, а потом пришли федералы и тоже унесли своих, но ясно было, что поубивали не только федералов. Уж больно серьезные отметины украшали пейзаж: стреляли из КПВТ, пулями МДЗ, четырнадцати с половиной миллиметров, рвавшими на куски людей, деревья и скалы, стреляли из первой «бешки», которую потом забросали гранатами, разворотив по пузо. Но прежде чем умереть, стрелок взял за свою жизнь с процентами. Всех офицеров управления «С» натаскивали различать запахи не хуже собак: тот, кто в «зеленке» первым почует запах чужого пороха или чужого пота, имеет больше шансов. И теперь Яковенко отчетливо различал, как к запаху сгоревшей техники, цветочной пыльцы и старого ишачьего помета примешивается еще один: запах мельчайших частиц человеческой плоти, застрявших после выстрелов между камнями.

Территория здесь была нейтральная: дальше по ущелью, за селом, стоял восьмидесятый мотострелковый полк, а за спиной капитана Яковенко хозяйничали боевики Хасаева.

Говорили, что Хасаев не совсем чеченец, полукровка, то ли наполовину русский, то ли наполовину татарин. Звали его Халид, кличка была – Пегий. Еще в конце восьмидесятых в ресторанной драке кто-то вспорол Хасаеву кожу над виском, и волосы в этом месте выросли седые, хотя было ему во время драки от силы двадцать.

Про волосы Яковенко уже знал. Прошлой ночью его группа натолкнулась в горах на боевиков. Яковенко убил троих. Он это знал совершенно точно. В перестрелке трудно обычно понять, кто чей покойник, и Яковенко, любивший в этих делах бухучет, всегда надпиливал свои пули.

Одного из чехов оставили для собеседования, Пархомов вынул из кармана напильник и стал стачивать чеченцу зубы. После третьего зуба чеченец разговорился.

По итогам собеседования с чеченцем Яковенко приказал развернуть спутниковую антенну, связался со штабом и доложил о возможности уничтожить крупное формирование боевиков. Ответ он получил неожиданный:

– У тебя карта есть? Район на карте отмечен красным? Вали оттуда немедленно!

Уши покойников пополнили собой личную коллекцию капитана, а Яковенко нарушил приказ. Закинул за плечо «винторез», половчее обмотал голову зеленой тряпкой, чтобы сойти

за местную фауну, проверил, хорошо ли пригнана всякая прочая снасть для убийства, и ушел, прихватив с собой мусульманские четки из дешевого бледно-желтого пластика. Четки капитан взял не для маскарада: он привык перебирать их, сидя в засадах часами, – и к тому же Яковенко давно нашел им несколько необычное применение.

Лагерь боевиков оказался действительно там, где сказал пленный. Яковенко наблюдал за чехами в четырехкратный прицел с другой стороны ущелья. Один раз он видел невысокого плотного человека в камуфляже, с высокими татарскими скулами и вихром седых волос у виска, – вихор выбивался из-под зеленой грязной повязки с арабскими буквами. Человек садился в машину, и у него на руках сидела русоволосая девочка в белом, совершенно чистом платице. Расстояние было пятьсот метров, по ущелью гулял косой сильный ветер, если бы в руках Яковенко была СВД, он бы выстрелил. Но малошумные дозвуковые пули «винтореза» били максимум на четыреста.

В том, что пять офицеров его группы уйдут от преследования со стороны трех сотен боевиков, знающих эти горы, как улитка – ракушку, капитан Яковенко не сомневался. И не от таких уходили.

Машины уехали из лагеря; через час группа слышала эхо взрывов и стрельбу, похожую на таком расстоянии на стрекотание швейной машинки. Теперь Яковенко стоял там, где стреляли.

Более впечатлительный человек на его месте непременно задумался бы: предотвратил бы его выстрел побоище или нет. Но Яковенко не умел думать в сослагательном наклонении, бесполезном и вредном для офицера элитного диверсионного подразделения ФСБ РФ. Он просто сидел, оборотившись спиной к разорванному металлу, и смотрел на посеребренные луной кроны деревьев внизу в ущелье, и на веточку крошечных темных цветов с белым венчиком, выпроставшуюся из расщелины перед носком его ботинка. Как цветы называются, Яковенко не знал, в цветах он разбирался хуже, чем в оружии. Но цветы ему нравились. Днем они были красные.

И тут капитан услышал стон.

Стон шел снизу, источник находился метрах в пяти левее от Яковенко и вниз по отвесному склону, и автоматические рефлексy швырнули тело капитана на землю, за гранитный валун. Глаз, прижатый к ночному прицелу, уже выискивал контуры человеческого тела меж окрасившихся зеленым стволов и камней.

Но ничего не было: в том месте, откуда шел стон, дорога обрывалась осыпью, переходившей в отвесный склон с торчащими кое-где из скалы пучками травы и редкими колючими кустиками, с натугой засунувшими пальчики корней в растрескавшуюся скалу.

Стон повторился, один из кустиков шелохнулся не в такт ветру. Яковенко показал двумя пальцами, и двое офицеров группы бесшумно скользнули с дороги меж камней, слева от осыпи, там, где отвесная скала переходила в крутой и поросший лесом склон.

Один из офицеров появился спустя пять минут, подал знак, и Яковенко спустился за ним.

Если спуститься с дороги на двадцать метров и стать там, где кончался лес и начиналась скала, можно было увидеть, что скала не такая уж отвесная, как казалось сверху. Она была вся в выбоинах и трещинах, а бортик из колючих кустов скрывал нависшую над сорокаметровой пропастью полочку, шириной не более тридцати сантиметров, и перекрещивающиеся лунные тени висели над ней, как маскировочная сетка.

На полочке лежал человек. Он был в камуфляже и бронежилете, и в бинокль Яковенко отчетливо видел, как пальцы раненого намертво вцепились в сизый кустик, выбивающийся из скалы. В темноте было непонятно, чеченец он или русский, но, скорее всего, русский: какой чех наденет стандартный армейский броник весом 16 кг? Во всяком случае, среди поехавших с Хасеевым Яковенко что-то не видел никого в этом творении отечественного ВПК.

Спускался за раненым сам Яковенко. Лейтенанты Гурно и Соркин страховали спуск, а еще два офицера залегли за камнями слева и справа по дороге: неровен час, кто-то поедет, а кто, кроме чехов? Говорили, у чеченцев даже есть свои БТРы.

Но не проехал никто, и через пятнадцать минут неподвижное тело, уже без бронежилета, лежало у корня горного дуба, метрах в пяти вверх от дороги.

Еще при подъеме Яковенко понял, что дело плохо. Броник-таки спас владельца от мгновенной смерти, судя по погнутым пластинам и сломанным ребрам раненого. Еще один выстрел вынес коленную чашечку, но самым жутким было попадание в голову.

Пуля «калашникова» с легкой передней частью и более тяжелым задком вошла пониже губы, ударилась о челюсть, изменив траекторию, и выскочила чуть пониже правого глаза, чудом не затронув мозга. Крови было мало, и она давно перестала идти. Все лицо раненого было в какой-то окровавленной трухе, – видимо, он пытался заткнуть рану листьями.

Яковенко принялся обирать с него эту труху, и тут найденыш вдруг открыл глаза. Даже в свете луны они были голубые и холодные, как паковый лед, и у Яковенко вдруг возникло неприятное чувство, что на него смотрит вычислительная машина.

– Ты кто? – спросил Яковенко.

Раненый заговорил. Из разорванного рта тут же снова пошла кровь, но раненый говорил тихо и спокойно, будто сидел за письменным столом, а не лежал на краю ущелья и смерти, и Яковенко понял, что раненый приходил в сознание не раз. Лежал, пытался карабкаться вверх по скале (ладони были стерты до мяса), срывался на полочку, терял сознание, снова приходил в себя и думал, думал: думал, что сказать, на тот невероятный случай, если его найдут.

– Баров, – сказал раненый, – меня зовут Баров. Я из охраны Милетича.

– Что? – не понял Яковенко.

В ночном ущелье в горной Чечне можно встретить кого угодно: боевиков, мирных чехов, солдат федеральных сил и офицеров спецназа. Но встретить частного охранника Яковенко никак не ожидал.

– Я из охраны Милетича, – повторил раненый, – у него дочку украли. Мы меняться ездили.

Яковенко вспомнил девочку в белом платице, которую нес в охапке Хасаев.

– Поменялись? – спросил из-за плеча Соркин.

– Где девочка? – на щеке раненого вздулся кровавый пузырь.

– Там никого нет, – ответил Яковенко.

– Где девочка? – пальцы раненого вцепились в рукав капитана так же намертво, как они цеплялись за колючие кусты. Они были ободраны до мяса, эти пальцы, но они были белыми и ухоженными, совсем не такими, каким полагалось бы быть пальцам охранника, и хотя этот человек пролежал сутки между жизнью и смертью, от него еще исходил едва уловимый запах дорогого одеколona, которым вряд ли по привычке стал бы пользоваться в Чечне охранник даже очень богатого коммерсанта.

– Лежи тихо, – сказал Яковенко, – понял? У нас еще два часа и восемь километров, прежде чем нас подберет вертушка. Лежи тихо, и я тебя вытащу отсюда, или я тебя сам прирежу. Ты понял?

– Где Даша? – сказал раненый, и Яковенко ткнул его пальцем чуть ниже горла. Тот мгновенно потерял сознание.

Соркин тронул капитана за плечо:

– Он такой же охранник, – сказал Соркин, – как я английская королева.

Капитан Яковенко молчал. Он представил себе события прошедших суток. Разговор с пленным. Приказание начальства – убираться из этого квадрата. Лагерь боевиков без часовых и постов, лагерь, который охранялся так, словно Хасаев знал – никто и ничто ему не грозит. Солдат, которых бросили на убой полноватому боевику с татарскими скулами и белой прядью

у виска. От всей этой истории воняло самым черным запахом, который есть на войне, запахом страшнее пороха и крови, – запахом предательства. И человек, умиравший на полочке между небом и землей, тоже чувствовал этот запах.

– Как он себя назвал, так мы и сдадим его в госпиталь, – ответил Яковенко, – если он до госпиталя дотянет.

Через две минуты дорога была вновь тиха и пустынна. Не осталось ничего: ни следов разведчиков, ни пятен крови. Только остывал в ночи похожий на обугленный утюг БТР, да в соседнем ущелье в зеленке лежали шесть трупов. В трех из них выходное отверстие от пули было разворочено до размеров кулака, как это бывает при попадании надпиленной пули, и чтобы ни у кого не оставалось сомнений, кто это сделал, в складках окровавленного камуфляжа лежала бледно-желтая дешевая пластиковая бусина от разорванных мусульманских четок.

Часть первая

Глава первая, в которой оказывается, что краевой прокурор должен владельцу казино «Коралл», а владелец казино «Коралл» должен Аллаху

Руслан сидел в своем кабинете на третьем этаже и смотрел на мониторы системы наблюдения. Картинка прыгала, как пиратская копия; по экрану электронной рябью ползла красивая жизнь – глубоко декольтированные вечерние платья, красные длинные ноготки красавицы-крупье, бешено вращающийся в рулетке шарик и бокал с дымчатым, как топаз, коктейлем, поставленный на зеленое сукно игрового стола.

Вокруг тонкой ножки бокала неожиданно обвилась чья-то ладонь. Ладонь была широкой, как лопата, и из нее вырастали пять коротких, украшенных черными накладными ногтями пальцев. На среднем сиял бриллиант размером с фундук.

Изображение сдвинулось еще чуть-чуть, и под камеру, подобно океанской рыбе, всплыла сама обладательница бриллианта, накладных ногтей и бокала с затейливым коктейлем. Серебряное шитье, обтягивающее мощный ее круп, засверкало в свете двухметровой люстры, свисающей с расписного потолка.

Из-под декольте, как из-под дынной плети на бахче, вздымались две перезрелых груди невиданных размеров. На дряблой коже ослепительно сверкали бриллианты.

Бриллианты и круп принадлежали супруге губернатора Озерова, по совместительству занимавшейся бизнесом. Ольга Николаевна Бабец владела небольшим домостроительным комбинатом, который за последние три года выиграл все сколько-нибудь завидные тендеры на возведение жилья, скромной фабрикой по производству пластмассовых стульчиков и формочек (фабрика имела удивительную прибыль, ибо Кесаревский НПЗ поставлял туда полипропилен втрое ниже себестоимости), а также заводиком по производству тротуарной плитки. Существование заводика оказало заметное влияние на городской ландшафт Кесарева: дороги даже в центре города не асфальтировались годами, на это не хватало денег, однако тротуары и площади ежегодно прирастали все новыми и новыми километрами веселенькой разноцветной плитки.

Однако главным бизнесом Ольги Николаевны была рыба: двенадцать принадлежащих ей траулеров и три ярусолова с удивительным постоянством получали половину краевых, распределяемых губернатором квот на вылов минтая, краба и трубача.

Несмотря на изрядное состояние, Ольга Николаевна Бабец не любила играть в казино. Зато она постоянно назначала там деловые встречи, с удовольствием поглощая немислимые количества любимой ею гусиной печенки, баранины на косточке и малины, – и никогда не расплачиваясь по счету. Редко-редко она подходила к столу в «блек-джек» и разменивала сотню на мелкие фишки. Играла минут пять-десять. Если проигрывала, начинала спорить с крупье и орать, как на рынке.

Вот и сейчас она, стоя у рулетки, нерешительно потянулась и поставила две двадцатипятидолларовые фишечки – на черное.

Полный румяный мужчина, стоявший по ту сторону стола, – прокурор края Андриенко, – поставил три тысячи на первую треть. Третий игрок, среднего калибра авторитет по кличке Костя Покемон, кинул две штуки безо всякой видимой системы.

Колесо рулетки закрутилось, шарик заскакал по номерам, сверкая ртутным блеском, Ольга Николаевна дернулась забрать одну из фишек, потом передумала. Покемон, торопясь, раскидал фишек еще на две тысячи.

Улыбнулся и сказал что-то на ухо прокурору.

Руслан напрягся. Андриенко был назначен в край недавно, но в соответствии с новым пониманием роли прокуратуры развернулся круто. Он уже поменял управляющих на пяти предприятиях, обложил данью ментов и судебных приставов, и в настоящий момент выяснял отношения с ФСБ. А стало быть – и с покровителями Руслана. Свою бескомпромиссность Андриенко объяснял удивительно просто. «Я два миллиона заплатил за назначение, – говорил он, – надо отбить».

Шарик рулетки провальсировал по кругу последний раз, заколебался и скатился на цифру «13». Черные.

Ольга Николаевна сгребла выигрыш, повернулась и поплыла по залу, раздвигая могучим серебристо-черным форштетнем губернскую элиту.

Андриенко рассерженно покосился на Костю Покемона: тот выиграл довольно много. Костя в ответ осклабил белые волчьи зубы.

Нет, это совсем не голливудский фильм, – раздраженно подумал Руслан, обзревая мониторы. В голливудских фильмах в казино играли одни молодые женщины в платьях, сидящих на них, как шкурка на абрикосе, и обольстительные мужчины с повадками Джеймса Бонда. Среди русской публики мало кто уступал Ольге Николаевне габаритами, и только китайцы, – молодые, холеные, худощавые, сверкали раскосыми глазами и белоснежными манишками. Китайцы постоянно приезжали в Кесарев. В самом Китае азартные игры были запрещены, и в приграничном Кесареве число казино перевалило уже за двадцать. Почти половина из них китайцам и принадлежала, но даже Руслану, чье казино считалось за элитный клуб, китайцы приносили больше половины дохода.

Надо было идти вниз и приветствовать Ольгу Николаевну, но что-то удерживало Руслана на месте. Предчувствие. И нехорошее. А предчувствия Руслана никогда не подводили. Без них бы тридцатидевятилетний выпускник физмата, бывший комсомольский активист и сын ссыльного чеченца Руслан Касаев никогда бы не стал одним из крупнейших бизнесменов Кесаревского края. Косточки его бы давно сгнили в земле.

Руслан поднялся из-за стола и подошел к пуленепробиваемому окну. Там, внизу, лежала ухоженная сентябрьская ночь: лепестки роз на клумбах сплетались в слово «Коралл», море дышало влагой и солью, и в фонтанах, подсвеченных мощными прожекторами, прыгали красные и зеленые шарик.

Пора было идти к губернаторше. Руслан отвернулся от окна и взглянул на себя в зеркало. Точеный римский профиль. Тщательно выбритый час назад подбородок. Совершенно белая кожа – чтобы она была еще бледней, Руслан почти никогда не ездил на юг и даже летом две недели провел на Аляске. Безукоризненный черный костюм в тонкую полоску, белая рубашка, шелковый галстук и туфли от Джона Лобба, и подо всем этим – безупречно сложенное, высокое и поджарое тело.

Он бы ничем не отличался от европейца, если бы не волосы цвета дегтя и черная волчья щетина, вызревавшая на щеках с удивительной скоростью: Руслан брился два раза в сутки, как минимум. Это было тем более обидно, что предки Руслана происходили из Гуни, гуноевцы считались казацким тейпом, и из четырех братьев Руслана трое были рыжеволосыми и голубоглазыми.

Над стремлением Руслана выглядеть как русский, – он даже официально поменял отчество с Абусалимович на Александрович, – в городе подшучивали, но шутить удавалось только очень влиятельным людям.

Как и большинство чеченских коммерсантов и тем более бандитов, Руслан мастерски владел искусством мгновенно превращать безобидное застольное выпучивание в жесткий наезд с криками «да как ты, сука, меня назвал?» – наезд, после которого собеседник оказывался кругом виноват перед Русланом, а то и должен ему.

Но сейчас из старинного зеркала в золоченой раме на Руслана глядел человек с типично европейской – ну, скажем, итальянской – физиономией в безупречном деловом костюме; и никто бы при случайном знакомстве не заподозрил, что по-настоящему фамилия этого европейца писалась даже не Касаев, а Хасаев.

Слишком известная фамилия.

Он бы и сам хотел это забыть.

За окном послышался легкий шум, и Руслан снова повернулся к стеклу. У подъезда стояли два черных «лексуса», оба в сопровождении джипов охраны. Раскосые их фары отражались в струях фонтанов, и суровые охранники в камуфляже следили за сине-красным швейцаром, распахивающим дверь первой машины.

Из машины показалась лысая голова Артема Сурикова, – хозяина половины кесаревских заправок и Кесаревского НПЗ. Отсюда, сверху, Суриков казался смешным толстеньким человечком с оттопыренными ушками, – но Руслан знал Артема Ивановича за одного из самых богатых и опасных людей края.

Из следующей машины выскочил плотный пятидесятилетний человек в джинсах и простой белой майке. По виду его можно было принять за охранника Сурикова или бандита. Это был начальник краевого управления ФСБ генерал-майор Савелий Рыдник, неофициальный партнер и Сурикова, и Руслана. Рыдник протянул руку, и на асфальт, напоенный сполохами огней и фонтанов, ступила стройная красавица в розовом платье, тесном и прозрачном, как шкурка сосиски. Лола, поп-звезда краевого значения и жена Рыдника. К удивлению Руслана, генерал приехал не с девочками, а с женой.

Руслан обреченно подумал, что теперь-то ему точно придется спускаться к гостям.

Дверь кабинета приоткрылась, и на пороге показался Рома Вишняков, занимавший в казино должность, официально именовавшуюся «менеджер по связям с общественностью». Рома был выпускником ГИТИСа и инструктором по дайвингу. Он проводил лотереи, развлекал гостей, поставлял им проституток, а в случае надобности мог и сам оказать помощь богатой скужающей даме. Говорили, что услугами Ромы пользуется и сама губернаторша.

– Руслан Александрович, – сказал Рома, – там подъехали Суриков и Савелий Михайлович. И еще мент приходил, новый какой-то, из соседнего участка. Сказал, что готов вас крышевать за семь тысяч в месяц.

– Скажи ему, что за семь тысяч его в сопках закопают. Что еще?

– К вам какой-то Муса. Говорит – родственник.

Губы Руслана брезгливо дрогнули.

Родственники. Двоюродные братья, троюродные, четвероюродные, пятиюродные – и так до седьмого колена, – не один, не два, как у русских или американцев, – целые десятки.

Где они были, когда отца его зарезали на поселении по указу ссученного актива? Где они были, когда семнадцатилетний Руслан, с рюкзаком за плечами, приехал в Москву поступать на физмат, – и прошел, прошел, стиснув зубы, сдав на пятерки все, кроме русского языка. Из-за русского он не набрал проходного балла, но физрук факультета, когда он пришел на апелляцию, высмотрел в анкете запись «КМС по боксу», осмотрел молодого чеченца цепким взглядом и сказал: «Будешь выступать за факультет». И Руслана приняли.

И Руслан выступал. Он выступал на соревнованиях по боксу и соревнованиях по пятиборью. Он плавал за Сидорова и бегал за Иванова, а летом он организовывал трудовые отряды и ехал в Кесарев добывать гребешки, – именно так он впервые попал на Дальний Восток.

А потом он поступил в аспирантуру и защитил диссертацию по физике высоких энергий, – и где в это время были его родственники? Пасли овец в горах?

Они появились в восемьдесят девятом году, в Москве, когда Руслан уже начал заниматься бизнесом; и после первого же их визита молодой чеченец бросил бизнес в Москве, на последние деньги отправил сестру в Оксфорд, а сам уехал в город с имперским названием Кесарев. Город, основанный Павлом для завоевания Китая и Кореи. Опорную базу России на Дальнем Востоке, крепость, которую так и не взяли японцы во время гражданской войны.

Но в Кесареве тоже были чеченцы. И война между чеченской и славянскими группировками. И так случилось, что славянская группировка в этой войне придерживалась воровских понятий и не сдавала конкурентов органам. А *нохче* презирали понятия воров так же, как они презирали законы коммунистов.

Это была чужая земля: земля охоты и мести. Мести за все, начиная с Дады-Юрта, вырезанного генералом Ермоловым, мести за чужие обычаи, за убитых отцов, за ссылку и лагерь, – и они закладывали славян-бандитов с той же легкостью, с которой они резали горло славянам-коммерсантам.

И тогда родственники снова появились в жизни Руслана. Они приезжали на неделю-другую, по трое-четверо, обросшие черными волосами, пахнущие овцами и кровью, и разговаривали между собой на языке, который Руслан помнил только по детским дракам и ночным кошмарам, и пока они жили у Руслана, в Кесареве обычно что-то происходило. Заказное убийство. Или взрыв.

Родственники уезжали сразу после убийства, а иногда бывало так, что после их отъезда становилось известно о похищении крупного бизнесмена.

Сначала они жили в комнате, которую он снимал в коммуналке. Потом они жили в его кооперативной квартире на Лермонтова. Потом они жили в его загородном особняке.

В родственниках были свои преимущества. Потому что не всегда они приезжали сами. Если у Руслана были проблемы, Руслан сам мог их позвать. И тогда они, приезжая, жили не у него. Но когда они уезжали, проблем у Руслана больше не оставалось. А на городском кладбище прибавлялась одна-две новых могилы.

Они не убили Руслана, как они убили большинство подкрышных им славянских коммерсантов. Более того, они помогли ему с бизнесом, а глава краевого ФСБ Савелий Рыдник, тот самый, который когда-то пересажал славянских воров, свел Руслана с губернатором. Они не посадили его на героин и даже не заставили им торговать. Без них кандидат физических наук Руслан Касаев не стал бы ни пайщиком подпольной порностудии, ни владельцем казино «Коралл», ни хозяином таможенного терминала и автотранспортной компании, осуществлявшей почти треть трейлерных перевозок между Кесаревским краем и Китаем и перевозившей, впрочем, не только безобидное китайское тряпье и корейскую электронику, но и – как-то раз, еще когда жив был Халид – замотанные в тюки с тряпьем, упакованные в непромокаемые мешки китайские «ТТ».

Но ему и не нужно было этого. Ни казино, ни порностудии (которую, слава Аллаху, давно сбыли китайцам), ни стволов в пуховиках. Ему нужна была транспортная компания, с финансами прозрачными и понятными, как уравнение Шредингера, компания, акции которой он мог бы разместить на западных рынках. Он не для того всю жизнь уходил от средневековья, чтобы селить в своем доме пахнущих козами убийц. Он хотел, чтобы бухгалтерия его компаний выглядела так же, как он сам в зеркале. Чтобы у нее были чисто выбритый подбородок и костюм из шерсти тонкорунного мериноса.

Они взяли у него куда больше, чем дали.

– Муса? Какой Муса? – недовольно спросил Руслан.

– Говорит, Муса Мухадиев. Говорит, вы ему помочь обещали.

Руслан вспомнил, кто это мог быть. Муса Мухадиев женился на овдовевшей тетке Руслана лет семь назад; в счастливые дни независимости успел постоять в чеченских блок-постах, грабя прохожих именем Халида до тех пор, пока Халид однажды не передал ему, что задушит как кошку. Когда снова началась война, отошавший Муса объявился в Москве и напросился к Руслану. «Работать умеешь?» – спросил Руслан. «Нет». – «А убивать?» «Тоже нет», – признался Муса. «Ты что думаешь, ты мою тетку замуж взял и на всю жизнь себя обеспечил?» – спросил Руслан. По мере того как Руслан богател, все больше и больше людей вспоминали, что они его родственники. Некоторых Руслан брал в охрану. Некоторые не годились ни на что.

– Он не очень грязный? – спросил Руслан, по-прежнему косясь на себя в зеркале. Он был на пятнадцать лет старше Ромы, а выглядел ничуть не хуже, чем этот акваланговый жеребец.

– Очень, – честно ответил Рома.

Руслан колебался секунду.

– Проводи его сюда. Чтобы гостей не пугал. Скажи: «Руслан велел подождать».

– И еще, – сказал Рома, – там Андриенко.

– Что – Андриенко?

– Прокурор. Он проигрывает.

– Сколько?

– Да штук тридцать уже проиграл. Отпускные, видать.

– Чего ты несешь? – невольно удивился Руслан, – какие отпускные? Где ты видел тридцать тысяч долларов отпускных?

– Это смотря кого отпускать, – развел руками Рома.

Руслан расхохотался.

– Ну и прекрасно, что проигрывает. Ни за кого из проигравших в моем казино я не рад так, как за господина Андриенко.

Чеченец хищно улыбнулся и сбежал по длинной мраморной лестнице в игровой зал.

Рыдник уже стоял у соседнего стола с «блек-джеком», и по левую руку от него возвышалась солидная стопка черно-белых тысячедолларовых фишек. Начальник УФСБ по краю любил играть, играл помногу, был случай, когда он оставил в казино шестьсот тысяч, и на все попытки оттащить его от стола отвечал:

– Отойди. Все равно я тут в доле.

Впрочем, обычно Рыдник был удачливым игроком; он бывал в казино минимум два-три раза в неделю и уносил домой по пять-шесть тысяч долларов. Как и все страстные игроки, он преувеличивал свое везение и не понимал, что редкие сотысячные проигрыши более чем компенсируют заведению мелкую ежедневную удачу.

Чуть поодаль, за столиком, сидел Аркаша Наумов, – рыбный коммерсант, который сильно вырос под крылом бандита Трошкина, а сейчас, когда Трошкина расстреляли в Пусане, потихоньку окучивал под себя весь бизнес. Наумова в казино не любили: он ставил мало, играл только «на верочку» в покер с партнерами и, выиграв тысяч пять-десять, тут же уходил, ссылаясь на завтрашние встречи. По неписаным правилам первым уходил проигравший.

Артем Суриков беседовал с губернаторшей за низким столиком в ресторанном зале. Перед Ольгой Николаевной уже стояла тарелка с гусиной печенью, украшенной сочными ягодами малины.

За соседним столиком расположилась большая компания, в которой Руслан сразу отметил Мишу Глотова и Сашу по прозвищу Морж. Гловот и Морж были профессиональными игроками, с двадцати лет стажировавшимися по катранам.

– Третий месяц, – громко и капризно говорила губернаторша, – а решения все нет. Вы, Артем Иванович, уж поторопитесь. Деньги-то не ваши.

– Ольга Николаевна, – начал Суриков, – вопрос двух-трех дней...

Увидел Руслана и замолчал. Но Руслан и так понял, о чем идет речь: Ольга Николаевна проталкивала своего человека на пост главы Госкомрыболовства. Чеченец, церемонно поклонившись губернаторше, отвел ее в сторону.

– Ольга Николаевна, – сказал Руслан, – у меня к вам просьба маленькая. У меня друзья, у друзей склад с водкой. Раньше у них никаких проблем не было, а теперь новый вице-губернатор с них тридцать тысяч в месяц просит. Говорит, не для себя. Надо бы эту проблему порешать.

Супруга губернатора посмотрела на Руслана.

– Слушайте, Руслан Александрович, – спросила она, – эти друзья вам платят?

– Нет.

– Так что ж вы себя дураком выставляете? Они вам не платят, а вы за них просите?

Савелий Рыдник выиграл десятку, довольно улыбнулся и подошел к Сурикову с Русланом.

– Ну что, пошли наверх? – спросил Суриков.

Глотов и Морж наострили уши. В покер между собой играли наверху, чтобы не смущать народ составом присутствующих и размахом ставок.

– Отойдем. Разговор есть, – сказал чекист.

* * *

Спустя две минуты генерал-майор ФСБ Савелий Рыдник и владелец Кесаревского НПЗ Артем Суриков сидели в небольшом баре на втором этаже. Метровые листья пальм отражались в черном полированном столике и зеленоватом стекле пола.

Суриков мелкими глотками пил подогретое саке. Рыдник поигрывал тысячедолларовыми фишками и смотрел сквозь пол вниз, туда, где его жена любезничала с Костей Покемоном. Рыдник лениво раздумывал, стоит ли послать за Покемоном «наружку» или хватит отеческого наставления, переданного через общих знакомых.

– Разговор такой, – сказал Рыдник. – В Москве будут создавать новое агентство, в составе ФСБ. Агентство по борьбе с терроризмом. Я могу его возглавить.

– И что для этого нужно?

– Пять миллионов.

– Это чтобы назначили или чтоб попасть в список?

– Это чтоб попасть в список.

Суриков помолчал.

– Рискованно, – сказал он, – мало ли там со скольких эту пятерку возьмут. А потом кого-то своего назначат и скажут – так получилось. Гарантий-то нет.

– Гарантии будут за двадцать, – отозвался Рыдник.

– И как ты будешь отбивать деньги на террористах? Это тебе не с контрабандой бороться, – недовольно сказал Суриков.

Суриков понимал, что деньги за назначение генерал просит с него. Ему было жалко денег, и к тому же кто сказал, что Рыдник его не разводит? Стрясет пятерку, а скажет, что потратил в Москве. Это было часто с Рыдником: он просил вроде как на дело, а потом Суриков стороной узнавал, что никуда дальше генерала деньги не пошли.

– Кроме того, – продолжал Суриков, мучительно соображая, как съехать с темы, и вдруг мгновенно переменял интонацию:

– Господи! Да что ж там такое?

«Там» располагалось далеко внизу, за спиной Лолы, и, судя по всему, «там» происходило что-то нехорошее. Почти такое же нехорошее, как два месяца назад, когда капитан сторожевого пограничного катера проиграл в казино семьдесят тысяч долларов и принялся от обиды палить в воздух. Капитана приняли; прокуратура, вспухши от жадности, стала выяс-

нять, откуда у капитана пограничного катера такие бабки. Происхождение долларов так и не выяснилось, – зато выяснилось, что за полгода сторожевик даже ни разу не заходил на базу заправиться. Ленивый капитан, видимо, получал топливо там же, где и деньги – у браконьеров.

Рыдник недовольно нахмурился, и в эту секунду из комнаты, где играли в покер, выскочил начальник охраны казино.

– Савелий Михайлович! – возопил он, – как хорошо, что вы здесь... Там... там...

Рыдник пожал плечами и вместе с охранником заспешил вниз.

В центре зала, окруженный изумленной публикой, стоял прокурор края, Александр Андриенко. Он был сильно пьян: из-под съехавшего набок дешевого галстука виднелась тощая, украшенная пятнами волчанки шея. Напротив прокурора стояла растерянная женщина-крупье, довольно полная, сорокалетняя, в белом декольтированном платье и отчаянно-черном парике, который должен был придавать ей некоторую пикантность, но почему-то делал ее похожей на продавщицу из советского универсама.

– Да тут у вас одни мошенники! – орал Андриенко, разбрызгивая слюну. – Вон, я выиграл!

– Вы проиграли, – тихо, но твердо отвечала крупье.

К столу, в сопровождении охранников, уже шел Руслан, и тесная толпа расступалась перед чеченцем, как выкипающая на сковородке вода.

– Что случилось? – спросил Руслан.

– А то и случилось, – громко сказал прокурор, – что я поставил в этом гребаном казино пять штук на «девятнадцать», число выпало, а эта сучка берет лопатку и все сгребает себе.

Руслан вопросительно поднял брови.

– Он не ставил на «девятнадцать». Он ставил на «семь». А выпало «девятнадцать», – ответила крупье.

– Сколько он засадил? – тихо спросил Рыдник одного из охранников.

– Сто двадцать, – ответил тот.

– Да ты знаешь, кто я такой? – заорал прокурор, – я вас всех... Всех тут...

– Пошли наверх, – спокойно сказал хозяин казино.

На втором этаже располагались мониторы камер наблюдения. Над мониторами висела красавица Лола в голубом бюстгальтере и с красными губами. Два охранника внимательно следили за камерами. Все происходящее в зале, – и не только в зале, – фиксировалось на пленку и потом сбрасывалось в компьютер, и благодаря популярности «Коралла» Руслан Касаев обладал самой большой коллекцией видеокомпромата в крае.

При появлении высоких гостей охранники вскочили с места.

– Я вас всех тут выведу на чистую воду, – орал прокурор, поддерживаемый под руку Рыдником.

– Пятая камера, – сказал Руслан, – давай посмотрим, что там было.

Лицо Андриенко приобрело более осмысленное выражение, и он уставился в экран. Несколько минут на мониторе шла обычная игра. Играли прокурор и китаец в темном свитере; прокурор проигрывал, зарывался, ставил много и бестолково и только один раз выиграл десятку.

Насчет отпускных Рома Вишняков был, видимо, прав: деньги у прокурора были с собой в зеленом полиэтиленовом пакете, и более того, пакет был украшен стилизованным изображением корабля и надписью «Дальрыбтрест». Владелец «Дальрыбтреста» Ванятка Сочин в августе переехал пополам старенькую «мазду» с пассажирами, и, судя по размерам пакета, это обошлось ему недешево. Не сделали даже скидки на то, что Ванятка недавно стал помощником губернатора.

Китаец играл немного и хладнокровно. Прокурор спустил все и попросил у крупье в долг фишек на двадцать тысяч.

Первый же поворот рулетки скосил половину. В следующую игру Андриенко бестолково раскидал несколько фишек по полю, тысячу поставил на красное, рулетка завертелась, и в этот момент прокурор поставил пять тысяч долларов на число «семь», соседнее с «девятнадцатью». Андриенко перегнулся через стол, не отрывая взгляда от вертящегося шарика. Левая рука его оказалась в опасной близости от ставки, перекрывая вид крупье. Шарик запрыгал и свалился на «19». И в то же мгновение локоть прокурора, будто бы нечаянно, передвинул фишку на пять сантиметров левее. Это был старый как мир и очень грубо исполненный прием.

Руслан отмотал пленку на несколько секунд назад, остановив прокурорский локоть в самом интересном положении. Андриенко пошел красными пятнами.

– Видите, Александр Валерьевич, – с убийственной вежливостью сказал чеченец, – вы проиграли.

– Что ты мне показываешь? – возмутился Андриенко, – я что, не помню, на что ставил? Да вы пленку подменили!

У охранников казино отвисла челюсть.

– Вы проиграли, – не повышая голоса, повторил Руслан, – а это называется мошенничеством. В Москве бы вас сейчас избили, как собаку, и выкинули бы вон.

– Ты что, хочешь сказать, что я засадил сто двадцать штук в твоём гребаном заведении? Да ты понимаешь, кто я такой?

Темно-финиковые глаза Руслана слегка сузились.

– Ты прокурор края, – сказал генерал Рыдник, – и это вопрос, откуда у прокурора края сто двадцать штук?

– А у тебя? Да ты...

Начальник УФСБ по краю улыбнулся и показал рукой на плакат.

– А у меня жена хорошо зарабатывает, – сказал он.

И тут прокурор Андриенко сделал ошибку. Он был пьян, раздосадован проигрышем и назначен в край недавно.

– Шлюха твоя жена, – сказал он, пьяно улыбаясь.

В следующую секунду генерал въехал ему прямо в пятка.

Какими бы недостатками ни обладал генерал – неумение драться в их число не входило. Кулак генерала Рыдника составил неплохую конкуренцию гравитационному полю Земли: прокурор взмыл в воздух и, пролетев два метра, шумно обрушился спиной на мониторы. Рыдник с ревом устремился за ним. Охранники повисли на генерале, как борзые на разъяренном медведе.

– Савка, успокойся, – закричал Руслан.

Куда там! Рыдник дрался без криков и без правил. Один из чеченцев обхватил его сзади, огреб головой в подбородок и осел на пол. Другой получил ребром стопы по хрустнувшему колену. Прокурор полз по стенке в дальний конец комнаты. Руслан бросился его поднимать.

– Уберите от меня этого придурка, – истошно орал прокурор. Ноги его, в щегольских ботинках крокодиловой кожи, скребли по полу, полосатые брюки задрались, открыв взору черные с красными стрелками носки.

Дверь распахнулась, и в дежурку вскочил Рома Вишняков. Надо отдать ему должное – мальчик тут же понял пикантность ситуации. Пока генерал разбирался с охраной, Рома с Русланом подхватили обеспамятевшего прокурора под руки, снесли его вниз и сдали с рук на руки казенному водителю.

Габариты прокурорского «крузера» уже таяли в темноте, когда из служебного входа выбежал Рыдник. Ворот белой майки был разорван, и в руке генерала Руслан, к своему ужасу, заметил табельный пистолет. Вслед за начальником краевого УФСБ бежал один из охранников казино, по имени Сапарби, зажимая рукой рассеченную кожу над глазом.

Увидев, что прокурорская машина уже уехала, Рыдник пожал плечами. Сунул пистолет в карман и принялся обеими руками зачерпывать воду из фонтана и лить себе за шиворот.

– Блин! – сказал Рыдник, – раньше за такое стрелялись!

Руслан Касаев представил себе в подробностях дуэль между начальником УФСБ по краю и краевым прокурором и вздохнул. Ему бы не хотелось быть на этой дуэли секундантом.

* * *

Руслан вернулся в свой кабинет через час. В зале уже никого не было. Компания, собравшаяся играть в покер, как-то необыкновенно быстро рассосалась после истории с прокурором. Рыдник с Суриковым уехали. Готов пил сакэ в компании какого-то рыбного авторитета.

Открывая дверь кабинета, Руслан почуял кислый запах немытой одежды и запоздало вспомнил о Мусе. О, черт!

Бедный родственник сидел в его, Руслана, кресле, развернувшись вполоборота и наблюдая за мониторами. Из-под замызганного серого свитера вылезала седая щетина на подбородке.

– Здравствуй, Муса, – сказал Руслан по-русски.

Человек в кресле развернулся, и Руслан с удивлением понял, что это не Муса. Человек был ему вообще незнаком. Черт, да это и не чеченец! Седые волосы, взлетающие вверх татарские скулы и тонкие сильные пальцы, перебирающие четки из нанизанных на вошеную нитку кусочков металла...

Четки из пень?

– Ваалейкум салам, Руслан.

Сердце бухнуло неровно и замерло. Руслан понял, что сегодняшнее предчувствие относилось вовсе не к русскому прокурору.

* * *

Прошло, наверное, несколько секунд, а Руслан стоял у двери собственного кабинета, там, где узнавание прошло через него фотовспышкой. Человек в кресле слегка раздвинул полные влажные губы, обнажая белые корешки зубов. Почему-то это очень мало походило на улыбку. Разве волки улыбаются? Они показывают клыки.

– Юха, ма латта.¹

Рука с неровными обкусанными ногтями описала круг и указала на стул для посетителей.

– Просто... рад, – сказал Руслан, – я тебя не узнал. Ведь говорили, что тебя убили.

– Рад – это хорошо, – отозвался посетитель, – слишком многие в России нам не рады. Странно это, Руслан, когда чеченец не рад брату и пирует с его убийцами.

Посетитель встал. Он был на полголовы ниже Руслана, но, несмотря на грязные джинсы и не первой свежести свитер, от него исходило ощущение силы и власти. Лицо и тело его по-прежнему казались непривычными, словно новая обивка давно прижившегося в углу дивана, но никто не спутал бы сейчас эти плавные, уверенные движения профессионального убийцы с дергающимися манерами бедняка Мусы.

Темные его глаза, – абсолютно черный зрачок сливался с абсолютно черной радужкой, как в хорошем прицеле мушка сливается с центром мишени, – неспешно пропутешествовали по фигуре Руслана, ощупали ее от подметок тысячедолларовых туфель до воротничка украшенной монограммой рубашки, – и Руслану показалось, что белые полосы на его костюме из

¹ Садись, не стой (*чечен.*)

шерсти лучшего английского мериноса становятся широкими и грубыми, как полосы на робе заключенного.

– Неплохо живешь, – сказал гость.

– Ты когда-то сам меня учил выбирать одежду, – ответил Руслан.

Гость пожал плечами.

– Это было давно. Говорят, в Коране сказано, что тот, кто носит «Хьюго Босс» на этом свете, не будет ходить в нем в раю.

– И в какой же суре?

Антрацитовые зрачки блеснули насмешкой.

– Не помню. Но я совершенно точно помню другой аят: не равны друг другу те, кто отсиживается дома, и те, кто сражается на пути Аллаха. Особенно если все, чем владеют отсиживающиеся, они владеют благодаря Аллаху и своим родичам.

* * *

Ванная у Руслана имела две двери: одна вела в комнату отдыха, другая в тренажерную. Там же, в тренажерной, был шкаф с чистой одеждой.

Посетитель отсутствовал довольно долго; сначала он мылся, пофыркивая от удовольствия, а потом журчанье воды смолкло. Руслан приоткрыл дверь в ванну: с бело-синего кафеля испарялись лужицы горячей воды, и в углу валялась немытая одежда гостя, словно кокон, из которого вылупилась бабочка. Сквозь мутный хрусталь двери, ведущей в тренажерную, виднелся смутный силуэт человека, свернувшегося на коврике, как жук-богомол. Руслан поднял из кучи тряпья серый свитер и вернулся в комнату отдыха.

Гость молился довольно долго: видимо, он пропустил немало молитв и теперь делал возмещающий намаз. В кармане свитера обнаружился в меру потрепанный паспорт на имя Колокольцева Александра Викторовича, 1964 года рождения, уроженца города Самара.

В другом кармане лежала запасная обойма от «ТТ». Видимо, сам пистолет гость взял с собой. Этот человек психологически не мог расстаться со стволом, как другие не могут выйти на улицу без брюк.

Руслан отпер стоявший в углу кабинета сейф и достал оттуда спрессованный в толстый банковский целлофан параллелепипед – сто тысяч долларов. Выдвинул ящик стола, бросил деньги туда, а из ящика достал австрийский «глок». Поднял трубку и попросил принести в кабинет ужин.

– Там сделай по красивей, – распорядился Руслан, – а то я с этим прокурором поесть забыл. А ко мне еще люди придут. Да, и охране скажи, чтобы пока домой ехали.

Когда ночной посетитель закончил свою терку со всевышним, ужин был уже накрыт в комнате отдыха. Руслан сидел на низеньком пуфике перед японским столиком – изящным сплетением титана и стекла – и тупо смотрел на пузырьки в бокале с минералкой. Вина на столе не было. Руслан знал, что его посетитель давно не пьет, ни вина, ни водки – ничего. И даже не потому, что так велит Аллах. Просто когда человек пьяным идет в бой – это не его храбрость. Это храбрость вина. Такой человек никогда не окажется после смерти там, где он хотел бы оказаться.

Скрипнула дверь. Руслан поднял глаза и обомлел. На пороге комнаты отдыха стоял худощавый сорокалетний человек в джинсах и мягкой кожаной куртке, наброшенной поверх белой водолазки. Подбородок его был чисто выбрит, а высокие скулы и взлетающие кверху уголки бровей свидетельствовали скорее о монгольском, нежели о кавказском происхождении. Мать гостя была татаркой. Пальцы гостя перебирали четки из деформированных пуль и кусочков металла, – черта, по которой Руслан, собственно, и узнал посетителя.

Волосы и брови гостя стали совершенно седые, скрыв его некогда характерную примету. Еще в девяносто первом году этот человек попал в пьяную ресторанную перестрелку. Пуля «марголина» снесла кожу за ухом, не тронув черепа, но волосы вдоль длинной отметины почему-то стали седыми. Тогда-то будущий полевой командир, а в ту пору – известный кесаревский бандит Халид Хасаев, и получил кличку Пегий.

В ту пору Халид вечно улыбался,пил сутки напролет и готов был забивать стрелки хоть Аллаху. Впрочем, про Аллаха он знал крайне мало и однажды повеселил вайнахов, татар и ментов, собравшихся за одним столом, глубокомысленным изречением: «А что, мусульмане такие же люди, только молятся два раза в сутки». При меньшем росте он весил килограммов на десять больше Руслана.

У человека, стоящего перед Русланом, похудело не только тело, но и кости. Так не меняются ни от диет, ни от физических нагрузок – только от ран и тяжелых болезней. Сейчас перед Русланом стоял седой, потрепанный жизнью русский, – спецназовец или просто военный. Тиф и седины изменили его куда сильнее, чем пластическая операция, которой он явно подвергся. Его выдавали только глаза. Они были того же цвета, что и вакуум за бортом космического корабля.

Посетитель пренебрег изысканными закусками, отдав предпочтение пресным лепешкам, баранине и фасолевому супу с сушеным мясом. Ел он быстро и аккуратно, снимая влажными красными губами куски мяса с кончика ножа, и только внимательный взгляд мог заметить, что он очень голоден.

Это тоже было новой чертой: когда-то Халид Хасаев предпочитал сушеному мясу свежего омара, и именно с чеченцем по кличке Пегий были связаны самые громкие ресторанские разборки. Скандал в ресторане был для Халида любимым способом пробивки русских коммерсантов. Подозвать ничего не подозревающего хозяина ресторана, вклеить ему в лицо тарелку с морским гребешком и заорать: «Ты че мне тухлятину подаешь? Ты че, сука, отравить меня хотел?» – это был фирменный трюк Халида. Еще через две минуты владелец ресторана просил прощения, еще через пять – он признавал, что *должен* чеченцу. К тому времени, когда несчастный коммерсант соображал, что именно произошло, и бросался за помощью к русским бандитам, сделать было уже ничего нельзя. «Это мой баран, – отвечал Халид на стрелке, – ты чего на чужую поляну лезешь?»

Руслан смотрел, как посетитель ест, и чувствовал себя в непривычной роли испуганного владельца ресторана.

– Что, – сказал посетитель, – раздумываешь, не позвонить ли Рыднику?

– Нет, Халид. Об этом я не думаю.

– Правильно. От Рыдника зависеть еще хуже, чем от меня.

– Зачем ты приехал, Халид? Тебя здесь могут убить.

– Меня убить очень легко, – ответил полевой командир, – только пресс-служба ФСБ делала это двадцать шесть раз. Я считал.

– Зачем ты приехал?

Чеченец откинулся на спинку дивана, аккуратно вытер салфеткой губы. Руслан и не думал, что у человека, девять лет бегавшего по горам, сохранились такие изысканные манеры.

– Я решил поработать по старой специальности.

– Бандитом?

– Еще раньше. Говорят, ты заключил контракт с Кесаревским НПЗ. На поставку и монтаж комплексной системы безопасности. Вот уже три месяца, как заключил и не можешь найти субподрядчика.

Руслан молчал несколько секунд.

– Это не очень выгодный бизнес.

– Разве? Ты получил шесть миллионов долларов предоплаты.

– Этих денег уже нет. Я смогу заплатить субподрядчику не больше двухсот тысяч. Меня послали уже три конторы, одна в Хабаровске и две здесь.

Паспорт Александра Колокольцева шлепнулся на стол между кукурузной лепешкой и краснобоким помидором.

– Фирма этого человека согласна заняться работой.

– Халид. Я рад, что ты жив. Я помогу тебе всем, чем могу. Деньгами. Оружием. Но я не могу заключить с господином Колокольцевым контракт на оборудование Кесаревского НПЗ системами наружного наблюдения.

– Почему?

– Потому что потом меня вычислят.

– Не беспокойся. Не вычислят.

– Что же должно случиться с заводом, чтобы меня не вычислили?

– А что случилось с Бамутом?

Руслан побледнел.

– Халид, это невозможно.

– Для Аллаха нет ничего невозможного.

Руслан невольно отметил, что этот новый Халид употреблял арабское слово «Аллах» почти так же часто, как девять лет назад он употреблял русское слово «хрен».

– Это Кесарев, – сказал Руслан, – это не Урус-Мартан и даже не Буйнакск. Здесь нет войны.

– А почему, собственно? – спросил гость. Насмешка в его глазах была как зайчик, отразившийся от полевого бинокля. – Россия воюет с Ичкерией. Разве в Ичкерии есть место, где нет войны? Тогда почему же в России есть места, где нет войны?

– Я бизнесмен, а не моджахед, Халид.

Халид перегнулся через низенький японский стол одним плавным рысьим движением. Руслан даже не понял, как это произошло: руки Халида в одно мгновение подхватили его под колени и дернули на себя. Руслан слетел с пуфика, больно ударившись головой и едва не потеряв сознание, и тут же поверх него приземлился Халид. Стальная рука легла ему на затылок. Другая потянула в сторону подбородок. Бешеные глаза цвета небытия глянули прямо в глаза Руслану. Руслан понял, что еще секунда – и Халид свернет ему шею, как цыпленку.

– Ты бизнесмен? А кто подарил тебе бизнес?

– Мне никто ничего не дарил. Я все беру сам.

– Ты недостойн быть чеченцем, Руслан. Ты сидишь в России и делаешь бизнес с теми, кто на нашей земле вырезает наших отцов и сыновей! Ты смотришь на нас, как на немых дикарей, а между тем каждый раз, когда тебе в твоём чистом бизнесе мешает конкурент, ты зовешь нас! И тебя жаба душил платить тем, кто сражается за свободу твоей родины, больше, чем ты платишь собакам в погонах!

Руслан схватил Халида за руки и попытался оторвать их от своей головы. С таким же успехом он мог дергать запертый сейф.

– Ты слишком во многом замешан, – сказал Халид, – нельзя перепрыгнуть через половину ущелья.

Руслан саданул гостя коленом в пах. Тот на секунду ослабил хватку, Руслан боднул его головой в нос и тут же из положения лежа нанес ему свой коронный удар, семнадцать лет назад принесший ему второе место на Спартакиаде народов СССР, – короткий хук справа. Его тренер всегда говорил: «Если не хочешь бить второй раз, бей правой». Халид, с окровавленным лицом, отлетел назад, ударившись спиной о небьющуюся стеклянную пластину стола. Пластина треснула. С громким стуком посыпались вниз тарелки и жирные куски баранины вперемешку с икрой.

Руслан выхватил пистолет из-под пиджака. Он знал, что будет делать, с той минуты, когда достал «глок» из ящика стола. Именно поэтому он отпустил охрану. Он не пойдет к чекистам сдавать Халида, потому что их дед проклянет его и никто в роду никогда его не простит. Но и Халиду он не позволит калечить свой бизнес. Первым ударив брата, Халид сам решил свою участь. «Зарою сам, – мелькнуло в мозгу, – никто никогда ничего не узнает».

Немигающие черные глаза смотрели на Руслана, зрачок в зрачок. В них не было ни боли, ни растерянности: один потусторонний холод.

Отлетая, Халид выхватил нож. Мелькнувшее перед глазами лезвие заставило Руслана промедлить долю мгновения, и тут же запястье с пистолетом перехватили, словно чугуном прессом. Неведомая сила вздернула хозяина казино в воздух, стол мелькнул неправдоподобно внизу, и Руслан, приземляясь, еле успел подставить вместо позвоночника руку. Он упал с характерным хрустом выворачивающихся из пазов суставов. Боль была адской. Унижение оказалось хуже боли.

Халид подошел к нему и несильно пнул в бок. Отнятый у двоюродного брата «глок» казался продолжением его руки. Халид цапнул с дивана мягкую игрушку – розово-желтого жирафа со смешно заламывающимися ушами, и ткнул стволом в брюхо зверушке. С подбородка Руслана текло: он угодил лицом в раздавленный помидор.

Руслан понял, что больше не выдержит. Он закрыл глаза и тихо проговорил:

– Халид, не убивай. Ты выиграл. Не надо.

– Знаешь правило? – спросил Халид. – Вынул ствол – стреляй.

Выстрел из пистолета с импровизированным глушителем был почти не слышен. Ногу пронзила дикая боль, и только по ней Руслан понял: он еще жив. Хозяин казино вздохнул, потерял сознание и обмяк на полу, как шкурка, из которой вынули банан.

* * *

Изящные настенные часы, осененные двумя китайскими вазами начала XVI века, купленными в прошлом году в Японии за пятьдесят тысяч долларов, прозвенели половину второго ночи, и Руслан очнулся. Он лежал на полу в комнате отдыха, и руки его были пристегнуты наручниками все к тому же японскому столику: к титановой трубе, ввинченной в пол. Руслан лежал навзничь, и пластина стола над ним расслоилась, как лобовое стекло автомобиля, поймавшего булыжник на скорости двести километров в час.

Халид был уже не один. Вместе с ним были еще двое, оба в джинсах и дешевых китайских кроссовках. Один чеченец был неправдоподобно молод, с тонким смуглым лицом и точеными чертами, делавшими его похожим на девушку. Его Руслан видел впервые.

Второй казался хрупким и невысоким, и только мощные запястья, поросшие коротким седеющим волосом и полускрытые длинными рукавами синей в клетку рубашки, выдавали его страшную силу. Этого человека Руслан знал, и то, что он знал, не особенно радовало.

Молоденький рылся в ящиках стола. Поверх клавиатуры компьютера лежал запаянный в пластик параллелепипед – сто тысяч долларов. Второй – его звали Висхан – перебинтовывал ногу Руслана. Заметив, что тот открыл глаза, Висхан улыбнулся четвертинкой челюсти и сказал:

– Навылет. Быстро заживет.

Руслан знал, почему на Висхане рубашка с длинными рукавами. Вены чеченца, должно быть, исколоты до полного исчезновения. Висхан Талатов пристрастился к наркотику после того, как русские взяли его в плен. У Висхана был поврежден позвоночник, а из легких выбивались струйки крови. Русские решили, что он не выживет, и выкинули его из вертолета с тридцатиметровой высоты. У федералов это называлось «учить летать».

Висхан выжил. Он перенес восемь операций, и три из них – в полевых условиях. Промедол ему кололи дважды в день, чтобы хоть как-то облегчить боль.

После своего чудесного спасения Висхан Талатов перешел с промедола на героин и уверовал в Аллаха. Как и всякий человек, считавший себя богоизбранным, он делал много таких вещей, от которых вывернуло б наизнанку даже Халида. Или Савелия Рыдника.

Халид снова сидел в кресле. Руслан отчетливо видел его ноги, – в чистых белых кроссовках с толстыми японскими носками. На смятом стекле стола, словно в чаше, лежал пластмассовый «глок». Потом «глок» исчез со стола, и вместо него Руслан увидел лицо Халида. Очень усталое. С треугольником невытертой крови у рта. Халид наклонился почти к самому стеклу.

– Ты взял новых охранников, – сказал Халид, – будешь делать все, как они скажут. А сейчас поедешь домой и скажешь, что растянул связку.

Руслан смотрел сквозь пошедшее слоями стекло на покрытое морщинами лицо полевого командира и думал о том, что Халид младше его всего на четырнадцать месяцев. Они даже в один и тот же год поступили в институты. Правда, в разные.

Руслан Касаев закончил физмат МГУ.

Его двоюродный брат Халид Хасаев был отчислен с пятого курса нефтехимического института имени Губкина после того, как сломал декану руку в его собственном кабинете. Преддипломную практику Халид проходил на Кесаревском НПЗ.

Глава вторая, в которой владелец Кесаревского НПЗ ловит рыбу на берегу пруда, а прокурор края начинает активную борьбу с контрабандой

Артем Иванович Суриков, владелец и председатель совета директоров Кесаревского НПЗ, сидел на берегу заросшего лотосами пруда и ловил рыбу.

В том, что крупный промышленник с утра ловит рыбу, не было ничего удивительного, – если бы пруд, в котором Артем Иванович ловил рыбу, не располагался под крышей.

Сам пруд был чуть больше обыкновенного плавательного бассейна, зеркало воды составляло шестьсот метров. На слегка зеленоватой воде покачивались распустившиеся лотосы. Посередине пруда возвышалась построенная в китайском стиле беседка, к которой вел вздыбившийся мостик с лакированными перилами; в дальнем конце помещения по камням скользил водопад. Под стеклянной крышей сияли люминисцентные лампы, все вокруг утопало в тропической зелени, и только внимательный глаз мог разглядеть под пурпурными и белыми цветами лиан нежную итальянскую плитку ручной работы, – двести пятьдесят долларов штучка, к слову говоря.

Пруд обошелся Артему Ивановичу втрое дороже, чем все остальное, и был отделен от дома длинной галереей-зимним садом, провешенной на уровне второго этажа. Архитектор предупреждал Сурикова, что иначе могут быть проблемы с влажностью в доме. Архитектор вообще умолял Сурикова не строить пруда.

Но в детстве Тема Суриков очень любил ловить рыбу; он вырос не здесь, у моря, а в глубине края, в крошечном военном городке, окруженном болотами и протоками. Там, где за влажной зеленью начиналась контрольно-следовая полоса и бетонные дзоты вдоль огромной реки, на другом берегу которой располагалась неведомая, страшная и волшебная страна – Китай.

В болота мальчишкам ходить запрещали: там были минные поля, где оторвало ногу Сережке из соседнего подъезда. Однажды в школе, на уроке гражданской обороны, мальчикам показали картинку из жизни вероятного противника. Картинка была датирована шестнадцатым веком, и на ней была изображена беседка с крышей, изогнутой, как листья бабочки, и люди в широких женских одеждах, пьющие вино на берегу пруда. Тема решил, что так выглядит рай, и поклялся получить этот рай любой ценой.

И вот уже четыре года, каждое утро, он удил рыбу в своем персональном пруду под тонкой стеклянной крышей, раздвигавшейся летом. Он начинал с этого день, как другие начинали день с зарядки или молитвы.

Пруд у него теперь был, а рая не было.

Артем Иванович вздохнул, посмотрел на часы (было ровно десять), опростал всю выловленную рыбу обратно в пруд и отправился висячей галереей в дом, на кухню, где уже сидела жена Лена, – скромная, свеженькая, в джинсах и простой белой майке.

Артем Иванович клюнул жену в щечку, включил телевизор и откинулся на спинку стула, пока китаец-дворецкий наливал ему кофе в кружевную фарфоровую кружку.

– Как дела? Что там вчера в казино случилось? – спросила Лена.

Синие ее глаза беспокойно смотрели на мужа. Лена видела, что Артем сердится, и подозревала, что причиной тому ее вчерашняя просьба – Лене хотелось желтенький «Мазерати».

– Ничего, – ответил Суриков, – прокурор с Русланом сцепился.

– А чего сцепился?

– А потому что крыша съехала, – ответил Суриков, – он пять лет на зоне прокурорствовал. Он привык, если что – все в ряд, ноги врозь. А что здесь не зона, не понимает. Теперь Руслан его снимет.

– А если не снимет?

Суриков пожал плечами.

– Тогда прокурор его посадит.

Лена слушала, подперев кулачком белокурую головку.

– А мне вчера сценарий прислали, – задумчиво сказал Лена, – хо-о-ороший... Знаешь, отличный такой сценарий.

Суриков закусил губу. Прошло уже семь лет с тех пор, как он женился на Лене, но он до сих пор любил жену бешеной, нерассуждающей любовью. Правда сказать, Леночка Сурикова была необыкновенно хороша.

Все в ней было большое, кроме роста: большая грудь, полные смеющиеся губы, широко распахнутые глаза. Маленький рост придавал ее подвижной фигурке какое-то особое очарование. Она не могла сойти за эталон красоты, на подиум ее из-за роста в свое время не взяли, но для обложек журналов она снималась успешно.

Главной проблемой во взаимоотношениях Лены и Артема Ивановича была та, что на семейном жаргоне целомудренно называлась «ситуацией». Первая «ситуация» случилась лет пять назад, когда в Лондоне Леночка сбежала от Артема с каким-то длинноволосым музыкантом. На поиски музыканта были брошены все силы, вплоть до российской резидентуры в Великобритании, и Леночка вернулась домой к мужу, счастливому от одного того факта, что дело было за границей, а не на глазах всего Кесарева. Через полтора года «ситуация» повторилась. На этот раз ее виновником был мелкий рыбный авторитет, знаменитый по всему краю как хозяин плавбазы «Восток». Эту плавбазу еще в начале 90-х продали в Индию на металлолом. Добиралась плавбаза до Индии своим ходом, и пока она шла по морю, предприимчивый капитан свинтил и продал все лишние детали; в конце концов, рассудил он, какая разница? Короче, в Индии плавбазу принимать отказались: металлолом оказался слишком некондиционный. Плавбаза отправилась обратно в Охотское море и уже двенадцать лет ловила там рыбу, – безо всяких, разумеется, квот и лицензий.

Вот с этим-то пареньком Леночка удрала отмечать медовый месяц в Южной Корее и вернулась не раньше, чем на плавбазу «Восток» десантировался взвод погранцов. Пограничники поставили вопрос так: или Леночка Сурикова возвращается к мужу, или плавбазу берут под ноздри и ведут в порт. Между Леночкой и плавбазой рыбный авторитет выбрал плавбазу.

От второй «ситуации» до третьей прошел год, от третьей до четвертой – восемь месяцев. Предыдущий инцидент имел место четыре месяца назад и привел к увольнению (вкуче с возбуждением уголовного дела) коммерческого директора Кесаревского НПЗ, – смазливый тридцатилетний паренька, ходившего на работу в блейзере и джинсах и бравировавшего своими знакомствами среди кесаревской братвы. Заодно уволили и гендиректора, за то, что не пресек моральное разложение коллектива.

А позавчера, просматривая электронную почту, Артем Иванович натолкнулся на письмо, посланное некоей особой, пожелавшей сохранить анонимность. В письмо были вложены фотографии, запечатлевшие Лену вместе с Ромой Вешняковым, инструктором по дайвингу и менеджером по связям с общественностью в казино «Коралл». Излишне говорить, что занимались они вовсе не дайвингом.

Артем еще вчера хотел попросить Рыдника о помощи. Но тот сначала завел неприятную речь о федеральной службе, а потом начался скандал с прокурором, все бежали как оглашенные, так и разъехались.

– Отличный сценарий, – сказала Лена, – и петь там надо. Что я, хуже Лолки пою?

– О чем сценарий? – спросил Суриков.

Больше всего на свете ему сейчас хотелось утопиться в своем пруду.

– О милиции и бандитах, – ответила с готовностью Лена, – отличный сценарий, как раз такой, какой государству нужен. Я там следачку из прокуратуры играю, такую всю из себя правильную...

– Про-ку-ра-тура, – раздельно проговорил Суриков. Перед глазами его встала жабья рожа Андриенко с опущенными книзу глазами.

Он резко встал и вышел в другую комнату, на ходу набирая сотовый Рыдника:

– Савка? Есть тема. Мне надо, чтобы ты кое о чем попросил Руслана.

* * *

Белая разбитая «Хонда», за рулем которой сидел Халид, остановилась у залепленной грязью автобусной остановки с надписью «Коршино». День, на восходе солнечный, внезапно испортился. Небо заволокли тучи, ветер стлался параллельно земле, – ранний сентябрьский тайфун, заливший половину Японии, кажется, все-таки собирался на исходе задеть и Кесарев.

Пригородное село Коршино располагалось справа от дороги, а рядом, в двух метрах, шел бетонный забор с обвисшим охранным кабелем, проложенным поверх металлического козырька, и над ним, сквозь мглу, вонзался в небо минарет установки каталитического крекинга Л-37-80.

Даже без тщательного осмотра Халиду было видно, что работа была выполнена крайне халтурно. При монтаже подобного рода охранных систем чувствительный кабель – обычно применялся стандартный телефонный кабель с хорошим трибоэффектом, сохранявший свои свойства в уличных условиях 7–8 лет, – передавал сигнал тревоги в случае деформации подвижных элементов ограждения. Ограждение, соответственно, должно было быть натянуто с усилием не менее ста килограмм. Халид был готов биться об заклад, что в первые месяцы эксплуатации система срабатывала каждые пять минут, – и охранники с облегчением вздохнули, когда вода затекла в плохо изолированные корпуса блоков обработки сигнала и система приказала долго жить.

Кесаревский НПЗ перерабатывал около тридцати тысяч тонн нефти в сутки и занимал впятеро большую площадь, чем любой другой западный нефтеперерабатывающий завод такого же объема.

Территория завода, со всеми прилегающими службами, составляла девятьсот гектар, а охранный периметр основных производств растянулся на девятнадцать километров. На Западе такой завод разорился бы только из-за одних платежей за землю. В России, когда строили Кесаревский НПЗ, земля не стоила ни гроша.

Впрочем, своими размерами завод был обязан не советской безалаберности, а маниакальной военной предусмотрительности. Все установки были разнесены на максимальное расстояние друг от друга и отделены широкими заасфальтированными дорогами, нарезавшими всю территорию завода на правильные квадраты, как остров Манхеттен: какой-то остроумец лет десять назад окрестил их «авеню» и «стритами». Резервуары для хранения готовой продукции были утоплены глубоко в земле и окружены противовзрывной обваловкой. Завод был устроен так, что даже если бы, к примеру, установка селективной очистки масел взорвалась и сгорела дотла, стоявшая рядом установка риформинга могла бы продолжать свое благородное дело по ароматизации низкосортного бензина – и с большой вероятностью не пострадала бы в огне.

Еще одной особенностью Кесаревского НПЗ, отличавшей его от западных коллег, была низкая глубина переработки нефти; более шестидесяти процентов выходящего продукта составлял мазут. Это была обычная беда российских заводов, но в Кесареве это объяснялось тем, что Кесаревский НПЗ был построен в первую очередь для снабжения мазутом и соляровкой Охотского флота.

Халид был одет, как и полагается хозяину небольшого, отчаянно нуждающегося в заказах предприятия. Мешковатые, но чистые джинсы, полосатая рубашка и, по случаю дрянной погоды, – китайская ветровка.

Двумя единственными деталями, не соответствовавшими облику, был «ТТ», подпиравший бок чуть ниже того места, в которое когда-то вошла пуля от «калаша», и четки с раздавленными ягодами пуль.

Ходить со стволом было опасно, но без ствола Халид не мог. Без оружия он не чувствовал себя свободным человеком, потому что свобода – это право на смерть. Свою и чужую. Без оружия он чувствовал себя Халидом Хасаевым, отчисленным из «керосинки» сторожем в райкоме комсомола. Это был другой человек, живший в его теле когда-то. Мысли и чувства того молодого нефтехимика не интересовали Халида. Знания иногда могли пригодиться.

Еще десять лет назад не то что сигнализации, а и самого забора вокруг Кесаревского нефтеперерабатывающего вовсе не было, как и объездной дороги. Забор и проходная были далеко, километрах в пяти, там, где территория НПЗ упиралась в проспект Нефтехимиков и где возле трехэтажного заводоуправления, под вздыбившимся над дорогой трубопроводом, висели Доска Почета и гордая надпись: «Кесаревский нефтеперерабатывающий завод им. В.И.Ленина».

А здесь не было ничего, кроме поля, как не было весов на автоотгрузке и топливомеров на эстакаде.

Летом девяносто третьего года, когда завод был на грани остановки и рабочим не платили зарплату, по этому полю рабочие выносили с завода канистры. Они приходили за бензином ночью, сначала в свою смену, а потом и в чужую. Сначала они проложили по полю тропинку, а потом эта тропинка превратилась в широкую дорогу, по которой ночами ездили «уазики», собирая урожай канистр – пять, десять, пятьдесят. Вдоль Приморского шоссе, ведущего через Коршино, у каждого дома сидели пожилые пенсионерки и продавали проезжим малину, кабачки и прозрачную жидкость в банках из-под компота. Деревня Коршино жила бензином, как другие деревни края жили картошкой и рыбой. Люди с канистрами приходили во все гаражи и предлагали дрянной прямогонный бензин за полцены.

Десять лет назад каждый житель деревни знал земляную дорогу на завод, каждый хоть раз да принес пятилитровую банку.

Халид пятилитровых банок не носил.

В одну ночную смену он со своими людьми заехал на завод прямо на десятитонном бензовозе, подкатил к установке первичного крекинга и приказал оператору наполнить цистерну из пробоотборника.

Бензовозы стали ездить каждую ночь.

Однажды служба безопасности завода попыталась вмешаться. Дело кончилось перестрелкой. На следующий день Халид пришел в кабинет директора завода. С ним было пять человек и пять стволов. Пожилая охранница на входе не посмела их задержать.

Халид распахнул дверь ногой во время селекторного совещания и поинтересовался, по какому праву в его людей, забиравших положенный им бензин, начали палить «какие-то уроды».

Директор онемел от такой фантастической лжи. Перестрелку устроили люди Халида. Службе безопасности даже спяну не пришло бы в голову стрелять на промплощадке.

– Что значит – положенный? – изумился директор.

– Я с Нахоминым договаривался. С главным инженером.

Нахомин был вызван в кабинет. Чеченских бандитов он видел в первый раз в жизни и, естественно, вздумал все отрицать.

– Ты что, собака, врешь, – сказал Халид, – а? Ты во что меня втравил? Ты мне сам сказал заходи, дорогой, заправляйся, – а теперь в кусты! Ты мне сам сказал, все согласовано! А теперь своему хакиму врешь?

Главный инженер разевал рот, как карп без воды.

– С нами поедешь, – распорядился Халид.

Генеральный был уже за гранью инфаркта.

– Не надо, – попытался вступить он за подчиненного.

– Мы с ним разберемся, Виктор Сергеевич, – пообещал Халид, – он не человек, он *зуд*. Он сука позорная. Тебе такой не нужен. Мы тебе другого найдем, который нам врать не будет и тебе врать не будет.

Директор слабым голосом начал говорить, что его вполне устраивает его собственный главный инженер. Он капитулировал бесповоротно и полностью. Он просил только, чтобы бензовозы заправлялись не через пробоотборник, ведь малейшая искра – и сгорит все к черту!

– Это твоя забота, чтобы завод не сгорел, – сказал ему Халид, – моя забота – мою долю забрать.

После этого никто и никогда не спрашивал, почему чеченская преступная группировка забирает с завода бензин. Люди Халида ходили по заводу и дежурили на площадке, где наливали цистерны: ни один бензовоз не мог уйти с завода, не заплатив им дани. Должники завода стали рассчитывать с Халидом: ни одной копейки из этих денег заводу не перепало, зато другие стали аккуратней платить.

Только одну прямую пользу извлек из Халида директор. Однажды днем люди Халида проехали через деревню Коршино, расстреляв по пути все банки с бензином, выставленные вдоль дороги. Несколько женщин серьезно обгорели, а воровать с завода стали значительно меньше, хотя зарплату никто так и не выплатил. «Если русские платят нам за то, чтобы постреляли в других русских, почему бы не получить деньги за удовольствие?» – сказал тогда Халид.

* * *

Сразу за деревней дорога поворачивала влево, оставляя завод в стороне. Вопреки обычным требованиям к охраняемому периметру, стена не была полностью закольцована в подъездную бетонку, а уходила в топкие поля, окаймленные лесом, взбиравшимся все выше и выше по склонам сопот. Там – вплоть до границы с Китаем – не было никаких дорог, только деревья, бурелом и вздыбленная складками земля.

Сотня километров земли до Китая, – если считать по прямой. Тысяча, если считать то, что топчешь ботинком.

Возьмите салфетку и поставьте ее на поверхность стола. Много ли места она займет, со всеми своими складками? А теперь расправьте ту же салфетку – сколько места она займет теперь?

Эту логику горной войны Халид знал очень хорошо. Горы добавляли в плоский мир третье измерение. Смерть была четвертым.

Он бы предпочел умереть в горах. Но что делать – он погибнет на равнине перед ними.

Проехав остановку в Коршино и убедившись, что недавно проложенная объездная дорога не возвращается к заводу, а уходит все дальше и дальше, к поселку Озлонь, Халид развернул «Хонду».

Спустя десять минут его автомобиль миновал пост ГАИ, промчался по Нежинскому путепроводу и оказался на проспекте Нефтехимиков.

Несмотря на близкий дождь, улица кишела народом, на трамвайных остановках стояли женщины с непокрытыми головами, урны были переполнены обертками от мороженого и

шоколада, и полуобнаженные шлюхи с оборванных по краям плакатов призывали пить кока-колу и пользоваться тарифом «молодежный».

Проспект разительно помноголюднел с тех пор, как Халид проезжал через него в последний раз. Много надписей было на китайском, и Халид не сразу сообразил, что хорошо одетые плосколицые люди, организованными стайками дожидавшиеся светофоров, – это не японцы, а китайцы. В его время китайцев было меньше, и они были такие нищие, что Халид даже не стал их крышевать.

Старенькая «Хонда» свернула на площадь перед заводоуправлением, и Халид почувствовал, как холодное бешенство закипает в нем.

Здесь был мир. Эта страна воевала с его землей, на его земле не осталось полей, в которых не лежали мины, и не осталось домов, в которые не пришла смерть. А здесь, в двух шагах от проходной, теснились ларьки с сигаретами и «сникерсами», тут же тянулись ряды китайских крестьян с дынями и фруктами, и мякоть разрезанных арбузов была сочной, как развороченный труп врага.

Чистенькая «Хонда» Халида втиснулась между японским грузовичком и стареньким корейским автобусом. Русских машин на площади совсем не было. Люди, высыпавшие из трамвая, казались мелкими и некрасивыми на фоне полуобнаженной красавицы с плаката. «Вы воюете с моей землей, – подумал Халид, – я научу вас, что такое война».

Халид запер машину, хозяйственно подергал ее за все ручки, старательно играя роль потрепанного жизнью бизнесмена средней руки, и направился вверх по каменным потертым ступеням заводоуправления. Деревянные двери вели в просторный вестибюль, перегороденный линией вертушек. Посередине линии была стеклянная будка: в ней тосковали два охранника с табельными «макаровыми» на боку. Перед вертушками буквой «п» высилась арка неработающего металлоискателя. Справа за выгородкой сидела женщина в зеленой кофточке. Надпись над окошечком с женщиной гласила: «Бюро пропусков».

К этому-то окошечку Халид и нагнулся, просительно протягивая паспорт.

– Меня зовут Александр Колокольников, – сказал он, – у меня на двенадцать тридцать встреча с вашим генеральным директором.

* * *

Заводоуправление Кесареvского НПЗ было отремонтировано не полностью, но там, где ремонт был, он был роскошен.

На первом этаже здания располагались технические службы; темные коридоры с негорящими лампочками расплзались во все стороны от проходной, и из туалета – дырки в заваленном нечистотами полу – тянуло, как из выгребной ямы.

На втором этаже располагались бухгалтерия и лица, приближенные к начальству. Коридор там был светел и тих, в сортирах был унитаз и иногда бумага, а кабинеты с пластиковыми столами и мощными компьютерами были застланы серым ковролином.

Лестница на третий этаж оканчивалась просторной приемной с пестрыми рыбками, плавающими в аквариумах, и скромными секретаршами, сидящими за конторкой. Из приемной вело две двери. Табличка на правой гласила: «Генеральный директор Сергей Карневич», табличка на левой гласила: «Председатель совета директоров Артем Иванович Суриков». Чтобы никто не ошибся в размерах сравнительного влияния, табличка с именем Сурикова была в два раза больше.

Словом, заводоуправление напоминало модель общества в миниатюре. Чем выше был этаж, тем шикарней был ремонт и просторней кабинеты.

Кабинет Сурикова походил на вертолетную площадку, вымощенную жемчужно-серым паркетом. Мощный дубовый стол располагался на тронном возвышении, и слева человека,

сидящего за столом, осеняло роскошное трехцветное знамя с золотыми кистями, а справа – портрет Президента Российской Федерации.

За кабинетом, в порядке удаления, располагались: комната отдыха, сортир, гардеробная, коридорчик и двухуровневый банкетный зал, со смотровой площадки которого, вознесенной на три метра над полом, открывался великолепный панорамный вид на все пространство завода.

Артем Иванович Суриков прибыл в свой кабинет в два часа дня, воспользовавшись личным лифтом. Он не успел еще расстегнуть портфель, как широкая дверь из выбеленного бука распахнулась, и в комнату вошел директор завода, Сергей Карневич.

Несмотря на свою шляхетскую фамилию, Карневич был американцем в третьем поколении. Прадед его, польский дворянин Антон Карневич, лишился ноги во время Брусиловского прорыва; после разгрома Колчака поручик Карневич долгое время жил в Харбине, а потом уехал в США. Двадцатисемилетний Сергей знал пять языков, говорил по-русски с изысканным белоэмигрантским акцентом и очень обижался, когда его называли Серж. Предыдущим его местом работы был венесуэльский нефтеперерабатывающий завод, принадлежавший «Коноко Филипс».

– Читал? – спросил Суриков, протягивая директору «Кесаревский вестник».

Передовица «Вестника» описывала вчерашний визит представителей американского Exim Bank, который рассматривал возможность предоставления Кесаревскому НПЗ 300-миллионного займа на реконструкцию.

Больше половины статьи было посвящено новому директору: человеку, который за четыре месяца управления увеличил объем нефтепереработки с восьмьсот девяносто до девятьсот тридцати тысяч тонн в месяц, сократив при этом потребление электроэнергии на четыре процента и воды – на десять процентов.

Карневич пробежал глазами статью и зарделся от удовольствия.

– Я вчера новости смотрел, – признался он, – там много доброго было о нас сказано. Очень приятно.

Суриков засмеялся и доверительно хлопнул молодого директора по плечу:

– Сергей, я же дал тебе карт-бланш. Ты делаешь с заводом все, что хочешь. Ты делаешь, как в Америке. Ну, что у тебя нового?

– Наконец объявился человек от «Кондора». Насчет охраны периметра. Точнее, субподрядчик. Миша с ним сегодня весь день по заводу ходил.

– Замечательно! – с энтузиазмом откликнулся Суриков, – наконец! А то творится на заводе черт знает что. Ведрами носят, банками! Служба безопасности с ног сбилась подкопы вынюхивать. Еще что?

– Еще вот эти бумаги. Их коммерческий директор принес на подпись.

Суриков посмотрел бумаги. Это был арендный договор: некое ОАО «Лада», во главе с генеральным директором Велимиром Григорьевым, арендовало у завода второй маслблок.

– И что? – спросил Суриков.

– Я не могу подписать эти бумаги.

– Почему?

– Потому что есть вещи, которых не бывает. Армия не сдает в аренду ракетные установки, а нефтеперерабатывающий завод не сдает в аренду маслблоки. Это все равно что сдать в аренду собственную печеньку.

– Если это выгодно, почему не сдать?

– Это нам не очень-то выгодно, – усмехнулся новый директор. – Я поднял бумаги и выяснил, что завод заплатил за модернизацию второго маслблока сорок миллионов долларов. Согласно этому договору, за аренду от ОАО «Лада» мы получаем аж сто рублей в месяц.

Довольно странный бизнес, Артем Иванович, особенно если учесть, что, согласно другому договору, мы поставляем «Ладе» сырье на тридцать процентов ниже себестоимости.

– Кто тебя просил поднимать другой договор?

– Это моя работа. Я генеральный директор.

Суриков обнял молодого человека.

– Завод ведет обширную реконструкцию, – сказал Суриков, – завод действительно много строит.

– Факт остается фактом. Некое ОАО «Лада» арендует у нас сорокамиллионную установку аж по три с половиной доллара в месяц, и при этом, согласно договору, мы еще оплачиваем господину Григорьеву электроэнергию. У меня возникает вопрос – кто такой господин Григорьев?

Суриков помолчал.

– Сегодня на завод пришел человек, – продолжал Карневич, – который поможет нам пресечь воровство среди рабочих. Это вполне профессиональный человек, у нас был очень интересный разговор. Я получил массу информации о том, почему цифровые системы видеонаблюдения лучше аналоговых, о том, как завести шестнадцать камер на один компьютер и обеспечить экономию дискового пространства, ведя запись только при срабатывании детекторов движения. Но факт остается фактом – мы заплатили шесть миллионов долларов за то, чтобы поймать десяток несунув с пятилитровыми банками. Наверное, ущерб от несунув меньше, чем от сдачи в аренду собственных внутренних органов. Я уже не говорю о том, что, как мне сегодня объяснили, простейшая черно-белая камера стоит пятнадцать долларов. А мы заплатили шесть миллионов.

Суриков помолчал. Грузно встал со стула, раскрыл поставец и вынул из него бутылку коньяка.

– Хочешь?

– Вы же знаете, я не пью.

– Тогда чокнись.

Суриков налил себе и выпил. Карневич молчал.

– Ты думаешь, я бы не хотел иметь нормальный завод? Ты думаешь, я бы не хотел платить рабочим нормальные зарплаты? Ты думаешь, это я краду у себя деньги, да? А с Рыдником или госпожой губернаторшей меня связывают просто дружеские теплые отношения?

Карневич молчал. Суриков взял его за руку и подтащил к окну.

– Проволоку видишь? – спросил Суриков. – И стену?

Прежнюю систему охраны – сигнальный кабель поверх бетонного ограждения, с датчиками охраны через каждые пятьсот метров, – оборудовали год назад, задолго до прихода Карневича.

– Знаешь, почему ее поставили? – спросил Суриков. – Моему дорогому другу, Савке Рыднику, не понравилось, что я нанял для охраны бывших морячков из ГРУ. И чтобы не придираться по-пустому, Савочка провел на заводе секретные учения. Проникновение террористов на охраняемый объект и закладка там взрывных устройств. У него были три группы: одна перелезла через стену, а две других въехали по фальшивым документам. Они заложили все, что им было нужно. А потом Савочка позвал меня и морячка, руководившего нашим ЧОПом, и объяснил, как мы плохо охраняем потенциально опасный объект. Морячок все правильно понял и свалил из края к черту. Я нанял новый ЧОП, которым руководит бывший зам Савочки. Ну а в качестве дополнительной арендной платы Савочка посоветовал мне фирму, которая любезно продала и смонтировала мне этот кабель по периметру всего лишь с трехкратным превышением реальной стоимости. Сущий пустяк, если учесть, что эта сигнализация срабатывала на дуновение ветра и даже на восход солнца, так что даже бывший зам Савочки был счастлив, когда она наконец испортилась. Что произошло, впрочем, через два месяца.

– Погодите, так новая система охраны...

– Мы платим той же фирме. Только субподрядчик другой. Кушать Савочке хочется каждый год.

В это мгновение на столе Сурикова зазвонил телефон.

Тот схватил трубку.

– Да. Еду, сию секунду. Я буду через пятнадцать минут.

Суриков в отчаянии бросил трубку.

– Черт. Я должен ехать.

– Куда?

Суриков ткнул пальцами в неподписанный договор.

– В ОАО «Лада»? – не понял американец. – Так они же у нас сидят.

– Ты представляешь, – продолжал Суриков, – она хочет, чтобы я назначил ее сына директором австрийского филиала. «Мальчик последние два года провел за границей...» Мальчик сидит за границей в психиатрической клинике! У него маниакально-депрессивный психоз!

Суриков в раздражении собирал бумаги со стола. Поколебался, взял договор.

– Подпиши. Быстро. А то мне голову в администрации оторвут.

Американец скрестил руки на груди.

– Я никогда не подпишу подобной бумаги, Артем Иванович. Если хотите, ее может подписать коммерческий директор.

Хозяин завода несколько секунд глядел на молодого американца.

– Вечером я жду тебя дома. Поговорим.

Суриков поцеловал его в лоб и вышел из кабинета.

* * *

Потрепанный жизнью коммерсант Александр Колокольцев – седой неприметный мужичок в китайской ветровке и потертых джинсах – покинул завод в начале первого.

Тем же днем он выбрал по объявлению и снял гараж и пару комнатушек в величественном Кесаревском Доме Армии, габаритами и состоянием напоминавшем Стоунхендж. Когда-то это процветающее учреждение служило благородному делу воспитания патриотизма; на его сцене пели Кобзон и Ротару, служить в его труппе было высшим благом. Теперь редкие солдаты, охранявшие здание, подрабатывали проституцией, а директор – сдачей площадей внаем. Соседями Колокольцева оказался гараж, где перебивали номера на угнанных иномарках, и мастерская по изготовлению корейской капусты.

Документы визитера и здесь не вызвали никаких вопросов; получив триста рублей по договору и две тысячи долларов в карман, начальник Дома Армии повеселел и стал осторожно расспрашивать нового арендатора о характере его бизнеса.

Человек, назвавшийся Александром Колокольцевым, охотно рассказал, что сам он родом из Хабаровска, воевал в Абхазии и в Чечне, а последние годы зарабатывал на жизнь монтажом охранных систем.

Что недавно он поругался со старым партнером и основал новую фирму, которая только что заключила договор с Кесаревским НПЗ. Что в его бригаде сейчас работает десять человек и что офис вместе со складом будет нужен им месяца на два-три, если они не получают в Кесареве новых заказов. Под военные байки хорошо пошли и водочка, и доставленная корейскими арендаторами закуска; хабаровский коммерсант, впрочем,пил одну минералку, не особо афишируя этот факт. Уже в конце второго часа Колокольцев вспомнил:

– Слышь, Семеныч, где бы мне здесь технику арендовать? Или купить. Мне два грузовика нужно, да, пожалуй, и столбы забивать...

– А военная техника тебя устроит? – спросил начальник КДА.

* * *

Частная компания «Биоресурс», возглавляемая Ольгой Николаевной Бабец, находилась на последнем – пятом этаже в здании краевой администрации, и кабинет г-жи Бабец располагался ровнешенько над кабинетом губернатора края.

Поэтому даже недалекий человек, посещающий администрацию края, мог заметить, что в данной супружеской паре губернатор находится снизу, а губернаторша – сверху. Этот факт бросался в глаза каждому, кто нажимал кнопку лифта.

На первом этаже у входа в администрацию скучала пожилая вохровка: преддверие «Биоресурса» на пятом было оборудовано стеклянным стаканом с металлоискателем и двумя рычагами в бронежилетах при стакане.

По коридорам администрации змеилась вытертая ковровая дорожка. За стеклянным стаканом она чудесным образом преображалась в сверкающий буковый паркет. В кабинетах краевых чиновников отсыревшие стены были выкрашены серым и синим; в кабинете главы компании «Биоресурс» Ольги Николаевны Бабец жидкокристаллический монитор гордо восседал на столешнице из зеленого малахита, и расписной потолок отражался в наборном паркете.

Стены кабинета были увешаны многочисленными грамотами, полученными компанией «Биоресурс» от МВД, ГИБДД, Русской православной церкви за участие в угодной Кремлю и Богу благотворительности, и грамоты эти соседствовали с красочными постерами, отпечатанными местной типографией в виде календарей: Ольга Николаевна с мужем одаривает детский дом шапочками и варежками. Ольга Николаевна в приюте ветеранов. Ольга Николаевна на закладке краевой онкологической больницы. Ольга Николаевна руководит ремонтом школы, производимым на пожертвования «Биоресурса» (школу так и не отремонтировали, а пожертвованные деньги потом вычли из налогов).

Впрочем, губернаторский кабинет был отделан не хуже, чем кабинет его супруги. Благо они сообщались через лестницу, соединявшую комнаты отдыха.

Разговор между хозяйкой кабинета и владельцем Кесаревского НПЗ был продолжением разговора вчерашнего и до крайности походил на ту беседу, что имели между собой Суриков и Рыдник. И в том и в другом случае речь шла о постах в Москве, только если Рыдник хотел у Сурикова помощи в назначении главой нового ведомства, то Ольга Николаевна хотела поставить главой Госкомрыболовства некоего Велимира Григорьева, который уже упоминался в разговоре Сурикова и Карневича. Велимир Григорьев, – смазливый двадцатилетний паренек со стероидными мускулами и поролоновой улыбкой, – возглавлял то самое ОАО «Лада», которое арендовало на заводе сорокамиллионнодолларовую установку за сто рублей в месяц. Причин такого необыкновенного делового везения г-на Григорьева было много, и не все они были просты, но одна из причин могла быть выведена из того факта, что губернаторша неизменно именovala господина Григорьева «Величкой».

С некоторых пор госпожа губернаторша решила, что милый, молодой, восхитительный Величка перерос уровень ОАО «Лада» и должен идти выше. Господин Суриков, со своей стороны, был бы совершенно счастлив, если бы Величка Григорьев занялся вместо каталитического крекинга рыбой – в которой он понимал ровно столько, сколько в каталитическом крекинге.

– Я обговорил вопрос в Москве, – сказал Суриков, – они просят десятку, из них половину предоплатой.

– Что ж так дорого! – всплеснула руками губернаторша.

– Так что же вы хотите, Ольга Николаевна, – правительство новое. Мест стало меньше, вот цены и подскочили. Многие бывшие чиновники покупают себе должности просто так, чтобы быть при корочке. Даже не надеются деньги отбить.

При таком известии о коррупции в столице родины Ольга Николаевна даже всплеснула руками.

– Главное, как будто я для себя радею, – сказала губернаторша, – ведь Величка, он, считай, государственный человек! Умница редкая!

Первым документом, который государственный человек Величка Григорьев должен был подписать на посту главы Госкомрыболовства, была передача ярусоловов Боткинского рыбколхоза в бербоут-чартер компании «Биоресурс». Ярусоловы были построены на деньги, взятые Россией в долг у немецкого «Дрезднер-банка». Денег по кредиту рыбколхоз ни разу не заплатил. Пока владелец рыбколхоза, Ваня Трошкин по прозвищу Есаул, был жив, вопрос о долгах как-то не поднимался. Когда Есаула расстреляли в Пусане, суда были арестованы.

– Велимир замечательный человек, – сказал Суриков, – только поэтому я за него и хлопочу. Но мы же с вами прекрасно понимаем, что значит иметь дело с Москвой. Там сидят коррумпированные, черные люди. И реальность такова, что они просят десятку.

Но губернаторша продолжала гнуть свою линию.

– Откуда же я возьму такие деньги! Я же трачу больше, чем зарабатываю! Ведь, считай, моя компания – это компания с государственным менталитетом. Школы ремонтируем, вон, Первой детской бесплатно сколько лекарств дали!

Первой детской больнице действительно были бесплатно выделены лекарства. «Биоресурс» купил их на двадцать миллионов рублей у фирмы вице-губернатора Бородовиченко. Лекарства были просроченные, и в аптеках их продать было нельзя. Двадцать миллионов «Биоресурсу», разумеется, потом возместили из бюджета.

– Эти вот сволочи, журналюги, как что, так сразу пишут про меня и Вову, – продолжала Ольга Николаевна, – а я разве хоть чего имею с того, что у меня муж – губернатор? Я одни расходы имею! Мы по сути – социалистическое предприятие, как что, так затыкаем собой краевой бюджет! А разве в Москве входят в такие тонкости? Им бы лишь деньги высосать. За что я должна платить? За то, чтобы сделать добро государству?

– Ольга Николаевна, – сказал Артем Суриков, – вы знаете, как я к вам отношусь. И вы знаете, что я тоже болею за государство. Я очень хочу видеть Велимира в Москве. Поэтому давайте сделаем так: все расходы там я беру на себя. Это не ваша забота. Десяткой больше, десяткой меньше – разве я не могу сделать подарка прекрасной женщине? Только одна встречная просьба: уже осень, уже мазут надо закупать. Сделайте милость: протолкните бумаги побыстрее, а то ведь с губернатора же и спросят: почему, мол, мазута нет?

* * *

Бумаги о закупке мазута прибыли в приемную ОАО «Биоресурс» в тот же день к трем часам. Согласно этим бумагам, кесаревский мазут в кесаревские же котельни должно было поставлять некое ООО «Куусо». ООО «Куусо» было зарегистрировано на севере области, в районе компактного проживания коренного хантысского населения, и более половины его работников составляли представители вышеозначенного населения. В связи с этим ООО «Куусо» было совершенно избавлено от такой глупости, как налог на прибыль. А прибыль получалась немалая: покупая на НПЗ мазут по три тысячи рублей тонна, «Куусо» впаривал его краевому бюджету по двадцать тысяч.

Губернатор подписал бумагу через пятнадцать минут по ее прибытии.

Ольга Николаевна поднялась из мужнина кабинета в сияющем расположении духа. Она, конечно, понимала, что Артем Суриков получит за мазут куда больше, чем отдаст в Москве за Величку, – но, с другой стороны! Десять ярусоловов, стоявших при постройке по пятнадцать миллионов каждый! «Сколько денег, – думала Ольга Николаевна, – вторую городскую больницу вполне можем отремонтировать! Канализацию достроить!»

Ибо Ольга Николаевна обладала драгоценным качеством: она не только платила изрядные деньги за хвалебные публикации о благотворительности «Биоресурса». Она в них верила.

* * *

Прокурор Андриенко вернулся на работу к трем часам дня. В кабинете его дожидался Николай Сляньков, старший следователь по особо важным делам и его приятель по комитету комсомола еще двадцать лет назад.

– Слышал новость? – сказал Сляньков. – В «Коралле» уволили Ромку Вишнякова.

– Кого? – не понял прокурор.

– Ну, пиарщика ихнего. Представляешь, звонит Рыдник Касаеву и говорит: «Ты чего, Руслан, у себя бордель развел?» Касаев сначала даже и не понял, какой такой бордель? У него все казино – один сплошной бордель. А Рыдник ему: «Твой Роман не с кем-нибудь путается, а с женой самого Артема Ивановича. А ну увольняй на хрен».

– И что? Уволили?

– В здание не пустили! Вещи не дали собрать!

Прокурору Андриенко было сорок семь лет. Это был человек невысокого роста, рыхлый и полный, с животом, напоминающим кокосовый орех, туго обтянутый голубым сукном прокурорского мундира, который Андриенко носил почти все время. У него был странный цвет лица – бледный и нездоровый, точь-в-точь как у пролежавшего в воде рулончика дешевой туалетной бумаги, и на этом ноздревато-сером лице ярко выделялся бугристый сизый нос.

Несмотря на некоторое очевидное сходство между краевым прокурором и начальником краевого УФСБ, естественно обусловленное временем, в которое они жили, и должностями, которые они занимали, характеры этих двоих людей были глубоко различны.

Савелий Рыдник был беспринципен, но умен, циничен, но храбр. Он презирал людей, потому что хорошо знал себя, но даже если публично он называл кошку Тузиком, то в сейфе он всегда держал аналитическую справку о том, сколько котят этот Тузик родил в прошлом месяце. Он врал всем – но только не себе.

Что же до прокурора края – он принадлежал к тем жадным, но чрезвычайно простодушным людям, которые не только говорили о собственной непогрешимости, но и свято в нее верили. С точки зрения Андриенко, общественное благо совпадало с личным благом прокурора до сотого знака после запятой, как гравитационная масса совпадает с инертной. Направляя за собственной подписью письмо в коммерческую структуру с просьбой пожертвовать денег в недавно созданный при прокуратуре Фонд, он искренне не видел в этом ничего плохого и был бы совершенно возмущен, если бы ему сказали, что это не что иное, как рэкет. Но не менее искренне, если бы это самое письмо появилось в печати, он был бы возмущен наглостью и коварством журналистов, которым лишь бы облить грязью власть: хотя как бы, казалось, это можно сделать, напечатав совершенно невинное письмо?

Унизительное положение, в которое чеченский подбандиток Касаев вместе с коррумпированным начальником УФСБ поставил российскую прокуратуру, не могло не взволновать глубоко чувствительную душу прокурора. Поэтому Андриенко с удовольствием выслушал рассказ Слянькова, задумался и, постукивая пальцами по столу, спросил:

– Этот Руслан чернозадый – что у него есть? Кроме казино?

Сляньков пожал плечами.

– Много чего есть, – сказал Сляньков. – Сейнера. Терминал.

– Какой терминал?

– Таможенный. На Посадской, 10. Знаменитый терминал. Раньше Алиеву принадлежал.

– И что там таможат? Суда?

– Контейнера. И фуры из Китая.

– Контрабанда там бывает?

– Там без контрабанды не бывает, – ответил Сляньков.

– И что нам надо, чтобы обыскать терминал?

– Заявление надо, – сказал Сляньков, – зарегистрированное. «Я, пупкин иван иваныч, настоящим сообщаю вам, что на таможенном терминале „Западный“, на улице Посадской, 10, находится контрабандный груз золота...» Плюс постановление о возбуждении уголовного дела на основании заявления и ваша на то санкция.

– А если золото не найдется?

– Золото всегда найдется.

Ноздри Андриенко слегка раздулись. Его вчера оскорбили, при всех. Унизили человека, который должен представлять в этом прогнившем крае законность и порядок, – унизили перед всей чавкающей, погрязшей в контрабанде и коррупции элитой. И кто унизил? Черножопый. Чечен.

– И где заявление? – спросил Андриенко.

Сляньков начал переминаться с ноги на ногу.

– Что такое? – сказал Андриенко.

– Там у терминала... крыша... говорят, Рыдник.

Прокурор взлетел с кресла. Сизый нос его вздулся, как подкрылки заходящего на посадку самолета.

– Мне плевать, – заорал прокурор, – чья тут крыша, не крыша! Мне не плевать, что у вас возят контрабанду! Если человек нарушает закон, он за это должен отвечать! И это моя функция – заставить его ответить, невзирая на покровителей!

* * *

Российская система контрабанды очень проста и встроена в российскую систему таможенной очистки, как стенной шкаф в дорогой квартире встроен в придуманную для него нишу. Основана она на том, что груз, въезжающий в Россию, проходит растаможку не на границе, а на любом удалении от нее, в специальных местах, принадлежащих частным компаниям. Как следствие, между границей и таможенным терминалом с грузом и документами происходят самые удивительные превращения, а лица, которые обеспечивают эти превращения, имеют совершенно официальный статус и называются таможенными брокерами.

Автобус со следователями и спецгруппой под гордым названием «Варяг», недавно приданной в порядке эксперимента прокуратуре, подъехал к терминалу на Посадской в половине пятого. Склад за решетчатым забором напоминал гротескно увеличенный гараж-ракушку, – гофрированная горбушка, собранная из жестяного барахла.

Вдоль горбушки, под темнеющим небом, стояли длинные фуры, крытые брезентом и похожие на гигантских земляных червей, выползших на асфальтовую дорожку после дождя. У ворот переминались с ноги на ногу несколько человек в прозрачных дождевиках, – видимо, владельцы груза.

Здание было захвачено молниеносно. Когда Андриенко вошел в просторный склад, сотрудники терминала уже были загнаны в одну из комнат, а следственная группа изучала сопроводительные документы на груз. «Варяги» стояли вдоль стен, как зеленые новогодние елки, увешанные любимыми игрушками мужчин, и смотрелись очень достойно.

Технические средства досмотра на терминале предусмотрительно отсутствовали, и следователи, будучи людьми тертыми, приволокли с собой «рапискан». Между следователями мячиком катался низенький и толстый азербайджанец, хватал их за рукава и гортанно причитал, а усмотрев прокурора края в форменном голубом мундире, тут же бросился к нему.

Слова полились из азербайджанца, шипя и брызгая, как ржавая вода из только что включенного крана.

– А... – взмахивал руками азербайджанец, – что же... гражданин начальник, как же так? Всемерно... Что?

– Заявление, – веско сказал Андриенко. – По факту контрабанды.

Азербайджанец от волнения перешел на родной язык.

– Начальник-джан, – закричал он, хватая прокурора за рукав.

– С какой фуры начнем? – спросил один из следователей.

– С любой, – ответил Андриенко.

* * *

Первый контейнер оказался с телевизорами «Тошиба». По документам «Тошиба» проходила как китайский зеленый горошек. Во втором было шмотье, значившееся в бумагах как нитки. Китайские пуховики и платья, которыми трейлер был набит под завязку, были увязаны в огромные тюки с надписями «Нина», «Валя», «Ирка». На многих тюках вместо русских имен стояли иероглифы.

Следователи перетаскивали тюки к терминалу один за другим, потрошили их и прогоняли шмотки через «рапискан». Тряпья было так много, что, казалось, следователи раскурочили грузовой «Ил».

Третий трейлер тоже оказался со шмотками.

Азербайджанец замолк и выдохся, как истощившая аккумулятор сигнализация. Андриенко стоял у «рапискана» хмурый, кусая зубы.

Досмотр продолжался уже второй час, а прокуратура так и не нашла того, чего искала. Конечно, шуму будет много. Конечно, электроника вместо зеленого горошка – это неприятно. Но Андриенко слишком хорошо знал, что весь этот улов не тянул даже на статью 188-ю – «контрабанда». Он тянул только на 194-ю статью – «пересечение границы товаром с занижением таможенной стоимости». Так уж, для удобства таможенных крыш, был устроен российский таможенный кодекс.

Прокуратуре будет очень трудно доказать, что весь этот товар подлежит конфискации. Все, что нужно будет сделать Касаеву, – это переоформить товар и заплатить с него нормальную пошлину. Обидно, но не смертельно.

Им повезло на четвертом трейлере. Один из тюков с женскими кофточками вдруг налился на «рапискане» черно-зеленым цветом, и приданный следственной группе опытный оперативник мгновенно рванул тюк. Из-под вороха китайских лифчиков высыпались золотые цепочки.

– Оформляйте! – торжествующе вскричал прокурор.

К прокурору подошел один из бойцов спецгруппы.

– Товарищ прокурор, – козырнул он, – там за воротами толпа. Бабы орут. Вон, слышно даже.

– Пусть орут, – сказал прокурор, – нечего контрабанду возить.

Золото уже оформляли и протоколировали, когда снаружи послышались крики. Командир «Варягов» поднял рацию.

– Черножопые приехали.

Андриенко выскочил на крыльцо.

Во дворе стремительно темнело. Ураганный ветер пригибал к земле верхушки деревьев, тучи над сопками закручивались в черную воронку, и на землю вот-вот должны были упасть первые капли дождя.

Фары джипа, на котором приехал Руслан, ослепительно сияли в предтайфунной темноте, и за джипом стояла машина сопровождения, из которой выскакивали черноволосые крепкие люди в камуфляже и с автоматами. Прокурор вдруг заметил справа от джипа невысокого мужчину, перехватившего автомат так, что дуло почти упиралось в землю.

Руслан вышел последним. На нем была черная футболка, черные брюки и удобные спортивные туфли. Он почему-то очень сильно хромал, и левая рука его была в лубке.

– Ублюдки, – с ненавистью процедил один из бойцов группы. Он потерял брата в Чечне.

Ветвистая молния разодрала тучи на части, тут же сверкнуло второй раз, над морем, и сдвоенный гром грохнул так, что под Андриенко задрожало крыльцо. Прокурор оторопел, глядя на автоматы чеченцев. Он не сомневался, что у них нет разрешений на это оружие. Но он почему-то не мог заставить себя отдать приказ их разоружить.

Дождь все не шел и не шел, как это бывает перед особенно сильной грозой. Откуда-то издали, из-за бетонной стены, слышались возмущенные крики.

Руслан остановился напротив прокурора.

– Слушай, Александр Валерьевич, – сказал он, – отпусти людей.

– Каких людей? – не понял прокурор.

– Людей за воротами. Там человек пятьдесят. С ума сходят.

– Нечего контрабанду возить.

Губы чеченца хищно вздернулись.

– Слушай, Александр Валерьевич, – заговорил он, – как всегда, когда Руслан волновался, в речи его прорезался гортанный горский акцент. – Там девочка стоит. Она деньги под залог квартиры взяла, в Китай поехала, бабушке на операцию денег заработать.

Чем человек виноват, что в наши разборки попал. Отпусти людей, разберемся.

– Если тебе эта девочка понравилась, оттрахай ее и денег дай, – ответил прокурор.

– Пошли, – сказал Руслан.

Повернулся и скрылся внутри здания. Прокурор последовал за ним. Чеченец открыл закуток, где обычно ютился завскладом, оглядел пыльное помещение и молча стал у покорябанного, залитого чернилами деревянного стола. Андриенко торжествующе улыбнулся. Он вчера проиграл сто двадцать тысяч: сегодня он спросил с чернозадого триста. И еще кассету – кассету обязательно. С кассетой в распоряжении обиженного и обозленного кавказца Андриенко никогда не будет себя чувствовать в безопасности. Не то чтобы из-за таких кассет нынче в России снимали с должности. Но из-за таких кассет приходилось платить много денег, чтобы с должности не сняли...

Андриенко сел за стол и совершенно искренне улыбнулся Руслану.

– Покажи постановление, – сказал чеченец.

Прокурор, пожав плечами, протянул ему постановление о возбуждении уголовного дела. Чеченец взял лист здоровой рукой, пробежал глазами и вернул прокурору. Потом он все так же неспешно сунул руку за пазуху – и в следующую секунду в лоб краевого прокурора уперся ствол «глока».

– А теперь ты напишешь на этой бумажке, что в возбуждении дела отказано за отсутствием основания.

Обычно серое лицо прокурора приобрело нежно-салатный оттенок.

– Здесь за дверью семь человек, – продолжал Касаев, – и все они мои родственники. Любой из них возьмет этот выстрел на себя. Я не заплачу тебе ни копейки, потому что тот, кто заплатил сегодня, заплатит и завтра. Мне дешевле откупиться один раз. От обвинения в твоём убийстве.

Глаза цвета бронестекла глядели прямо в душу Андриенко, и прокурор вдруг с ужасом понял: чеченец не шутит. Он спустит курок, не колеблясь ни секунды, с группой «Варяг» в соседнем помещении и со следователями за стеной, а потом какой-нибудь Мага или Аслан

заявит, что между Андриенко и Касаевым возникла драка и что он, Магомед, выстрелил, чтобы защитить своего шефа. А потом этот Мага бесследно скроется, и никакая юстиция его не достанет: разве что случайная пуля федералов где-нибудь под Ачхой-Мартаном.

В этом и было отличие Руслана от всех тех, с кем до сих пор имел дело прокурор Андриенко: столкнувшись с беспределом ментов, чеченец схватился не за деньги, а за пистолет. Он был готов стрелять сам, и у него были люди, которые готовы были принять этот выстрел на себя.

– Хочешь, подписывай, – сказал Руслан, – а хочешь – сдохни. Со мной много кто воевал. Я живой, а они нет.

Андриенко молча наложил требуемую резолюцию поверх листа.

– И если ты хоть разинешь рот, – сказал Руслан, пока прокурор трудился над текстом, – клянусь, любой из моих родичей тебя пристрелит.

Андриенко в сопровождении Руслана вернулся в зал минут через десять. Лицо прокурора было цвета оттаявшей трески, чеченец невозмутимо улыбался.

Разоренный тюк все так же лежал на столе. Между китайскими бюстгальтерами золотой крупой блестели золотые сережки и цепочки с российскими клеймами. Следователи, делавшие досмотр, сбились в кучу и облизывались, как кот на сливки.

При виде Андриенко возникла пауза, а потом один из следователей поднялся и подошел к прокурору края.

– Слышь, Василич, – сказал он, – сколько золота-то в протоколе писать?

Андриенко глядел на него сквозь туман.

– А... что? – не понял он.

– А то ребятам... обидно немножко. Дети дома голодают.

Следователь был свежий, румяный, и кожаная его куртка стоила пару тысяч долларов. Непохоже было, чтобы его дети сильно голодали. Андриенко сделал шаг и другой, подошел к раскуроченным сверткам. Руслан неотступно следовал за ним.

– А... отбой, – проговорил прокурор, сунув в руки следователю резолюцию об отказе.

Механически, почти не сознавая того, что он делает, Андриенко выбрал толстый литой браслет и положил его в карман. И вышел из склада. Когда за ним захлопывалась дверь, Андриенко оглянулся: следователи бежали к столу, как куры к поилке.

* * *

Ветер так трепал зеленые юбки тополей, что они стлались параллельно земле, первые капли тайфуна падали на асфальт по навесной траектории, и разрозненная стайка людей, маявших два часа назад у проходной, превратилась в огромную толпу. Больше половины были китайцы. Завидев вышедшего к ним прокурора, люди заволновались. Первой к Андриенке бросилась девушка, закутанная в зеленый непромокаемый плащ. Наверное, та самая, что приглянулась Руслану.

– Тише, тише, – закричал прокурор, – граждане, сейчас всем будут выданы вещи...

Толпа подалась вперед. Андриенко попытался отступить за ворота, но те почему-то заклинили и не открывались.

Толпа орала на китайском и русском. Девочка в зеленом вцепилась в одного из бойцов. Кровь бросилась в лицо прокурору. Ему, прокурору края, минуту назад чеченский бандит упер пистолет в лоб и пригрозил смертью, если тот вздумает соблюдать закон, расследуя факт совершенно отъявленной контрабанды, – а кого сволочат эти немытые контрабандистские хари?

– Арестовать зачинщиков, – приказал Андриенко.

– Александр Валерьевич, – тихо начал Сляньков.

– Арестовать! Я сказал!

Русские торговцы слышали и подались назад. Китайские напирали, как взбухающее тесто. Боец «Варяга» отпихнул от себя девочку, и она упала.

– Убили! – закричала толпа.

Прокурора прижало к решетке ворот.

– Стреляй! Стреляй, мать твою! – закричал Андриенко.

Командир «Варягов» ошалело моргал.

И в этот момент раздались выстрелы. Автоматная очередь разорвала небо над складом, толпа подалась и отхлынула. На дороге, метрах в двадцати от прокурора, стоял начальник УФСБ по краю генерал-майор Савелий Рыдник. Ствол автомата, выхваченного им у охранника, упирался прямо в черное брюхо наползающего тайфуна.

Рыдник поднял автомат и выстрелил еще раз, – и тут же с неба сплошной стеной хлынул дождь, словно очередь продырявила тучу.

– Тише! – заорал Рыдник, перекрывая шум воды. – Была плановая проверка! Сейчас всем все выдадут!

Почему-то Рыдника китайцы поняли. Толпа с довольным рокотом откатывалась назад. На площадку перед терминалом рушился водопад. Бойцы из группы физической поддержки тащили в свой автобус какого-то косоглазика и девочку в зеленом плаще.

Кровь бросилась прокурору в лицо. Он говорил то же самое! Почему они не послушали его? Почему они послушали наглого коррумпированного чекиста?

Рыдник, не выпуская автомата, подошел к прокурору и смерил его с ног до головы. Это был тот же самый взгляд, которым десять минут назад смотрел на прокурора Руслан, и Андриенко вдруг почувствовал, как холодный пот ползет у него между лопаток. В паре Касаев-Рыдник именно Рыдник был старшим – это говорили все. Кто же такой Рыдник, если Касаев его слушается и ему платит?

– Пошли, – сказал Рыдник.

Они вошли обратно на склад. За минуту оба промокли до нитки. Руслан и его охранники молча стояли под навесом около сияющих фарами машин, и стекающие с шифера потоки дождя отскакивали от асфальта и били вверх, как фонтаны в казино.

Склад был полон разбросанных тюков с надписями «Нина» и «Коля». От вороха золотых цепочек на «рапискане» осталась лишь вата.

– Ну, – сказал Рыдник, – где контрабанда?

– Не нашли, – сказал следователь, писавший протокол.

– Не нашли, так отлично. Отдайте вещи людям, – распорядился начальник УФСБ по краю.

* * *

Было уже девять вечера, когда генерал-майор Рыдник и Руслан Касаев остались одни. Прокуратура и группа «Варяг» давно покинули терминал.

Перед Русланом стояла бутылка водки, но чеченец не пил. Рыдник, улыбаясь, отхлебнул из горлышка, вытер губы и, критически окинув партнера взглядом, осведомился:

– Че с рукой?

– Напился, – ответил Руслан. Улыбнулся и добавил. – Пора возвращаться к вере отцов. А то пью, как русский. Очень диетическая религия – ислам.

Рыдник помолчал.

– Они к пяти приехали. Чего меня не позвал?

Руслан стиснул зубы. Помощь друзей в России обходится дороже наездов врагов, кто бы эти друзья ни были – чеченские полевые командиры или генерал-майоры госбезопасности. Эту аксиому российской экономики Руслан выучил давно.

- Какая проблема. Сами разобрались.
- И сколько ты дал?
- Нисколько. Я что, шлюха, красным давать?

Рыдник испытующе вскинул глаза. Он примерно представлял себе, при каких условиях Руслан мог «нисколько» не дать прокурору. Андриенко выглядел так, словно... словно ему только что прочли краткий курс чеченской этнографии. И если прокурор слушал недостаточно прилежно, следующим лектором окажется автомат Калашникова.

- Ты сильно рисковал, – сказал Рыдник.

Руслан усмехнулся. Да, он сильно рисковал. Он мог бы подождать, пока все закончится, и потом написать заявление о незаконном обыске. Он мог бы подождать, пока следователи конфискуют контрабандный товар, и написать заявление о незаконном изъятии, потому что наверняка следователи продали бы этот товар своим фирмам и их можно было схватить за руку. А потом бы Рыдник вел дела о незаконном обыске и незаконных продажах и дрался бы с прокурором, и чем больше бы они дрались, тем больше каждый бы просил с Руслана. И таможенный бизнес Руслана оказался бы как поле, на котором дерутся слоны. Разве на таком поле вырастет пшеница? Даже сорняки, и те не успеют созреть.

Да, в этом случае Руслан не рисковал бы, что его посадят. Зато он мог быть на сто процентов уверен, что его разорят.

Начальник ФСБ по краю отхлебнул еще водки. Одинокaя электрическая лампочка блеснула ярким светом на его начинающейся лысине.

- У тебя будут проблемы, – сказал Рыдник.
- Не будут.

– Он придет снова, и знаешь, в чем будет разница? В том, что сегодня он пришел по заявлению, а заявление у него липовое. И если начнется скандал, ему нечем особенно прикрыть свою задницу. А следующий раз он придет по уголовному делу. И будет потрошить тебя, сколько влезет, потому что по закону он тебя может потрошить.

- Много не выпотрошит, – отозвался Руслан, – это не мои товары. А перевозчиков.

– А тебе какая разница? Ну, сегодня он взял фуры на складе. И отдал. А завтра он их в пути возьмет. И конфискует. А даже не конфискует, а просто заставит заплатить – и что? Раз заставит, два заставит, кто через твой терминал будет возить?

- Это и твой терминал, – напомнил Руслан.

– Это мой терминал, как защищать. А как лавэ получать, чей это терминал? Я, Руслан, посмотрел, прикинул. Стоит двадцать фур, в каждой добра на четверть лимона, в среднем фура стоит по три дня, с каждой фуры вместо четверти лимона платят двадцать шесть тысяч, двадцать в казну, шесть – терминалу. Сколько получается в месяц? Восемь миллионов. Сколько моя доля? Половина. Сколько я получаю? Двести тысяч. Ты меня за лоха держишь?

Руслан молчал.

– Давай посчитаем, – продолжал Рыдник, – терминал тут пять лет. За пять лет я должен был получить четыреста миллионов долларов. А получил – десятку. Так?

- Не так. Пять лет назад оборота не было.

– Правильно, Руслан. Оборота не было, но двести штук я получал уже тогда. Что за арифметика, Руслан? Ты пять лет назад платил двести, когда оборота не было, и сейчас платишь двести, когда оборот есть?

- Хорошо. Я буду платить двести пятьдесят тысяч.
- Ты мне должен четыреста миллионов, Руслан. Без десятки.
- Я буду платить триста.
- Ты не понял, Руслан. Ты мне должен четыреста миллионов.
- Я тебе скажу, почему триста, – сказал Руслан. – Терминал получает в месяц восемь миллионов. Я что их, все себе беру? Два лимона идет таможене. Семьдесят тысяч – зарплата. Пять

лет назад здесь был кусок асфальта, сейчас здесь склады стоят. Сколько стоит склад построить? Охрану нанять? Сколько стоит проблемы решать? Я тебя когда звал проблемы решать? Я их сам решал. Склад получает восемь миллионов, а тратит семь. Хочешь, бери триста штук. А хочешь, найди на терминал покупателя. Цену, которую он даст, поделим пополам. Только не удивляйся, если он даст за склад трешку. Меньше, чем ты получишь от меня за год.

Рыдник долго думал.

– Триста пятьдесят, – сказал он.

– Я, пожалуй, продам терминал, – отозвался Руслан.

Рыдник несколько мгновений вглядывался в лицо собеседника, а потом натянуто рас-
смеялся.

– Хорошо. Триста так триста.

Партнеры уже дружески прощались, когда Рыдник внезапно спросил:

– Слушай, Руслан, а что это у тебя за новый нохчи в охране?

Глаза Руслана на мгновение полыхнули, как у затравленного волка.

– Кто?

– Маленький, смуглый. Я его раньше не видел.

– Он недавно приехал, – сказал Руслан, – родственник.

– Как зовут?

– Висхан.

Глава краевого ФСБ слегка усмехнулся.

– Ты скажи своему Висхану, что он автомат неправильно держит.

– В каком смысле?

– Он не замечает, что у него в руке автомат. Он его держит, как курильщик сигарету. Так, как будто он каждый день с автоматом в обнимку ходит и спит с автоматом вместо женщины. Здесь, в России, так автомат не держат. Здесь не Кадорское ущелье.

– Что я могу сделать, – спросил Руслан, – я что, знаю, чем он занимается? Приходит, говорит: устрой на работу. Пить-кушать дай. А где я ему работу найду? Ты же сам сказал, он автомат держит, как курильщик сигарету. Где я такому человеку работу найду? А к нему семья приезжает.

Рыдник помолчал. Тщательно сбил пылинку со щегольских брюк, из-под которых выглядывали туфли от Гуччи.

– Значит, денег просит?

Руслан зло пожал плечами.

– Такие не просят, – сказал Руслан, – такие требуют.

– Я смотрю, ты не очень... этим... родственником дорожишь?

– Он мне по-чеченски родственник. А по-русски считать, так у вас в России таких даже знакомыми не кличут.

– Он один?

– Пока один. Обустроится, семью привезет.

– Регистрация есть?

– Он вчера приехал.

– Где живет?

– У меня.

– Ты бы его отселил, Руслан, – медленно сказал Рыдник.

– Зачем?

Рыдник не ответил.

– Ты ему дай денег – и выгони.

– Что ты собираешься с ним делать?

Рыдник развел руками.

- А тебе не все равно?
- Нет. Если ты его посадишь, скажут: Руслан родича сдал. У нас родичей не сдают. Рыдник усмехнулся.
- Выгони его, Руслан. Или продавай терминал.

* * *

Когда железные ворота распахнулись, пропуская машины Руслана, на улице было уже темно. Сплошной ливень смыл с заасфальтированного пяточка перед терминалом все живое, и только под обмотанным колючей проволокой фонарем скорчился какой-то ярко-зеленый сверток.

Машина промчалась мимо, сверток зашевелился и выпрямился – и Руслан с заднего сиденья узнал давешнюю девочку в раздувшемся, как колокол, плаще. Ту, которая билась об охранников и кричала, что деньги ей нужны для бабушки.

Покрышки взвизгнули, набирая скорость, машина сопровождения чуть не сбила девочку, – та выпрыгнула на проезжую часть и побежала вслед за джипами, размахивая руками и топоча маленькими ножками, обутыми в резиновые китайские шлепки.

- Останови машину, – велел Руслан.

Руслан опустил стекло. Из остановившейся сзади машины на дорогу высыпали охранники. Девчушка подбежала к ним, задыхаясь, и Руслан сделал знак, чтобы ее пропустили.

Мокрые желтоватые волосы торчали колом из-под сбившегося набок капюшона, на скуле вздувался огромный синяк, пуговицы на плаще были оборваны, и из-под зеленой ткани были видны бесформенные тренировочные штаны и красная полосатая майка.

- Ты чего кричишь? – спросил Руслан.
- Товар! Товар у меня пропал!
- Как – пропал?

– Они ее в ментовку забрали, – отозвался водитель Руслана, – пока товар разбирали, она в ментовке была. Приходит, а товара нет.

Руслан представил себе, что здесь творилось два часа назад, когда осатаневшие челноки разбирали вещи. Менты ли приватизировали тюк, что всего верней, или товарищи по несчастью, или его собственный персонал свистнул, как разберешь?

- На сколько товару было?

– Я заплатила две тысячи, – сказала девчушка, – рассчитывала здесь три с половиной выручить. Меня... тетя Рая взяла с собой, нам... все равно на операцию не хватало...

- Операция сколько стоит?
- Семь.
- Где делаете? Здесь или в Москве?
- Здесь. У профессора Ратковского.

Руслан знал Ратковского. Кардиолог по основной специализации, он спас жизнь немалому числу бандитов. Но легендой он стал тогда, когда к нему на консультацию пришел Тема Воробышек. От частных жизненных передрыг и засевших в организме посторонних предметов сердце Темы почувствовало тоску и беспокойство, а когда напротив его припаркованного «Ниссана» взорвалась начиненная тротилом шестерка, покрошив на месте двоих охранников и серьезно задев третьего, Тема и вовсе сдал.

Профессор Ратковский осмотрел Тему и сказал, что единственным для него выходом является пересадка сердца, но ждать подходящего донора придется долго. После этого Тема заверил профессора, что подходящий донор – не проблема, что хоть завтра Тема приведет профессору хоть трех доноров, только выбирай. После этого профессор предложил Теме покинуть порог клиники и больше никогда в нее не возвращаться. После этого Тема уехал на три

месяца в Южную Корею, и когда он вернулся оттуда, в его груди билось сердце прекрасной молодой кореянки.

Но профессор Ратковский стал легендой.

– Садись, – сказал Руслан.

Девушка в зеленом плаще попятилась назад, с ужасом оглядываясь на смуглых и черно-волосых людей в камуфляже.

– Садись, кому говорят!

Охранники втолкнули девушку на сиденье, и Руслан тут же пожалел о своем решении: от русской пахло потом, как от полевого командира после двух месяцев боев в горах. «Почему они не могут защитить себя? – подумал Руслан, – почему они не могут защитить себя от собственных прокуроров, а потом они приходят в наши горы и пытаются навязать свои законы нам?»

– Это точно деньги для твоей бабушки? – спросил Руслан.

Девушка испуганно кивнула.

– Я тебе помогу, если это деньги для старшей в роду, – сказал Руслан. – Но если ты меня обманываешь, ты пожалеешь.

Девушка, казалось, стала в два раза меньше. Телефон Ратковского Руслан помнил наизусть. У бывшего физика была фотографическая память на цифры.

– Салам, Сергеич. Это Руслан. У меня такой вопрос, у тебя в очереди на операцию есть женщина... как фамилия?

– Цыганова, – сказала быстро девчушка. – Наталья Михайловна Цыганова.

– Цыганова, – повторил Руслан, – что с ней?

Трубка долго кричала в ответ.

– Ясно, – сказал Руслан, – мои пацаны завтра деньги привезут. Отнесись к ней как к моей матери, Сергеич.

Из-под зеленого капюшона на него смотрели затравленные глаза русской. За тонированным окном тихо вспыхивали и гасли фонари, – машины, обогнув город по кольцевой, уже выскочили к Ленинскому проспекту. Девчушка была одета до того плохо, что Руслан даже не мог разобрать, красива она или нет.

– Вот мой телефон, – сказал Руслан, – если что не так, звони. Арзо, останови машину. Пусть ее охрана отвезет, куда скажет...

В центре города дождь давно прошел, и Руслан с неудовольствием заметил грязную лужу, оставленную русской девушкой на чисто вымытом коврике «Крузера». Она забилась в вязкую глину на обочине и так и стояла там, пока охранники менялись местами, освобождая для нее место во втором джипе.

Руслан хотел было открыть стекло, чтобы спросить у русской замарашки, как ее зовут, но вместо этого откинулся на теплую спинку сиденья и закрыл глаза. Усталость накрыла его внезапно, как ватной шубой. В ноге дернуло резкой болью, напоминая, что вчера его собственный брат поставил его на то же самое место, на которое Руслан спустя сутки поставил русского прокурора.

* * *

Небо над особняком было усеяно звездами, словно кто-то швырнул пригоршню мелочи по черному бархату ночи. Пахло близким морем и недавним ливнем, и совсем рядом волны разбивались о берег.

Но Суриков и его директор сидели на берегу искусственного пруда: от моря их отделяли сто метров пляжа и бетонный забор с колючей проволокой.

Директор был пьян, и давно: оскорбленная Лена заперлась в спальне. Суриков вертел в руках черную бархатную коробочку. Внутри были сережки – витое золото ракушки вокруг бриллиантов.

– Для Лены, – сказал Суриков.

Карневич промолчал.

– Осуждаешь меня? – спросил Суриков.

Директор отвел глаза. Артем Иванович нащупал нетвердой рукой бутылку. Водка с тихим бульканьем полилась в стакан.

– Как твоя-то? – спросил он.

Сергей был женат уже три года; Мэри работала юристом, и за четыре месяца, которые Сергей провел в России, он два раза ездил в Лос-Анджелес на выходные, а Мэри один раз прилетела в Кесарев.

Тогда они провели вместе целых шесть часов. Еще бы, ведь Мэри приехала вместе с делегацией Эксимбанка, изучавшей завод на предмет возможного кредитования.

– Отлично, – сказал Сергей.

Как и всякий американец, он был приучен отвечать «отлично» на любой вопрос.

– А что не отлично? – спросил Суриков.

– Завод, Артем Иванович. Вы прочитали мой меморандум?

Суриков махнул рукой.

– Я и без тебя знаю, что там написано.

– Вряд ли, Артем Иванович. Я должен быть откровенным: я никогда не предполагал, что заводом можно управлять так, как управляют Кесаревским НПЗ. Ко мне в среднем раз в четыре дня приходит человек, который либо просит у меня горючее за полцены, либо предлагает мне купить оборудование за две цены. Барышом он обещает поделиться со мной. К тому же, как правило, этот человек даже не является предпринимателем. Это либо бандит, либо полицейский. Бандит, когда я не соглашаюсь, обещает засунуть мне в задницу черенок от лопаты, а полицейский, когда я не соглашаюсь, обещает найти в моем кармане наркотики.

– Это блеф.

– Это блеф, но в Америке так не блефуют.

– Но ты же не соглашаешься.

– Я не соглашаюсь. Но я постоянно натываюсь на документы, из которых следует, что либо мой заместитель, либо начальник цеха сделал что-нибудь подобное.

– Я дал тебе право разбираться с этими людьми, – сказал Суриков, – и это уже не блеф. Тебе достаточно сказать. И черенок от лопаты будет торчать в чужой заднице.

Американец помолчал несколько секунд, видимо оценивая перспективы улучшения экономических показателей завода с помощью такого неизвестного в Америке финансового инструмента, как черенок от лопаты.

– Я могу разобраться с теми, кто ворует на заводе, Артем Иванович, но я не могу разобраться с теми, кто заводом владеет. Завод не получает ни копейки прибыли, потому что завод не покупает нефть и не продает горючее. Завод всего лишь перерабатывает чужую нефть в чужое горючее, и по странному совпадению, денег, которых он получает за это, едва хватает на покрытие производственных расходов. Реальным хозяином и нефти, и горючего является компания «Росско». Вы объяснили мне, что это связано с удобствами российского налогообложения, и я не могу с вами не согласиться. Но вы не объяснили мне, почему подставная компания «Росско» должна покупать нефть у таких же подставных компаний.

Суриков молчал.

– Я заинтересовался нашими поставщиками. На долю одного из них, компании «Аахалго», приходится до пятой части поставляемой на завод нефти. Нефть привозят танкеры.

По документам эта нефть идет с Сахалина, с месторождений, принадлежащих Сахалинской государственной нефтяной компании. Мы получаем около двух миллионов тонн нефти в год.

– И что тебя не устраивает?

– То, что, согласно официальным данным, сахалинские месторождения находятся на стадии освоения, там есть только разведочные скважины и количество добываемой нефти не превышает двадцати тысяч тонн нефти в год. Это ровно в сто раз меньше того, что получаем мы. Вот у меня и вопрос: откуда «Аахалго» берет нефть?

– А ты как думаешь?

– У меня не хватает воображения.

Суриков невесело усмехнулся.

– Да все оттуда же. С Сахалина.

– Но...

– А что ты думаешь? Что там седьмой год бурят разведскважины?

Американец открыл рот и закрыл его.

– Это государственная компания, – сказал Суриков, – и вышки стоят в море. И никакая инспекция без ведома главы компании не доплывет до этих вышек, чтобы проверить, сколько там добывают нефти. А та, что доплывет, обязательно останется довольна, потому что это очень опасно – быть недовольной человеком, которым доволен Кремль.

– Кремль будет доволен этим человеком ровно до тех пор, пока не узнает, что разведскважины на самом деле добывают нефть в промышленных масштабах.

– Неужели ты думаешь, Кремль этого не знает и с этого не имеет?

– Наверное нет. Это государственная компания. Зачем Кремлю воровать нефть самому у себя?

– Затем, что у Кремля есть потребность в неучтенных доходах. Ты можешь не волноваться, Сержик. Откуда мы берем свою нефть, мы можем объяснить Кремлю.

– А как мы это объясним иностранным банкам?

Суриков молчал. Долго-долго. Потом, тяжело махнув рукой, опрокинул в себя полстакана.

– Надоело все, – сказал Суриков, – надоело. Лгать, изворачиваться. Как в грязи плаваешь. Грязь тут, грязь в Москве. Ты думаешь, я не понимаю, в каком состоянии завод? Не понимаю, что с этим надо кончать? А я не могу. Я им должен.

С моря, огороженного бетонной стеной, донесся утробный гудок: один пароход приветствовал другой.

– Должны – кому, Артем Иванович? Как может хозяин завода быть кому-то должен свои активы?

– Выпей.

Американец отрицательно покачал головой, и Суриков, вздохнув, допил свой стакан.

– Это очень старая история, – сказал Артем. – Нас вначале было двое партнеров. Я и Данила Милетич. Я поставлял на завод нефть, а Данила... знаешь, он был больше по части как кинуть и не заплатить. Завод был в ужасном состоянии. Если тебе кажется, что завод сейчас плох, видел бы ты его тогда. Я поставлял нефть, а директор отдавал ее чеченским бандитам. Был тут один такой. Халид. Погоняло Пегий. Он потом стал полевым командиром. Убили его год назад. Никогда не связывайся с чеченами, Сережа. Это... это волки. Ты им слово сказал – ты уже попал. Этот Халид однажды на моих глазах взял автомат и расстрелял резервуар с готовым топливом.

– Что?!

Суриков невесело рассмеялся.

– Гоблин четыре года отучился в нефтехимическом институте, и все, что он отсюда усвоил, это что если стрелять ниже уровня жидкости, ничего не взорвется. Своеобразное применение образования, не находишь?

– Но зачем он стрелял?

– Чтобы забрать бензин. Его люди потом воткнули в дырки шланги и наполнили два бензовоза. С завода несли все и всё. Директор впал в полный маразм. К нему приходили чехи, тыкали автоматом в висок и говорили: подпиши нам две тысячи тонн отгрузки. И он подписывал. Потом приходили другие бандиты, тыкали автоматом в рот и говорили: подпиши нам три тысячи тонн отгрузки. И он подписывал. Потом оказывалось, что свободных только тысяча тонн, и начиналась стрельба. По людям и резервуарам. Рабочие воровали банками, Халид – бензовозами, директор – составами. Потом он перестал воровать составами, потому что воровать было больше нечего.

– Ну и что?

– Мы собрали контрольный пакет. Стали менять директора. Директор побежал к ментам. Послушать его, так именно мы были виноваты в том, что на завод не поставляется нефть... конечно, мы были виноваты! Завод нам задолжал четыреста тысяч тонн топлива! Ни один коммерсант не хотел поставлять нефть на завод, если получившийся бензин выкачивают через дырки от автоматных очередей!

Молодой американец молчал, ожидая продолжения. Суриков нетвердой рукой влил в себя еще водки.

– И вот тут Милетич сделал то, чего он никогда не должен был делать. Он обратился за помощью к чеченам.

– Они помогли?

– Они-то помогли. А потом с нас и спросили. За помощь. Вот тогда и появились.... Суриков с губернатором.

– А Милетич?

– У Милетича украли дочку.

– Кто?

– Чехи. Халид. Они считали, что он их кинул.

– А он?

– Он жадный был. Сказал: «У меня денег нет за дочку платить».

Суриков помолчал.

– Я ему собрал деньги. Пять миллионов долларов. Он их взял и не вернулся.

– И куда он делся?

– Не знаю. Он совсем запутался. Он всем был должен, он просто взял деньги и сбежал.

– Деньги на выкуп дочери?!

– Ага.

– А дочка?

– Дочке было восемь лет, – сказал Суриков, – вот такие вещи люди делают из-за денег.

Суриков снова запрокинул в рот водку. Сопки на берегу уходили к небу, и звезды были как осколки разобранной на запчасти луны. Карневич сидел совершенно потрясенный.

– Рыдник и губернатор спасли меня от чеченов, – сказал Суриков. – Иначе зверьки спросили бы с меня то, что не отдал им Данила. Я им должен, понимаешь, я им должен все. Завод. Жизнь. Собственность. Никогда не связывайся с чеченами, Сережа...

Москва – Кесарев. Начало 90-х

Когда началась перестройка, Даниле Милетичу было двадцать четыре года. Данила работал в научно-исследовательском институте прикладной химии и зани-

мался объемными взрывами. Несмотря на молодой возраст, он считался одним из лучших специалистов в этой области. Он бы давно защитил докторскую, но Данила не был членом партии, а начальник его лаборатории был членом парткома. Поэтому докторскую диссертацию по материалам исследований Милетича защитил начальник лаборатории. Он привнес туда несколько цитат из классиков марксизма-ленинизма, бывших, само собой, главными авторитетами в том, что касается объемных взрывов.

И все работы, выполненные Данилой, выходили за двумя фамилиями, первой из которых стояла фамилия начальника лаборатории Аксютин. Ведь она начиналась с буквы «А».

К началу перестройки кандидат химических наук Данила Милетич имел красавицу-жену, трехлетнюю дочку и однокомнатную квартиру в новостройке в Бирюлево. От квартиры до работы было полтора часа пути на автобусах и метро. Поэтому Данила не всегда ездил домой. Он засиживался на работе до пяти утра.

Одним зимним вечером 1989 года Данила и его жена ужинали с человеком по имени Миша Айзерман. Они все трое учились вместе в университете, а после пятого курса Айзерман подал документы и уехал в Израиль.

Сейчас он приехал в Москву на две недели и поселился в гостинице «Пекин». Ресторан в гостинице был темный и величественный, и на ужин всем троим подали жареных трепангов. Миша рассказывал, как он в этом году отдыхал на Мальдивах.

– А ты, Данила, как живешь?

– Неплохо, – сказал Данила. – Вон, дочь растим.

– Работаете у Лобарева?

Лобаревым звали директора института.

– Какая разница? – спросил Данила.

– Ты мог бы уехать и работать по тому же профилю в Израиле, – сказал Миша.

– Я вообще-то не еврей, – сказал Данила.

Его дед, известный сербский коммунист, бежал в СССР и был расстрелян Сталиным по просьбе Иосифа Броз Тито еще до того, как отношения между Тито и Сталиным испортились.

– У твоей жены бабушка еврейка, – ответил Айзерман, – в твоем случае этого вполне достаточно.

– Я не уеду, – ответил Данила.

* * *

На следующий день Данилу позвали к Лобареву.

Знаменитый ученый, отец российского бинарного химического оружия сидел в своем кабинете похудевший и сдавший. Перед ним лежала заявка Данилы, – заявка, работе над которой он отдал последние полтора года. Сердце Данилы неприятно екнуло. Это было бы страшно, если бы вся его работа пошла коту под хвост из-за вчерашней встречи. Но когда Лобарев наконец заговорил, в его речи не было ни слова о МОССАД.

– Это хорошая работа, – сказал Лобарев, – но денег на исследования нет. Вообще нет.

Милетич помолчал. Он вспоминал разговор, который состоялся между ним и Викой после ужина в «Пекине». Деньги в разговоре занимали немалое место.

– Вообще-то нам должен деньги по договору АвтоВАЗ, – сказал Лобарев. – Лети туда. Если выбьешь деньги, сможешь продолжать работу.

Данила удивился. Он никогда не занимался коммерцией и вообще смутно представлял, откуда институт берет деньги и зачем они нужны. Кроме этого, в институте

был человек, который последние годы занимался такими делами. Этим человеком как раз был доктор химических наук Федор Аксютин, начальник их лаборатории. Аксютин привозил откуда-то компьютеры, учреждал хозрасчетные объединения, бегал, ловчил и однажды даже умудрился сдать часть помещений секретного объекта шайке воров, перебивавших номера на ворованных машинах.

– А Аксютин? – спросил Данила.

Лобарев помолчал.

– Аксютин вчера застрелили.

* * *

Когда вечером Данила открыл дверь, его дочка, Даша, плакала на ковре в комнате. На обеденном столе белела записка от Вики.

Буквы с трудом складывались в слова, словно обозначали какую-то реакцию, противную законам химии и непонятную Милетичу. Когда буквы сложились, Данила подошел к телефону и набрал номер гостиницы «Пекин». Ему сообщили, что да, гражданин Израиля Михаил Айзерман днем покинул отель. Портье, видимо служивший в КГБ, был достаточно наблюдателен, чтобы подтвердить: вместе с Айзерманом была молодая дама в синей юбке и бежевом плаще.

Сварить кашу на ужин Даше оказалось значительно трудней, чем изготовить из подсолнечного масла взрывчатку.

* * *

Вечером следующего дня самолет с Данилой Милетичем приземлился в Тольятти. Милетич вышел из него, неся на руках спящую Дашу. Таксиста он попросил отвезти его в гостиницу. Тот удивленно поглядел на ребенка, но ничего не сказал.

Директор принял его на следующее утро. Выяснилось, что он действительно не может заплатить институту деньгами, но мог бы заплатить машинами. Милетичу предложили две тысячи «Жигулей» на заводской стоянке.

– Но почему вы не можете сами продать машины и заплатить нам? – спросил Милетич.

– Или ты берешь машины, или ждешь сколько получится.

– Я беру машины, – сказал Данила Милетич.

Ему слишком хотелось приступить к опытам.

* * *

Маленькие ножки Даши оставляли отпечатки в белом снегу, покрывающем автостоянку и крыши «жигулей». Машины стояли, покрытые брезентом и снегом, и были как брошенная армия, отступающая через Березину.

Их были сотни и сотни.

Все они были без шин.

Милетич кормил Дашу в заводской гостинице гороховым супом, когда к нему подсел другой командировочный. Ему было сильно за тридцать, он слегка расплылся и уже начал лысеть, и круглые глаза по обе стороны румяного лица глядели на мир весело и добродушно. Он был в черном костюме и ослепительно белых кроссовках. У правой кроссовки уже отвалилась подметка.

– Слышь, парень, – сказал командировочный, – у тебя случайно машин на продажу нет?

– А ты откуда?

– С Кесарева.

Милетич задумался.

– А ты знаешь Кесаревский шинный?

– У меня там дядя – начальник цеха.

– Может быть, и есть, – сказал Милетич.

Командировочный засмеялся и хлопнул его по плечу.

– Ты посмотри, – сказал он, указывая на свою кроссовку, – сегодня утром на рынке купил. А уже оторвалась. Она для покойника. Представляешь, подошва из картона. Для покойника.

Веселого командировочного звали Артем Суриков.

* * *

На следующее утро Данила с дочкой и с Артемом Суриковым приземлились в Кесарева. Прямо с самолета они отправились на Кесаревский шинный.

Кабинет директора Кесаревского шинного был украшен портретом Ленина и попугаем в клетке. Было девять часов утра, и директор был безнадежно пьян.

– Шины, – сказал директор? – в обмен на автомобили?

– Р-разумно, – заорал попугай в клетке.

– Разумно, – сказал директор. – Если достанете заводу сырье для шин, будут вам шины.

Когда Данила вышел из заводоуправления, было три часа дня. Пространство до первых цехов было завалено полутораметровыми сугробами, и в этих сугробах были протоптаны маленькие тропинки. Данила сначала решил, что по тропинкам ходят на смену, но потом он заметил двоих рабочих. Они деловито, как муравьи, тащили из цеха здоровенный моток медной проволоки. Больше всего Данилу поразило цвет снега: он был белый. Снег на химзаводе не должен быть белый.

Январское солнце разбивалось о покрывавшую завод целину на тысячу искр, и Данила очень хорошо понял, что на нефтеперерабатывающем заводе его пошлют за нефтью; на нефтяном месторождении – за обсадными трубами. На трубопрокатном заводе его пошлют за сталью, а на металлургическом комбинате.... что ж, может быть, кто-нибудь из металлургов согласится взять в оплату часть «Жигулей». Данила Милетич всегда хорошо умел экстраполировать события.

Но все же в тот момент он и не подозревал, сколько денег он заработает через год. И не знал, что больше никогда не вернется в свою лабораторию.

Впоследствии он спрашивал себя, отчего все так получилось. Да просто оттого, что ему, как химику, не понравился цвет снега на заводе.

* * *

На следующее утро, придя на работу, Артем Суриков долго рассматривал в «Кесаревском вестнике» фотографию своего директора: в белой рубашке и шелковом галстуке, со счастливой американской улыбкой на фоне никелированного кружева нефтеперегонных установок. Потом вызвал к себе пресс-секретаря.

– Зачем тут столько Карневича? – спросил Суриков, – зачем вы его пиарите? Этот американец, кто он был четыре месяца назад? Никто. Я его на помойке нашел. Вы его так пиарите, что через год он попросит вдвое больше. Чтобы этого больше не было.

Глава третья, в которой человек по имени Ваня Бонсай любезно устраивает Висхана Талатова на работу, а Артем Суриков в Москве укрепляет вертикаль власти

Пригородная электричка привезла Висхана Талатова на приморский вокзал около десяти утра. Смуглый жилистый чеченец выпал из нее вместе с огромными пластмассовыми кулями, которые тащили на себе китайские торговцы: прямо у вокзала располагался городской рынок.

Поток китайцев побежал на рынок. Они были как муравьи, которые тащат гусеницу вдвое больше себя. Висхан остался стоять на платформе, слегка шурясь и разглядывая разбитые стеклянные буквы вокзала.

Когда китайцы схлынули, Висхан увидел несколько пожилых женщин, стоявших у конца платформы с самодельными плакатами. Плакатики извещали о том, что женщины сдают комнаты на ночь.

Чеченец подошел к одной из женщин.

– Сколько комната? – спросил Висхан.

– Я черным не сдаю, – ответила женщина, – вон, Оля сдает. Иди к ней.

Но и Оля комнаты не сдавала – она уже сговорилась с китайцами.

В конце концов Висхан договорился с пожилым стариком: тот сдавал комнату пятерым азербайджанцам, и Висхана брали шестым. Висхан уже сунулся в карман за деньгами, когда на его плечо опустилась рука:

– Документы.

Висхан оглянулся.

Сзади стоял молоденький лейтенант и глядел на него, как кот на лягушку. Съесть не съем, а замучаю. За лейтенантом стояли еще двое, в мышинных милицейских кителях.

Висхан протянул паспорт.

– Что у тебя паспорт грязный, как у покойника? А регистрация есть?

– Дальше, в паспорте, – ответил Висхан.

Лейтенант перелистал книжечку и заметил подоткнутую под корочку тысячу рублей. Рубли он аккуратно изъяс, положил в карман.

– Пошли с нами.

Висхан попятился. Милиционер щелкнул затвором.

В отделении обыск продолжился. У Висхана изъясли две тысячи долларов, перетянутых резинкой, и небольшую пачку рублей. Из верхнего ящика стола дежурный вынул небольшой пакетик с белым порошком и тоже записал его как изъятый у Висхана.

Висхан попытался сказать, что пакетик не его, и получил милицейской дубинкой по почкам. Последний удар, который он помнил, был сапогом по челюсти. Не то чтобы милицейский лейтенант так хорошо владел кикбоксингом, просто Висхан к этому времени долго лежал на полу.

Когда Висхан очнулся, руки у него были скованы, и под головой вместо подушки была бетонная плита пола. За прутьями обезьянника шла обычная жизнь: дежурный беседовал с бабой, у которой вытащили кошелек, лениво бубнила на столе рация да привокзальная проститутка лет пятидесяти прихорашивалась на колченогой скамейке перед дерматиновой дверью в кабинет начальника.

В обезьяннике были два бомжа и молодой человек несколько необыкновенной наружности: дорогая кожаная куртка с оторванным воротом, синяк в пол-лица и гаванская сигара в зубах.

Висхан приподнялся, ощупал синяки и сел. Менты раздавили часы у него на руке, но судя по тени от окна камеры, он был без сознания часа четыре. Наступало время намаза, но совершить омовение было негде, и Висхан сидел неподвижно, прикрыв веки. Кожаный все так же курил сигару. Дежурная по вокзалу громко объявила об отправлении поезда «Кесарев-Владивосток».

– С поезда сняли? – спросил кожаный.

– Нет. На вокзале был.

– А чего на вокзал пришел?

Висхан подумал.

– На электричке приехал.

– У них тут бригада, – сказал кожаный, – по китайцам работают. Китайцы здесь бабки зарабатывают, а регистрации у них нет. Вот когда китаец домой едет, они в поезд заходят и бабки стригут. У тебя забрали?

– Да.

– Много?

– Две штуки.

Кожаный присвистнул.

– Че, ограбил кого?

– Не. Откуда ехал, там дали. Вышвырнули из ворот и денег на дорогу дали.

Кожаный шумно завозился, потом затряс решетку:

– Эй, командир! В сортир сходить дай.

Вернувшись из сортира, сообщил:

– Я Серега.

– Висхан.

– У меня тоже бабло взяли. Котлы забрали, суки. Все забрали. Мобилу забрали, ствол вынули.

– А ты за что попал?

– С мусорами подрался, – сказал Серега. – Сейчас человек подъедет, решит вопрос. Тут в прошлом месяце эти менты пьяного подобрали, без денег, но с карточкой. Нефтезавод-то на карточки бабки платит. Так они ему ноги сломали, показалось, что он код им неправильный сказал. А это просто в банкомате денег не было. Ноги сломали. Прикинь. Как у вас в Ханкале.

– Нет, – сказал Висхан, – здесь не как в Ханкале. В Ханкале проверяют плечо, а эти – карман.

– А почему проверяют плечо? – спросил парень.

– Потому что на нем синяк от приклада.

Серега внимательно посмотрел на Висхана.

Спустя полтора часа решетка обезьянника распахнулась, и в ней нарисовались два мента, и за ними – светловолосый парень в черной рубашке:

– Ты! На выход.

Сергей поднялся и вышел. Решетка захлопнулась. Висхан остался сидеть в углу.

Замок снова лязгнул через двадцать минут.

– Эй, ты, черножопый, выходи.

Когда Висхан поднялся, ему показалось, что кто-то изнутри ткнул ему вилкой в почки. В коридоре стояли Сергей и светловолосый.

– Пошли, – сказал светловолосый.

На вечеряющей улице их ждал черный «ниссан-патрол» с битой задней фарой. За рулем сидел молодой парень с голодными глазами наркомана.

Висхан сел на заднее сиденье. Глаза его оставались такими же равнодушными, как в камере.

Спустя пять минут джип остановился перед небольшим ресторанчиком. Висхан кое-как омыл руки и ноги, а потом попросил позволения уйти в один из отдельных кабинетов, отгороженных от общего зала резной решеткой. Когда он закончил молиться, он увидел, что в дверях кабинета стоит Серега и смотрит на него с брезгливым любопытством.

– Слышь, тут все тебя ждут, ты че, погодить не мог?

Висхан поглядел на него непроницаемыми антрацитовыми глазами.

– Ты когда хочешь есть, что делаешь?

– Ем.

– А что ты думаешь, должно быть важнее для человека – съесть кусок хлеба или поговорить с Аллахом?

Серега пожал плечами и вышел.

Еду для всех принесли в общий зал. Висхан ел размеренно, как машина. После шести часов в обезьяннике он вовсе не был голоден. Еда в желудке для Висхана была то же, что патроны в винтовке – средство сражаться. Разве винтовка может быть голодна? Ей просто нужны патроны.

Чеченец съел все, включая хлеб, и замотал головой, когда ему предложили пиво.

– Не пью, – объяснил Висхан.

Беловолосого звали Мишей, а кличка его была Бонсай.

– Слышь, – спросил Миша, – они с тебя правда две штуки сняли?

Висхан кивнул.

– Откуда бабки? – спросил Сергей.

– Родич дал.

– Кто?

– Его для меня больше нет, – сказал Висхан, – я к нему за помощью пришел, а он денег дал и выкинул. Он не человек. Он шайтан.

– Регистрация есть?

– Нет.

Сергей помолчал.

– Я тебе регистрацию сделаю. Ты мне должен будешь.

Висхан кивнул.

* * *

Расставшись с Висханом, Серега еще некоторое время обсуждал дела с человеком по имени Миша Бонсай, а потом закрылся в туалете и долго и с сожалением разглядывал огромный, нежно-сизый синяк. Синяк был настоящий и никуда деться не собирался.

Затем Сергей погрузился в свой собственный джип, сделал Мише ручкой, – и через пятнадцать минут уже входил в каменное четырехэтажное здание с вечно задернутыми шторами на окнах – здание управления федеральной службы безопасности по Кесаревскому краю.

В кабинете Серегу ждали трое сотрудников «наружки», которая сегодня утром пасла Висхана с той самой минуты, как он покинул загородный дом Касаева. Работа оказалась нелегкой.

Все полагали, что Висхан уедет на машине. На этот случай у «семерочников» был заготовлен дорожный патруль, который должен был арестовать Висхана и препроводить в камеру, где тот и должен был познакомиться с Сергеем. Из-за того, что Висхан поехал на электричке, срочно пришлось пересаживать Серегу в другую камеру и привлекать к операции вокзальных ментов. И хотя у старшего уполномоченного краевого управления ФСБ майора Сергея Михайловича Якушева был с собой полный набор документов прикрытия, включая бордовую ксиву капитана милиции Сергея Анатольевича Куренкова, оставленный широкий след был ему не по душе.

– Как с ментами? – спросил Якушев.

– Менты уже все забыли, – отозвался один из сотрудников «семерки», – а тебя начальство ждет.

Составление рапорта заняло полчаса. В восемь майор Якушев доложил Рыднику:

– По вашему заданию группа провела оперативную комбинацию по выявлению преступных связей объекта. Зафиксирован контакт объекта с местным авторитетом по кличке Бонсай. С учетом нашего внедрения в банду Бонсая прошу разрешения на проведение оперативной игры.

– Хорошо, – сказал Рыдник, – принеси мне план.

Сергей Якушев провел в здании еще около часа. Тысячу долларов, которую отдали менты, наружка поделила между собой. Для них это были большие деньги. Якушев дал группе инструкции на завтра и покинул здание к девяти.

Когда он выходил на улицу, невысокий черноволосый водитель, сидевший за рулем припаркованного в ста метрах «мицубиси», встрепенулся и взялся за фотоаппарат. Мощная цейс-совская оптика легко запечатлела старшего оперуполномоченного ФСБ Сергея Якушева на выходе из здания, так же, как три часа назад тот же водитель запечатлел белобрысого Серегу в компании с Висханом и Мишей Бонсаем.

* * *

Руслан Касаев беседовал в своем офисе с представителями Духовного Управления мусульман Дальнего Востока, когда раздался звонок по селектору:

– Руслан Абусалимович, к вам директор фирмы «Вартан». Александр Викторович Колокольцев. Договор мы подготовили, как вы велели.

Секретарша имела строгую инструкцию. Если с Русланом сидели русские, она должна была говорить «Руслан Александрович». Если это были мусульмане, то она должна была говорить «Руслан Абусалимович». Корейцы, японцы и американцы приравнивались к русским.

– Заведите его в переговорную.

Руслан встал и поклонился собеседникам. Это были птички невысокого полета, и вдобавок они выстроили себе четырехэтажный офис за двухэтажной мечетью.

– Я на пять минут, – сказал он.

В переговорной от столов пахло свежим пластиком, и ровной мухой жужжал кондиционер. Халид сидел лицом к двери, расставив крепкие длинные ноги в заляпанных кроссовках. Руслан с неудовольствием заметил, что по полу тянулась цепочка следов. Руслан, не здороваясь, сел в соседнее кресло. В руках у него был договор субподряда.

– Почему ты отослал Висхана? – голос Халида был холоден и насторожен.

– Я уже объяснил ему. Этого потребовал Рыдник. Нечего было ствол держать, как в горах. Я бы на месте Висхана убирался куда подальше.

– Уже поздно. У него отобрали паспорт. А человек, который предложил ему помощь, работает на ФСБ. Ты меня сдал?

– Если бы ты думал, что я тебя сдал, ты бы застрелил меня раньше, чем я вошел.

– О чем ты вчера тер с Рыдником?

Руслан помолчал.

– Он отобрал у меня терминал. Ты понял? Приехал Андриенко, а отобрал Рыдник. А на сдачу прихватил твоего Висхана.

Руслан внезапно вскочил, так, что договор вспорхнул со стола и листы его разлетелись по комнате.

– Господи, до чего же вы мне все надоели! Почему я не могу спокойно работать? А? Почему?

– Почему ты не можешь спокойно работать? Можешь. Разве тебя кто обижает? Скажи, и перестанет обижать. У тебя вот партнер был? Аяз был, да? Аяз Алиев? Нехороший человек. Обижал тебя. Больше не обижает.

Руслан молчал. В 99-м, когда с него очередной раз попросили на газават хоть полфиника, Руслан дал очень мало. Сослался на своего партнера по таможенному бизнесу, коммерсанта Аяза Алиева. Сказал, что все деньги от бизнеса забирает Алиев.

Через три недели азербайджанца Алиева расстреляли в подъезде. Руслан не хотел гибели Алиева. Он просто хотел отвертеться от людей Халида. А они пришли после убийства и попросили денег за услугу.

– Не бери себе в друзья неверных, – сказал Хасаев, – или не надейся на помощь Аллаха. Ты забыл об этом и взял в друзья Рыдника. И теперь ты думаешь, что у тебя нет выхода. Если ты меня сдашь, Рыдник воспользуется этим, чтобы отобрать твой бизнес. А если сделаешь, как я скажу, ты окажешься крайним, когда начнется разбор полетов. Так?

Халид Хасаев сидел перед братом, совершенно неузнаваемый, поседевший и постаревший, поменявший все свои привычки, кроме привычки убивать, и Руслан понимал, что он обречен. Прежним Халидом нельзя было управлять с помощью страха, но им было легко управлять с помощью денег. Для нового Халида деньги были лишь способом обеспечить то, чего любой нормальный человек и даром-то не пожелает – быструю, а возможно и мучительную, смерть.

Отношение Халида к Руслану и к русским, конечно, было разное. Все-таки Руслан был брат, а русские были бараны. Но пытаться объяснить Халиду что-то насчет ценности человеческой жизни, хотя бы жизни чеченца, было все равно что пытаться объяснить биологу в лаборатории ценность жизни подопытной мыши. Биолог бы тут же согласился. «Конечно, – сказал бы он, разделявая очередной экземпляр на пробирном стекле, – во-первых, тысяча мышей стоит две тысячи долларов, а во-вторых, вы знаете, сколько денег мы затратили, прививая ей этот вирус?»

Халид, усмехаясь, встал. Поддел носком кроссовки вертящееся кресло, так, что оно подпрыгнуло и отлетело к стене.

– И это ты называешь бизнес, Руслан? Казино-мазино? Пленки с компроматом? Терминалы, которые тают, как шоколадка в руках, едва на них подует прокуратура? Ты живешь как морской еж, которого берет со дна любой ныряльщик. Так вот – я готов предложить тебе бизнес. Настоящий. С доходом в десять тысяч процентов на каждый вложенный бакс. И если ты сделаешь, как я скажу, тебя никто никогда не тронет.

* * *

Четвертого человека, приехавшего в Кесарев вместе с Халидом, звали Маирбек.

Маирбек происходил из уважаемого кумыкского рода и был национальной гордостью соседней с Чечней республики: в двадцать лет Маирбек стал чемпионом мира по джиу-джитсу. К двадцати пяти у Маирбека был огромный дом в самом центре столицы республики, красавица-жена и два двухлетних близнеца: Саид и Умар.

Маирбеку было двадцать шесть, когда его старший брат, уважаемый в республике человек, по имени Сагит, заплатил пятьсот тысяч долларов за должность министра сельского хозяйства республики.

К несчастью, спустя три месяца еще один уважаемый в республике человек, и вдобавок даргинец, а не кумык, заплатил президенту семьсот тысяч долларов за ту же должность. Новый претендент на должность министра спросил, как быть с Сагитом, президент ответил:

– А это твоя проблема.

Новый претендент разрешил проблему весьма просто, всадив противотанковую гранату точно в створ бронированных листов сагитовского «Мерседеса». «Мерс» сгорел, как свечка.

После смерти брата Маирбек, спешно прервав свое выступление на чемпионате мира, прилетел в столицу республики и объяснил ее президенту, что министром сельского хозяйства будет он: имущество должно оставаться в семье.

– Моего брата убили из-за этой должности, – сказал Маирбек, – если ее получу я, я буду считать виновным одного человека, а если ее получит убийца, я буду считать виновными двух.

Президент республики не хотел, чтобы Маирбек считал его причастным к гибели брата, но и назначать его министром сельского хозяйства президенту было тоже неохота. Поэтому он предложил Маирбеку любую другую должность на выбор.

– Тогда министром финансов, – сказал Маирбек.

– Но ты же ничего не понимаешь в финансах, – удивился президент.

– Я и в сельском хозяйстве ничего не понимаю, – ответил Маирбек, – какая разница, в чем я не понимаю?

Маирбека назначили министром сельского хозяйства, а даргинца Али-Хаджи Ильясова назначили в утешение на место руководителя Пенсионного Фонда. Так уж получилось, что здание Пенсионного Фонда в республике стояло точно напротив от здания Министерства сельского хозяйства – прямо через площадь Примирения и Согласия – и поэтому никто не удивился, когда спорхнувший с крыши министерства ПТУР вписался точнехонько в окно кабинета уважаемого Али-Хаджи. Ильясова в кабинете не было.

За два последующих года борьба между сельским хозяйством и пенсионным фондом республики унесла жизни троих телохранителей и семерых сотрудников министерств. Три бронированных «Мерса» завернуло в лепешку, у двоюродного брата Ильясова сгорел новенький дом, площадь Примирения и Согласия покрылась противотанковыми траншеями и воронками от фугасов, а полуразрушенные здания обоих ведомств были прикрыты бетонными заборами, в проломах которых дежурили гранатометчики.

Трудно сказать, кто бы победил в этой войне на истощение, а только в 2002 году в республику приехала комиссия во главе с заместителем генерального прокурора России.

Комиссия имела мандат на арест всех ваххабитов, которые могли помешать переизбранию президента республики. Через неделю после прибытия заместитель генерального прокурора навестил министерство сельского хозяйства и показал Маирбеку его имя в списке закоренелых ваххабитов.

– Ну что, – сказал замгенпрокурора, – будешь сидеть или приведешь доказательства своей невиновности?

Маирбек отлучился в комнату отдыха и приволок с собой целую кучу доказательств своей невиновности, все за подписью секретаря американского казначейства. Доказательства тут же были приобщены к делу и признаны исчерпывающими, Маирбек и москвич превосходно поледили, и притом до такой степени, что когда зам генерального собрался улетать в Москву, Маирбек отвел его в сторону и попросил об услуге: забрать с собой на правительственном чартере жену и двух детей Маирбека. О том, что семья министра сельского хозяйства покидает город, не знал никто, кроме самого зама генерального прокурора.

На следующий день кортеж из четырех машин выскочил из гаража Маирбека и помчался по утренним улицам между белых домиков и цветущих вишен. В тот момент, когда машины поворачивали на дорогу, ведущую в аэропорт, под днищем бронированного «Мерседеса» Кайтагова сработал двадцатидвухмиллиметровый фугас.

По иронии судьбы, сам Маирбек находился в машине сопровождения: обычном небронированном «шевроле». Свой «мерседес» он отдал жене и детям.

Три оставшиеся невредимыми машины кортежа подъехали на взлетное поле спустя пятнадцать минут. Зам генерального прокурора лично руководил погрузкой в правительственный

чартер коробок дагестанского коньяка и трехлитровых банок с черной икрой. Он не мог скрыть своего изумления, когда увидел Маирбека живым и невредимым.

– Кому ты сказал, что я поеду в аэропорт? – спросил Маирбек.

– Это что за тон? – возмутился москвич.

Больше он ничего не успел сказать: Маирбек и его люди открыли ураганную стрельбу по замку генерального прокурора и его охране.

Случай этот наделал изрядный переполох. Правительственный самолет сгорел к чертовой матери. На месте кровавой бойни осталось двадцать трупов. Бывший чемпион мира по джиу-джитсу, бывший министр сельского хозяйства, двадцативосьмилетний Маирбек Кайтагов скрылся со своими уцелевшими охранниками в горах Чечни.

Руководитель Пенсионного Фонда Али-Хаджи Ильясов погиб через полгода, когда грузовик со взрывчаткой, за рулем которого сидел ингуш-смертник, въехал в ворота Дома Правительства соседней с Чечней республики.

* * *

Было уже три часа дня, когда Маирбек, сидевший в военном «Газике» по правую руку от водителя, свернул с Приморского шоссе в глухой лес. За «Газиком» шла еще одна машина, полная солдат.

Солдат Маирбек нанял в ближайшей стройчасти три часа назад, предъявив на проходной паспорт на имя Александра Моисеевича Боренбойма.

Раздолбанная бетонка привела их к зеленым воротам с облупившимися жестяными звездами. Перед воротами стояли бетонные блоки, и по обе их стороны тянулась полуобрушившаяся стена с предгорьями колючей проволоки.

Маирбек с натугой распахнул ворота, и «Газик» с грузовиком въехали на асфальтовый плац, поросший высокой травой и молоденькими, густыми как крапива, тополями и кленами. За плацем к морю спускались полуразрушенные казармы, и у берега стоял огромный недостроенный особняк из красного кирпича.

– Особняк – снести, – велел Маирбек, – ограду – починить. Казармы тоже почините, в них рабочие жить будут.

Место это, в девичестве называвшееся Челокowo, в военных документах именовалось не иначе как «Кесарев-31». В 80-х годах здесь базировались части ракетных войск стратегического назначения; дальше от моря, в глухом лесу, были проложены дороги и оборудованы бункеры, под сопкою скрывались пусковые шахты ракет. В 92-м году часть сократили, в 94-м – расформировали. Замначальника части подсуетился и, приватизировав часть земли, затеял строить на ней дачу. Дело неожиданно получило огласку. Генерал ушел на пенсию, дача прозябала недостроенной, а сомнительное право собственности на землю де-юре осталось у его дочери, которая уже шесть лет как жила в солнечной Калифорнии. У дочери его и выкупили за сущие слезы в начале июля.

– А из чего ограду ставить? – спросил сержант.

– А у вас в части что-нибудь есть?

– Есть, – ответил сержант, нисколько не удивленный такой просьбой. Не меньше половины заказчиков, пользовавшихся услугами дешевой рабсилы, норовили через армию же прикупить и стройматериалы.

– Ставьте все, – распорядился Маирбек, – плиты ставьте. Колючку ставьте. Вон, вышку у ворот восстановите. Тут серьезные люди землю купили, все как крепость должно быть.

– А для кого крепость-то? – поинтересовался сержант.

– Для Бен Ладена, – ответил Маирбек.

Сержант исподлобья посмотрел на слегка полноватого чернокудрого собеседника со спортивной выправкой и льдистыми агатами глаз. «Оборотистые, жида», – подумал он.

* * *

Артем Иванович Суриков и его юный протеже, гендиректор ОАО «Лада» Велимир Григорьев, вылетели в Москву на следующий день после разговора с губернаторшей.

Путеводителем провинциального олигарха по кремлевским кабинетам был тот самый вице-президент государственной нефтяной компании, которая обеспечивала завод двумя миллионами тонн неучтенной нефти в год. Пройдя несколько согласований и собеседований, Суриков и Григорьев оказались в кабинете, принадлежавшем одному из самых высокопоставленных чиновников Кремля, известному своей близостью президенту.

Две высокие договаривающиеся стороны обменялись своими взглядами на будущее России и необходимость укрепления вертикали власти. Хозяин кабинета поглядывал на молодого просителя благосклонно и даже время от времени записывал что-то на листочке бумаги.

– Простите, – сказал Суриков, – если бы у меня был какой-нибудь способ доказать, насколько мы в нашем крае преданы...

– Знаете, я принимаю принципиальные решения, – сказал хозяин кабинета. – Вся текучка – у моего помощника.

В заключении аудиенции чиновник обнял молодого выдвиженца и сказал:

– Вот такие люди нам и нужны!

Помощник кремлевского небожителя проводил Артема Ивановича и вице-губернатора по красной ковровой дорожке до самого лифта. Нажав кнопку вызова, Артем Иванович кашлянул.

– Простите, Вадим Никифорович, – сказал он, – так насчет способа...

– Десятка, – спокойно сказал помощник, – пять до, пять после.

– Прямо вот так?

Помощник с широкой улыбкой развел руками.

Помощник кремлевского небожителя вернулся в кабинет к начальнику спустя пять минут и в ответ на невысказанный вопрос тихо кивнул. Его босс довольно улыбнулся. Он получил уже по пять миллионов от четырех кандидатов и рассчитывал как минимум еще на два взноса.

* * *

В тот самый день, когда хозяин Кесаревского НПЗ укреплял в Москве вертикаль власти, Халид вместе с начальником Кесаревского Дома Армии и его двоюродным братом выехал за двадцать километров от Кесарева, в военную часть № 18417.

Место это поочередно передавали в ведение то армии, то флота, и встык с зеленым армейским забором располагалась база списанных подводных лодок.

Трупы атомоходов лежали в зеленоватой воде. С берега к ним тянулись кабели и швартовые, и подлодки с заглушенными реакторами были похожи на гигантские резиновые поплавки, запутавшиеся в водорослях и прибрежном соре.

Двоюродный брат начальника КДА, подполковник Усольцев, был начальником артслужбы 136-й мотострелковой дивизии. За зеленым забором части тянулись военные склады, и НУРСы были свалены в кучу, словно картошка.

Жизнь в горах учит полагаться на запах, и впервые за несколько месяцев вокруг пахло так, как Халид привык: немытым человеческим телом, боеприпасами, топливом и смазкой.

Сторговались чрезвычайно быстро: два японских грузовичка обошлись Халиду вдвое дешевле, чем если бы он покупал их на пирсе.

Все закончилось грандиозной пьянкой. Упившийся подполковник водил Халида по плацу и говорил, показывая то на развалившийся катер, то на умерший в грязи БТР:

– Купи! Купи! Ну совсем недорого отдам!

* * *

Белобрысый Серега не соврал: через два дня он принес Висхану бумажку с регистрацией и устроил его на работу. Четыре дня Висхан работал грузчиком в порту. Он сразу оказался на хорошем счету. Он не пил, не задавал вопросов и не отказывался от работы. Он спокойно таскал груз, равный своему весу – правда, весил он всего шестьдесят килограмм. Он молился пять раз в день, однако в пятницу он не пошел в кесаревскую мечеть, единственную в городе и всегда забитую битком, в отличие от полутора десятков церквей.

Якушев навестил его на четвертый день. Он кивнул чеченцу, и тот спустя десять минут подошел к своему спасителю, на ходу утирая грязной рукавицей смуглое обветренное лицо.

Они зашли в небольшую припортовую забегаловку, полную людей, дыма и запаха прокисшего пива. Вдоль деревянных столов тянулись деревянные же скамьи, и на стойке возле кухни радио орало голосом местной знаменитости Лолы.

Сергей сел на скамью напротив Висхана, а на пол поставил большую матерчатую сумку. Официантка в клетчатом переднике принесла им по большой кружке пива, и Сергей, наклонившись, достал из сумки воблу и сыр.

– Я не буду пива, – сказал Висхан, нарезая сыр маленькими аккуратными кусками. Сыр был очень вкусный, главным образом потому, что с утра Висхан еще ничего не ел.

– Там еще есть. Достань, – проговорил Сергей.

Висхан раздернул молнию на матерчатой сумке и посмотрел внутрь. Сыра там не было. Там был брусок тротила, провода и электродетонаторы. Висхан закрыл сумку и продолжил еду.

– Видал такие?

– Не, – сказал Висхан, – это что? Хозяйственное мыло?

Сергей помолчал.

– Есть один человек, – сказал он, – его проучить надо. У него универсам на улице Рылева, 16. Этот гад хороших слов не понимает. Не знает, что делиться надо.

– А охрана у гада есть? – спросил Висхан.

– Какое тебе дело до охраны? Его надо предупредить, а не убивать.

На улице дул холодный не по-осеннему ветер, и когда они вышли, Сергей, запахивая поплотней полы кожаной куртки, спросил:

– А что, Висхан, ты правда веришь, что нас сотворил Аллах?

– Да. А ты?

– Не знаю. Меня как-то в детстве учили, что человек произошел от обезьяны.

– Русские, может быть, и произошли от обезьяны, – ответил Висхан, – а чеченцы произошли от волка.

* * *

Хабаровский коммерсант Александр Колокольцев созвонился с подполковником Усольцевым спустя неделю. Узнав, что тот в городе, он предложил отобедать в ресторане, и предложение было с готовностью принято.

На встречу хабаровчанин явился не один. Вместе с ним был невысокий человек с плоским лицом и вежливыми манерами. Человек двигался, как китаец, кланялся, как китаец, и хорошо говорил по-китайски.

Человека этого звали Эльдар Темиркаев, и он был чистокровный казах. В девятнадцать лет он окончил медресе в Уфе, три года воевал в горах Чечни и год провел в палестинских лагерях. После того как израильтяне объявили на него особую охоту, Эльдар уехал в Узбекистан (его взял в свою охрану один из руководителей Хизбут-Тахрир), а оттуда – в Синьцзян. Там он прожил последние три года и научился говорить по-китайски. Пять лет назад, после паломничества в Мекку, Эльдар принял новое имя Расул, то есть – посланник.

Усольцеву и приехавшему с ним начальнику Дома Армии Расула представили как Цзинь Кэ.

Все уже хорошо набрались, когда Саша Колокольцев вполголоса изложил свою проблему. Им предстояло доставить из Китая, с предприятия, торговым агентом которого и состоял господин Цзинь, три контейнера аппаратуры: черно-белые камеры, силовые и телекоммуникационные кабели, усилители сигналов, – словом, все, что требовалось для монтажа комплексной системы видеонаблюдения.

Первый из контейнеров пошел через таможенный терминал, принадлежащий чеченцу Руслану; а так как у терминала начались неприятности, господин Цзинь хотел бы найти новые пути доставки.

– Так что за проблема? – спросил подполковник Усольцев, – у нас есть причал, там и разгрузитесь.

– Говорят, это сделал сам Руслан, – поддержал разговор его брат, – я слышал, что прокуратура забрала все товары у перевозчиков и Руслану же их продала за копейки.

Остаток разговора был посвящен чеченцам и прокуратуре, которая охотней всех берет от них взятки. Было весело и дружно. Улыбающийся китаец оплатил счет в ресторане, разбитый в пылу спора графин и девочек, снятых чуть позже на Ленинском проспекте.

– Слышь, Сашок, – сказал Усольцев в пять утра, когда все уже расплзались, довольные и счастливые, – а твой китаец славный парень!

– Он не китаец. Он уйгур.

– Че?

– Это такой народ на западе Китая. В провинции Синьцзян. То есть это китайцы считают, что это провинция Синьцзян, а уйгуры считают, что это их страна, которая должна стать свободной.

– Часто считают?

– У него брата за это самое дело убили. За то, что считал.

Усольцев пьяно засмеялся.

– Ты прикинь, – сказал он, – и в Китае есть чечены.

Саша Колокольцев старательно улыбнулся.

– Это хорошо, – сказал Усольцев, что в Китае тоже есть чечены. Не люблю узкоглазых.

* * *

Взрыв в супермаркете «Марина» на улице Рылеева произошел в пять вечера. Рвануло в шкафчике, куда в порядке самообслуживания посетители сдавали кошелки. Нижнюю секцию, в которую было заложено безоболочное взрывное устройство в двести грамм тротилового эквивалента, вынесло начисто, жестью порезало троих. По счастливой случайности никого не убило.

Видеонаблюдение за шкафчиками не велось, однако не менее пяти свидетельниц заявили, что за некоторое время до взрыва в супермаркет вошел подозрительный человек кавказской внешности.

Прокуратура попыталась составить фоторобот, однако это оказалось технически невозможным. Так, одна из свидетельниц утверждала, что вошедший имел густую черную бороду, роста был маленького и что лоб его пересекал разбойничий шрам. Другая утверждала, что бороды у кавказца не было, росту он был громадного и хромал на левую ногу, словно раненный в бою человек. После того как третья свидетельница уверенно подтвердила показания первых двух, опрашивавший женщин следователь плюнул, махнул рукой и возбудил дело по статье «хулиганство».

ФСБ заявило, что берет дело о взрыве в супермаркете «Марина» под свой особый контроль.

* * *

Старый американский катерок с российским бортовым номером и синей полосой вдоль проржавевшего пуза пришвартовался в трехстах метрах от резиновой оболочки подлудки, и сменившийся караул помог перегрузить картонные ящики с китайскими иероглифами на дожидавшийся у пирса грузовичок.

В ящиках, как и заверял Саша Колокольников, находилась всякая электротехническая утварь: силовые и телевизионные кабели, камеры для видеонаблюдения, сервисные блоки, магистральные короба, гофрошланги, разъемы, металлорукава. Вся эта техника, произведенная в Китае, была сравнительно легально ввезена в Россию крупной хабаровской фирмой «Эви-ком». На оборудование имелись все необходимые таможенные документы. Эти документы были порваны и утоплены в море час назад. Теперь вся техника имела вид самой черной контрабанды, и помощь российских военных в деле ее разгрузки представлялась незаменимой.

Операция уже почти закончилась, когда на асфальтированную площадку возле пристани заехал серебристый «Лексус», и из него вылез сорокалетний человек, двигавшийся со стесненной грацией располневшего спортсмена. Из джипа сопровождения вылезли еще трое – такие же толсторожие, в черных водолазках и черных кожаных куртках, оттопыривающихся у пояса.

Халид молча наблюдал, как новоприбывшие идут по пирсу. Он ожидал этого визита с того момента, как подполковник Усольцев с преувеличенным негодованием отказался от какого-либо вознаграждения. Он только не знал, кто это будет: менты или бандиты.

– Ой, – сказал подполковник Усольцев, – Костя приехал. Это вообще, знаешь, такой человек...

Халид превосходно знал человека по имени Костя, а по прозвищу Покемон. Если бы восемь лет назад Косте Покемону предложили поставить «крышу» не то что Халиду Пегому, а лавке, в которой Халид купил пирожное, – Костя Покемон обоссался бы на месте.

– Это Саша, – представил Усольцев своего нового знакомого, – Саша Колокольников.

– И че тут Саша делает? – с неприятной хищной улыбкой переспросил Константин, а потом быстро нагнулся и распорол бок одному из ящиков. Когда он выпрямился, в руках его была небольшая беспроводная телекамера.

– А таможенная декларация на нее есть?

– Нет.

– Плохо, что нет. Вот придут менты и все у тебя конфискуют.

– А ты что, мент, что ли?

– Я-то? Я что, на мента похож?

– Так ты под ними лежишь, что ими грозишь? – презрительно спросил Халид.

Лицо собеседника перекошилось, словно кто-то воткнул ему иголку в сплетение лицевых нервов.

– Ты, смотрю, мужик, поседел, а ума не нажил, – сказал Константин.

– Я в Чечне поседел. Объяснить как?

Костя повернулся к людям, стоявшим за его спиной, и те синхронным движением выхватили из-под курток спрятанные там пистолеты.

– Объясни, – сказал Костя, – да поторапливайся. Потому что вас здесь двое, а нас четверо.

Халид не шелохнулся. Подполковник Усольцев, внимательно наблюдавший за происходящим, был готов поклясться, что маленький китаец, стоявший в пяти метрах от них в своей смешной желто-красной ветровке, не шелохнулся тоже. Подполковник так и не понял, когда в руках китайца оказался укороченный АК-74, который так удобно прятать под курткой.

– Считай, сто нас здесь тлидцать, – спокойно сказал китаец.

Костя даже раскрыл рот от удивления.

– Э-э, – закричал подполковник Усольцев, – это что такое? На моей земле? В моей части! Э, товарищи, прошу прекратить безобразие. Саша, Саша, вам надо просто договориться с Костей.

– Договориться о чем? О том, как отдать свои кровные?

– Послушай, Саша, – заторопился подполковник, – Костя мой старый друг, он помочь вам хотел. Ведь действительно, если приедут менты, вам нужны какие-то документы на груз? У Кости есть свой терминал. Он эти документы вам нарисует.

– За сколько? – спросил Халид.

Костя перевел взгляд с худощавого седоволосого человека на китайца с автоматом. Он хотел стрясти с залетных гусей десятку. Для начала.

– Пять штук, – сказал он.

– За пять тысяч долларов в России можно растаможить летающую тарелку, – ответил Хасаев.

– Две тысячи.

– Мне не нужны документы, – ответил Хасаев, – а что нужно, я сам нарисую.

Подполковник побледнел. Катастрофа приближалась с каждой минутой. Черт бы побрал Костю Покемона с его неумной жадностью! Почему он не мог устроить разборку за пределами части?

Костя судорожно смотрел на автомат в руках китайца. По какой-то неуловимой грации, с которой тот держал оружие, Костя понимал, что китаец опытней его людей. Костя вообще был небольшой охотник до стрельбы и все свои проблемы в последние годы решал с помощью красных. Сюда он взял стволы только потому, что закошмарить какого-то хабаровского коммерсанта показалось ему делом несложным. Костя уже был готов повернуться и уйти, когда китаец что-то нараспев проговорил.

Никто не понял, о чем речь. Китаец заговорил снова, а потом наклонился к уху русского и совещался с ним полминуты, не отрывая цепкого взгляда от костиных громил.

– Господин Цзинь говорит, что он не будет покупать у вас таможенные декларации. Однако он с удовольствием купит у вас такие же вещи, как та, что он держит в руках. Их здесь много, и лежат они бесхозно. На этих условиях мы готовы разговаривать.

Встреча, начавшаяся так неудачно, закончилась вполне по-русски: пьянкой. Из батареи бутылок, глядевших в зенит за столом, можно было напоить всю советскую армию. Расставались совершенными друзьями: Костя Покемон и Саша Колокольников, обнявшись, пели «По долинам и по взгорьям», и мало кто обратил внимание, что хабаровский коммерсант был пьян куда меньше, чем показывал.

* * *

Начальник УФСБ по краю Савелий Рыдник провел два часа в тренажерном зале гостиницы «Кесарев» и оттуда, посвежевший и распаренный после душа, спустился вниз, где в отдельном кабинете японского ресторанчика его ждал Руслан Касаев.

Они уже доедали омара, когда Рыдник внезапно сказал:

– Кстати, ты не мог бы мне помочь?

– А что такое?

– Да Курченко на пенсию уходит. Ты его в казино не возьмешь? Финансовым директором, к примеру?

Геннадий Курченко работал в УФСБ в хозяйственном управлении.

– Не возьму, – сказал Руслан, – что он понимает в финансах?

– Ну снабженцем возьми. Ты же жаловался, что к тебе ненужные родственники приходят. А тут ты сможешь их на законных основаниях посылать. Мол, вы че, братья-моджахеды? Вы казино хотите охранять? А вы знаете, кто у меня сидит в соседнем отделе?

В кабинетик неслышно впорхнула официантка в белом передничке и сетчатых колготках. Рыдник замолчал, ожидая, пока она уберет тарелки. Пальцы Руслана еле слышно постукивали по скатерти. Рыдник искоса наблюдал за ним и понимал, что именно чеченец думает. Отказать всемогущему главе УФСБ в пустяковой просьбе было некрасиво. Согласиться – означало запустить соглядатая в самое сердце своей игровой империи.

Савелий Рыдник в принципе ничего не имел против чеченца. Еще несколько лет назад Руслан был великолепным посредником между ним и Чечней; с его помощью можно было делать карьеру, выкупать из плена российских солдат и водить в высокие кабинеты как прирученного зверька, жертвующего собственные деньги на выкуп россиян – и потому нуждающегося в административных преференциях. Например, в бесплатном землеотводе под казино.

Теперь все изменилось. Из посредника Руслан стал политическим риском. Посредников больше не было. Никто не выкупал россиян, попавших в плен на войне в Чечне, потому что война кончилась. Начался мирный процесс.

Халид Хасаев был мертв; а будь он жив, любые переговоры с ним были бы как переговоры с чумой. Не веда, а то заразишься. Говорили, что в последние два года перед смертью он стал отчаянным ваххабитом, и что бы ни значило это импортированное из Саудовской Аравии слово, – оно значило что-то очень плохое и для русских властей, и для традиционного мусульманского духовенства.

Еще несколько лет назад Руслан был тем человеком, которому можно было пожаловаться на того, кто мешает, и быть уверенным, что тот, кто мешает, исчезнет из поля зрения, а Руслан никогда не предъявит счет к оплате. Теперь это было лишним: с недавних пор – Рыдник это знал – такие указания можно было отдавать собственным подчиненным, не проходя утомительной цепи согласований и не оставляя следов.

Савелий Рыдник, начальник УФСБ по Кесаревскому краю, умел работать с чеченцами. Принцип работы был весьма прост: никогда не давай чеченцам собираться вместе. Один-единственный чеченец в твоём окружении может быть тебе другом, товарищем и даже братом. Если их заведется двое или трое – они непременно составят против русских заговор.

Поэтому Савелию Рыднику было искренне жаль Касаева, как бывает жалко охотнику прирученную рысь или иное дикое животное. Руслан был, конечно, не русский. Но когда его бизнес уйдет в другие руки, он станет давать намного меньше денег, а кому это хочется?

Но Руслан был обречен. Это было бесповоротное решение главы ФСБ по краю, и две недели назад он сделал первый шаг к его осуществлению: он указал Руслану, что тот должен ему миллионы, и согласился на ежемесячные триста тысяч.

Это был компромисс, и Руслан пошел на компромисс. Люди всегда идут на компромисс, если их сначала поставят в безвыходное положение.

Другое дело, что не прошло и недели, а Рыдник уже предложил новый компромисс: небольшой пост для уходящего на пенсию полковника ФСБ. Одолжение, в котором Руслан не сможет Рыднику отказать.

А за вторым компромиссом последует третий. И четвертый. И пятый.

И в тот момент, когда Руслан опомнится, что вместо компромисса он загнан в угол, рыпаться будет уже поздно. Человек, который десять раз говорит «да», не отвечает в одиннадцатый «нет». Такова логика государственного процесса. Десять лет назад Руслану повезло потому, что он был чеченцем. Теперь это смертельный изъян.

Официантка составила грязные тарелки на поднос, специальной щеточкой смахнула крошки со скатерти, ослепительно улыбнулась обедающим и упорхнула.

– Так вот, о Курченко, – начал Рыдник.

– А что это за взрыв в магазине? – внезапно перебил Руслан.

– Какой взрыв?

– В супермаркете «Марина». Ну, там где взорвался этот шкафчик. Мне не нравится, как он взорвался. Что, кому-то угрожали? Я бы знал, кому угрожали. Никто этот магазин не делил. Тогда чего он взорвался? Чтобы нас опять везде полоскали?

– Брось, Руслан. Никто тебя не тронет.

Руслан помолчал.

– Ко мне Висхан приходил. Сказал, что деньги мусора отобрали. Сказал, что регистрацию получил. Как он ее получил, если у него деньги отобрали?

– Забудь о Висхане.

– У нас один прадед.

Рыдник пожал плечами и взялся за чашечку с черным кофе:

– Все мы произошли от Адама.

– Послушай, Савелий, ты думаешь, ты этим чего-нибудь добьешься?

– В каком смысле?

– Их мало, что ли, таких историй? Вон, в прошлом году в Москве. Пришли менты с обыском к трем чеченцам, принесли с собой чемодан с фугасом. Сняли отпечатки пальцев с телевизора, при экспертизе подменили их и сказали, что сняли с фугаса. Судья дала братьям десять месяцев, которые они уже отсидели. Десять месяцев за теракт. Все смеялись.

– Это ты к чему?

– Отпусти Висхана.

Савелий Рыдник откинулся на стуле и составил пальцы домиком:

– Так Курченко-то пристроишь?

– Пусть подходит. Я на него посмотрю. Посмотрю, что с Висханом будет...

Рыдник рассмеялся и, поднимаясь, дружески хлопнул Руслана по плечу:

– Руслан, не волнуйся. Все будет в елочку. Тебя это не коснется.

* * *

Рыдник давно ушел, а Руслан Касаев все сидел и сидел в кабинете, нервно куря одну сигарету за другой и стряхивая пепел прямо на скатерть.

В зеркале отражалось его лицо, белое, выбритое всего два часа назад и уже покрытое мелкой черной щетинкой, росшей со скоростью бамбука. Почему, черт возьми, Халид так рано поседел? Его не отличишь от русского.

У Руслана был приятель, мент, азербайджанец. Когда он бы в гражданском, его задерживали каждые полчаса. Потом козыряли, извинялись: «Простите, товарищ полковник». Азер-

байджанец относился к этому с юмором и говорил: «Поверишь ли, когда утром в зеркало гляжу, самому у себя документы спросить хочется».

У Руслана никогда не спрашивали документы, потому что он никогда не ходил по улице пешком. У него вместо документа был черный «лексус» и автоматчики в машине сопровождения. Ни один бизнес не был оформлен на Руслана, и даже любую акцию казино официально – до прошлой недели – представлял русоволосый Ромка Вишняков.

Все было бы проще, если бы он чувствовал себя уроженцем Ичкерии. Но первый раз после окончания института Руслан приехал в родное село в 1988 году. Он только что защитил диссертацию по физике высоких энергий, и в доме их собрались родные и гости отпраздновать это радостное событие.

За столом сидели, разумеется, без женщин – женщины хлопотали на кухне и готовили еду. Подавать еду на стол должен был самый младший в семье мужчина. Таковым и оказался виновник торжества – Руслан.

Прошло шестнадцать лет, но Руслан до сих пор помнил запах объедков на тарелках, которые он уносил во двор.

Все было бы проще, если бы он чувствовал себя правоверным. Все основания для этого были: он был выходцем из старого уважаемого рода, следовавшего суфийскому тарикату нахшбандия, тарикату, к которому когда-то принадлежал великий имам Шамиль. Однако в глубине души бывший физик был не меньшим атеистом, чем красные комиссары, и ислам был для него не больше чем кучей выцветших ленточек на могилах шейхов и подписями на платежках в пользу попрошаек из Духовного Управления.

Руслан сидел у окна и глядел на улицу, как рыба глядит через стекло аквариума. Там было еще светло: по расчерченной белыми полосами мостовой торопились люди, мигал, подгоняя их, светофор на перекрестке, и два мощных джипа с охраной перекрывали – один – вход в ресторан, другой – затемненное окно, у которого сидел Руслан.

Чуть поодаль стояла белая «мазда», которая открыто ездила за ним вторую неделю. «Наружку», скорее всего, пустили по просьбе прокуратуры, но Руслан не стал жаловаться на нее Рыднику. Зачем? Рыдник наверняка пообещает разобраться и наверняка не разберется. Потому что чем больше прокурор притесняет Руслана, тем больше пользы из этого извлечет Рыдник. Если бы Андриенко не оскорбил на его глазах жену Рыдника, Руслан вообще был бы уверен, что прокурор и Рыдник сговорились его развести. Сам он, Руслан, действовал бы именно так.

Но прокурор глупый человек и действует самостоятельно. И Рыдник – неумный человек. Он разводит Руслана по той же схеме, по которой они вместе развели с десятков лохов, – и что, он думает, чеченец не сообразит, чем кончится дело?

При виде джипов и сидящих в них чеченцев люди нагибали голову и бежали быстрее, и две девушки, не дойдя до машин, вдруг свернули и перебежали на ту сторону улицы. Третья девушка, бывшая с ними, внезапно остановилась и стала вглядываться в номер.

Девушка была тоненькая и длинноногая, и даже копытца разношенных кроссовок, выглядывавшие из-под серых брюк, не скрадывали изящной ее фигурки. Белая кофточка с высоким воротом обтягивала полную молодую грудь, пышный хвост золотистых волос был затянут китайской резинкой. Девушка повернула голову, и Руслан увидел безупречно белую кожу золотоволосой блондинки, зеленоватый малахит глаз под бровями, изогнутыми наподобие ласточкина хвоста, и изящно вылепленные линии подбородка и носа.

И самое удивительное, что это лицо было Руслану хорошо знакомо. Просто когда он в первый раз его увидел, оно было заплаканным и грязным; на скуле вздувался синяк, и волосы торчали из-под дождевика желтыми крысячьими хвостиками.

Это была та самая челночница, которая убивалась за бабушку две недели назад. Руслан даже не спросил тогда ее имени. Девушка стояла в метре от Руслана, и Руслану казалось, что

она смотрит ему в глаза. Этого не могло быть: стекла были тонированными и пуленепробиваемыми, и Руслан понял, что она смотрит на отражение его машин.

Дверца джипа открылась, и из нее прыгнул чеченец в камуфляже. Девушка мгновенно вздрогнула, тряхнула золотистой челкой и побежала прочь.

Руслан бросил сигарету и выскочил из кабинета, приглушенно выругавшись из-за боли в ноге.

Девушка уже заворачивала за угол, когда Руслан, прихрамывая, выбежал на улицу. Джипы взяли с места на красный, распугав машины и пешеходов, но когда они свернули в переулок, девушки уже не было. Руслан замер, озадаченный, потому что она не могла так быстро уйти, а потом увидел ее товарок, поднимающихся по ступеням небольшого зоомагазинчика.

Руслан вышел из машины и пошел вслед за ними. В тесном помещении пахло кормом и пометом. Над прилавками с кошачьей едой висела клетка, и в ней сидели два печальных волнистых попугайчика с расклеванными перьями.

Девушка стояла спиной к прилавку и щебетала с подружками.

– Как бабушка? – негромко спросил Руслан.

Девушка обернулась, и краска сбежала с ее лица. Зеленые глаза стали испуганными и совершенно бездонными.

– Спасибо. У нее все просто... просто замечательно.

– А что не звонишь? Спасибо не скажешь?

Глаза девушки заметались, как хомячок в клетке.

Стукнула дверь, и в магазинчик вошел молодой шатен с вихляющей походкой и чуть поросычьим выражением лица.

– Мила! Мы едем или нет?

Девушка покраснела. Шатен скосил подозрительный глаз на Руслана.

– Мне вон того попугайчика, – сказал Руслан.

Когда он выходил, Руслан заметил, что шатен приехал в казенной «тойоте» с синими милицейскими номерами.

* * *

Вернувшись на службу, Савелий Рыдник набрал внутренний номер Якушева:

– Сережа? Зайди.

Когда Якушев заглянул в кабинет Рыдника, генерал полулежал, закинув ноги на тумбочку. В руках его был план оперативной игры, представленный Якушевым еще две недели назад.

– Как успехи? – спросил Рыдник.

– После того как в рамках наружного наблюдения были получены данные о причастности Висхана Талатова к взрыву в супермаркете «Марина», – отрапортовал Якушев, – мне удалось войти в доверие к объекту. В материалах дела зафиксировано, что Висхан Талатов не раз выражал возмущение действиями наших войск в Чечне и молился по пять раз в день.

Рыдник поморщился.

– Ну, а кроме этого?

– Есть данные, что объект попытается приобрести партию взрывчатки.

Рыдник помолчал.

– Ребята просто горят на работе, – сказал Сергей. – Шутка ли. Такую птицу накрыли.

– Какую птицу? – спросил Рыдник тоном, не предвещавшим ничего хорошего. – Что в этой птице такого? Что он мусульманин? А кто он, по-твоему, должен быть? Буддист?

Сергей растерянно моргал.

– Ты дело провалил, ты это понимаешь? Их что, ловят мало? Ты газеты почитай. Там закладку возьмут, там сарай с тротилом. Вон, каждый день: заходят менты в квартиру, берут там взрывчатку, рапортуют, что предотвращен теракт. Вопрос – почему, вопреки всем оперативным правилам, не подождали хозяев квартиры? Прочему закладку изъяли, а людей не взяли? И всем сразу ясно, что это фуфло...

– Но мы-то человека берем!

Рыдник, уже не сдерживаясь, заорал:

– Ну и что? Вон, в прошлом году в Москве тоже троих взяли. Вошли менты с чемоданом в квартиру, в чемодане фугас был. Сняли пальцы с телевизора, сказали, что пальцы были на чемодане. Ну и дали этим троим десять месяцев условно...

– У нас не чемодан...

Рыдник взял Сергея за воротник.

– А теперь послушай меня внимательно. Это не моя установка. Это установка с самого верха. Страна терпит на Кавказе унижение за унижением. В стране взрывается кафе за метро, метро за кафе. Падает престиж органов. Падает престиж власти. Нам надо поднять дух россиян. Надо показать: мы по-прежнему стоим на страже законности и правопорядка. Мы можем предотвращать теракты. Страшные теракты, чудовищные замыслы, не уступающие одиннадцатому сентябрю. Американцы не могут, а мы можем! Понятно?

– Понятно, – сказал Сергей.

– А теперь скажи мне: двести грамм тротила в супермаркете – это страшный теракт? А? Якушев глядел в пол перед собой.

– Двести грамм – это зачем? Чтобы над нами смеялись в Москве? Чтобы какие-нибудь дерьмократы над нами издевались? Ты чем был занят последнюю неделю? Землей в Беспаднице торговал? Да?

Якушев покраснел.

– Так вот, землей ты можешь торговать в свободное от работы время. А ответственные задания, которые тебе поручила родина, надо выполнять двадцать четыре часа в сутки. Все понял?

Якушев кивнул.

– Иди и подумай. Завтра принесешь мне... – Рыдник секунду поколебался, а потом пристально глянул на Якушева, – новые оперативные данные о планах Висхана Талатова.

* * *

Запасы оружия на Дальнем Востоке, созданные на случай китайской агрессии, в несколько раз превышают запасы оружия в европейской части России, а артиллерийские и инженерные склады тянутся порой на несколько километров.

Артсклады 136-й мотострелковой дивизии не были исключением. Оружие и боеприпасы лежали в двадцати ангарах, расположенных на площади в тридцать три гектара. Территория склада была обнесена двумя рядами колючей проволоки с неработающей сигнализацией, а по четырем углам стояли четыре вышки. В некоторых местах лес подступил к проволоке так близко, что часовой с вышки не видел ничего, кроме густой зеленой поросли.

Охрану тридцати трех гектар несли восемь часовых, сменявшихся каждые два часа. Четверо стояли на вышках, а еще четверо обходили территорию.

Четырнадцатого сентября в крае снова объявили тайфунное предупреждение. Ураган налетел к вечеру, ломая деревья и обрушивая на землю мегатонны дождя.

Начальник караула, молоденький лейтенант Видов, разбудил новую смену в два часа ночи. Вместо обхода территории часовые забились в караулку и пили водку. В четыре к ним присоединились их сменщики.

Только в десять утра, после того, как тайфун эмигрировал в Корею, часовые обнаружили факт проникновения на склад. На участке периметра, проходящем в десяти метрах от заброшенной бетонки, проволока была перекушена ножницами, и глинистая размокшая земля была утоптана в тесто. Висячий замок на одном из складов был перекушен, сургучная печать – сорвана.

Главная трудность была в том, чтобы понять, что именно похищено. С 1968 года, когда в/ч 18417 впервые расположилась на этом месте, часть трижды передавали из армии в армию. Некоторые боеприпасы были вывезены новыми хозяевами без документов, некоторые без документов приехали, и еще большее количество бумаг пропало неведомо куда. Было не только не ясно, какое именно оружие забрали злоумышленники, – было непонятно, приходили ли они за оружием или же, допустим, за китайской тушенкой, крупная партия которой хранилась тут же за отдельным забором.

В конце концов написали, что была нарушена целостность печатей, но расследование не выявило факта проникновения на склад. Часовым за халатность дали пять суток ареста. Начальнику караула, лейтенанту Видову, – кстати, двоюродному брату жены подполковника Усольцева – вкатили строгий выговор.

Выговор вряд ли сильно огорчил лейтенанта: через три дня после печального происшествия на складе Видов наконец купил себе старенькую «Мазду».

* * *

Утром семнадцатого сентября море совершенно успокоилось и лежало ровным синим полукругом, выбросив на берег взлохмаченные штормом кудри водорослей. В загородном поместье Кости Покемона царило оживление: с моря к пирсу пристал белый катер с синей полосой, а в гостеприимно распахнутые ворота въехала потрепанная «Хонда».

Вскоре приехал и еще один гость: подполковник Усольцев. Это было не самое умное, что он мог сделать. Но Усольцев боялся, что, когда китайцы будут передавать деньги за товар, Костя возьмет себе больше оговоренной доли.

Теперь Халид, Усольцев и Костя Покемон пили кока-колу за пластмассовым столиком на веранде, и Халид, прищурясь, глядел туда, где золотая дорожка, плясавшая на волнах, была как веревочная лестница, по которой можно было забраться к солнцу. Если и было что на свете, что Халид любил кроме гор, так это было море. Кесарев заразил его морем, а покойник Гоша Баркас даже научил его нырять, хотя и шутил все время, что чеченец с аквалангом – такая же редкость, как негр на горных лыжах.

Было странно помнить, что когда-то у него был друг по имени Гоша и что он был русский.

Подручные Кости, шаря по складу, были не трезвей часовых. Они раздобыли семьдесят АК-74, столько, сколько просил заказчик. Однако Саша Колокольников просил автоматы, на которых можно было установить оптический прицел, а таковых, со специально выполненным заводским приливом, обнаружилось только десять. Вместо гранат для подствольника пацаны в спешке прихватили несколько ящиков боеприпасов для тридцатимиллиметрового станкового АГС. Сам АГС остался на складе.

– Ты говоришь, у него китайцы убили брата? – спросил начальник артслужбы 136-й дивизии, глядя вниз, на плосколицего человека, знаками объясняющегося с грузчиками.

– Я говорил?

– Да брось ты, раньше надо было меньшеваться. Ты же сам сказал, что он уйгур. И что китайцы расстреляли его семью.

Саша Колокольников помолчал, а потом ответил совершенную правду:

– Вообще-то его брата не расстреляли. Его нашли раненым и с оружием в руках. У него был перебит позвоночник. Ну, эти ребята поняли, что он не выживет, и привязали его к двум БМП. Потом БМП поехали в разные стороны.

– Звери эти китайцы, – сказал с чувством начальник артслужбы, – восточные люди. Разве бы русские такое сделали?

Халид помолчал, потом нехотя ответил:

– Там было много крови. А кровь хуже водки. Кто ее пробует, тот звереет.

Один из ребят, вышедших из ангара, направился к Косте и прошептал ему что-то на ухо. Халид напрягся.

– Что такое? – спросил он.

Костя Покемон пожал плечами.

– Пошли посмотрим. Ребята там чего-то лишнее взяли... «Стрелу», что ли...

В ангаре, друг рядом с другом, лежали четыре длинных деревянных ящика. Вечером пацаны Кости Покемона прихватили их со склада, полагая, что это ПЗРК.

Ящики были длиннее человека, и оказалась в них не полутораметровая «Стрела», а какая-то установка, – здоровущая направляющая в два с половиной метра длиной, и отдельно сошки. Снаряды к установке, двадцатидвухмиллиметровые НУРСы, тоже были разобраны на две части, но даже разобранная, каждая часть весила больше двадцати килограмм.

– Это что за ерш? – изумился Костя Покемон.

– «Град-П», – сказал Усольцев.

– Это че?

– Переносная установка «Град», – отозвался Халид. – Она вообще-то никогда не состояла на вооружении советской армии. Ее сделали для вьетнамских товарищей. Очень надежная штука. Можно ее закопать на рисовом поле, откопать и через две минуты стрелять.

– Возьмешь?

Халид пожал плечами.

– Мне-то зачем? Это вон ему решать.

Халид ткнул куда-то в направлении пирса.

Установка и в самом деле не была ему нужна. Никто из его людей не был привычен с ней обращаться, а эффект от взрыва термобарического заряда одноразового «Шмеля» не уступал эффекту от взрыва двадцатидвухмиллиметрового НУРСа. Конечно, «Шмель» бил максимум на шестьсот метров, а «Град-П» – на десять километров. Но это была совершенно излишняя роскошь: Халид не планировал в ходе операции поражать цели, отстоящие от завода дальше, чем на пятьсот метров. Да и запустить «градовскую» ракету, если так уж нужно, можно было хоть со скрещенных штакетин, хорошенько дав по задку молотком. Правда, точность попадания при этом оставляла желать лучшего.

– Так спроси.

Халид, склонив голову, смотрел туда, где белые облака сливались с белым горизонтом и где у кромки неба начинался незащищенный и мягкий, как брюшко котенка, город. Он внезапно сообразил, что «Град» ему может очень и очень пригодиться.

Халид вернулся к столу через три минуты.

– Он говорит, что согласен их взять. По пятьсот долларов, как за «Муху». Если вы доставите ему «Шмели», он заплатит по тысяче долларов, а за многозарядные гранатометы – по семьсот.

* * *

Через час после того, как все разъехались, один из костиных пацанов, по фамилии Бочев, а по прозвищу Бочонок, зашмыгнул в сарай и, убедившись, что его никто не слышит, заелозил пальцами по сотовому:

– Николай Игнатьевич? Это Иван. Надо встретиться.

Николай Игнатьевич, которому звонил Бочонок, возглавлял особый отдел 136-й дивизии.

* * *

Старший оперуполномоченный ФСБ Николай Морозов встретился со своим агентом по кличке Бочонок в небольшой припортовой забегаловке.

– Вчера Костя очень хорошо заработал, – сказал Бочонок.

– На чем?

– Автоматы – штук восемьдесят. Десять «мух». Гранаты. И еще какая-то длинная штука, вроде ПТУРа.

– Кто покупатель?

– Китайцы.

– И как я этих китайцев возьму?

– У них посредник есть. Саня. Он сейчас монтирует электронику на Кесаревском НПЗ. А китайцы ему ее поставляют.

Глава четвертая, в которой начальник особого отдела 136- й дивизии берет с личным банду торговцев оружием, а Руслан Касаев проявляет заботу о ветеранах Великой Отечественной войны

Вечером в конце сентября Руслан ужинал в казино со своей новой девушкой. Девушку добыл новый менеджер по связям с общественностью, по совместительству возглавлявший модельное агентство «Мэй», что в переводе с китайского означало «цветы сливы» и намекало на название классического порнографического романа времен династии Цинь.

В девушке не было, впрочем, ничего китайского, и она была очень хороша в коротеньком черном платье, открывавшем великолепную грудь и ноги, которые росли от улыбки. Она удивительно напоминала Руслану резиновую куклу.

Руслан сделал круг почета по казино, держа девушку за обнаженную талию, и когда они наконец сели поужинать, к ним приклеился вице-губернатор Бородовиченко. Вице-губернатор делал вид, что страшно занят разговором с Русланом и все время косился на колечко в пупке его спутницы. В конце концов он не выдержал и осведомился о том, как зовут девушку.

– Не помню, – сказал Руслан, – а она что тебе, нравится?

Вице-губернатор выразительно причмокнул губами.

– Нравится, так бери.

– Что? – растерянно спросила девушка.

– Что слышала. Иди с ним. Встала и пошла.

Улыбка сползла с лица девушки, как плохо приклеенный стикер. Она, собственно, не была проституткой. Быть может, она бы и поспорила с русским, но с человеком по фамилии Касаев ей спорить не хотелось.

Девушка и Бородовиченко уже ушли куда-то на второй этаж, а Руслан все сидел, прихлебывая «Шато Марго» урожая девяносто третьего года и глядя перед собой.

Потом отодвинул бокал и приказал подать машины.

* * *

Было уже десять вечера, когда джипы Руслана остановились во дворе выстроенной «покоем» двенадцатиэтажки. Мила жила недалеко от центра, но на редкость неудачно, в безобразном районе панельных новостроек, вздымавшихся на восток от старой резиденции секретарей крайкома.

Вырванный с мясом кодовый замок болтался на одном гвозде, стены в подъезде были исчерчены рокерской каббалистикой, и челюсти грузового лифта сомкнулись за ним, как крышка гроба.

Руслан не видел такой бедности давно, даже три года назад, когда приезжал в Чечню. Там, у родных, был красный забор итальянского кирпича, и трехэтажный особняк за пятиметровым забором, и двоюродный брат вышел к нему в мягкой кожаной куртке от Валентино и породистых джинсах, купленных в соседнем Хасавюрте, куда богатые нохчи приезжали за фирменными шмотками.

Руслан трижды обругал себя, пока лифт со скрипом ехал до одиннадцатого этажа. Он отвык от этой грязи: от закопченных чайников, ржавых кастрюль и подтекающих бачков ком-

мунальных квартир. Сейчас он доедет наверх, и дверь ему откроет Мила в халатике, а из-за плеча у нее будет выглядывать румяный мент.

Чем она ему приглянулась? В модельном агентстве «Мэй» двадцать таких, только мытых. Дверь Милы была обита линиялым дерматином.

Уже нажимая на звонок, Руслан запоздало вспомнил, что не купил цветов или чего там полагается у русских. За дверью послышался звонкий лай, и она отворилась.

На пороге стояла Мила, в домашних джинсах и кофточке с зеленоватыми цветочками, совершенно того же цвета, что и ее огромные глаза. Руки ее были в чем-то мокром, и с кухни доносилось скворчание жарящейся рыбы. Мила стояла и молча смотрела на высокого холеного чеченца, и в глазах ее не было радости – один напряженный испуг. Руслан не привык, что девушки смотрят на него так. Они всегда смотрели на него с вождением кошки, созерцающей печенку в руках хозяина.

– Что ж ты без спросу открываешь? – спросил Руслан. – Смотреть надо.

– Кто там? – раздался дребезжащий голос откуда-то из утробы квартиры.

Руслан шагнул внутрь. Крошечная прихожая кончалась шестиметровой кухней, а из единственной комнаты тянуло лекарствами и хворью. В глубине ее, на высоко взбитых подушках, лежала худенькая старушка с редкими волосами на бледной луковке лба.

– Это вы, Коленька? – сказала старушка.

– Нет, – ответил Руслан.

– Коленька, подайте мне воды. И там лекарство.

Руслан понял, что она не слышит, и осторожно подал ей воду. Лекарство было сильнодействующим снотворным.

– Коленька, вы присядьте, – сказала старушка.

Чеченец сел, и тут глаза его упали на фотографию в рамке под стеклом. Фотография была вырезана из газеты и была необыкновенно старой, не просто желтой, а пергаментно-прозрачной. На фотографии было три смеющихся женщины в летних шляпах и подпись: «На счету отважной летчицы Людмилы Голиковой – восемь фашистских „юнкеров“».

– Коленька, – сказала старушка, у меня к вам дело. Вы знаете, вы должны проверить соседей за стенкой.

– Соседей?

– Да, я думаю, они хотят меня отравить. Они каждый день за стенкой возятся. И телефон все время звонит, так дзинь, дзинь, слышите?

Телефон не звонил.

– Вы должны проверить, – сказала старушка, – или написать в особый отдел. Там разберутся.

Руслан сидел на кровати еще несколько минут, пока старушка не закрыла глаза и не задышала во сне. Руслан осторожно поднялся и прошел в кухню.

Рыба пузырилась и шипела на сковородке. У нее был едва уловимый горклый запах. Не то чтобы она была тухлой, просто несвежей. Руслан сообразил, что это тот самый минтай-конфискат, который один из советников губернатора изъясил с помощью пограничников у Аркаши Наумова. Когда выяснилось, что японцы не хотят покупать несвежее, губернатор раздал рыбу народу. Мила расставляла на столе чистые тарелки.

– Вы извините, – сказала Мила, – я не сказала ей, кто дал денег на операцию. Я сказала, что ветеранам операция полагается бесплатно. Она все равно... она не очень хорошо понимает...

– Я заметил. Она ветеран?

– Она Герой Советского Союза. Она... о ней есть фильм, документальный.

– У меня дед тоже воевал, – сказал Руслан, – он был в Брестской крепости. Там было трое чеченцев, так получилось. Он резал немцев, а потом ушел к партизанам. Был командиром отряда.

– Его наградили?

– Его вывезли на Большую Землю и сослали в Казахстан.

– Он жив?

– Да.

Руслан поколебался и добавил:

– Он очень уважаемый человек. Он живет в большом доме. У него семь внуков и одиннадцать правнуков, три отары овец, двадцать коров и огромный сад, за которым ухаживают два русских раба.

Мила отвернулась к плите и выключила шипящую сковородку.

– Вы ужинать будете?

– Конечно. Сейчас мы спустимся вниз, поедем в «Коралл» и поужинаем.

Мила замотала головой.

– Нет-нет, я не могу ее оставить. Она проснется.

– Я пришлю сиделку.

– Что вы! Она ведь...

Мила замолчала. Запах несвежей рыбы внезапно куда-то исчез, вместе с облезлой квартирой, серыми обоями и разводами грибка на стенах. Остался лишь запах женщины. В мире было только двое, он и она, и зеленая кофточка на Миле была как клетка, за которой билось пойманное тело, и желание сделалось таким нестерпимо жарким, что Руслан в первый момент не услышал слов девушки, – кажется, она говорила, что очень устала и они могли бы погулять.

– Конечно, – услышал Руслан свой ответ.

Когда они спустились вниз, Руслан с неудовольствием заметил у въезда во двор белую «Мазду» наружки. Охранники следовали за ним по пятам, и Мила испуганно на них оглядывалась.

– Потеряйтесь, – тихо сказал Руслан охране.

– Но...

– Ждите меня на той стороне набережной.

Руслан не ходил по городу лет шесть. И город, встававший по обе стороны тротуара, оказался совсем другой, нежели город по обе стороны машины.

Пахло морем и ночью. Во дворе у песочницы облетали желтые клены, и над аркой далеко впереди сияла похожая на серебряный каблук высотная корейская гостиница.

Двор выходил прямо в огромный, заросший платанами и кленами сад, неправдоподобно зеленый от близости моря. Так уж получилось, что в тридцатые годы именно здесь, в центре города, на встающей при море сопке была выстроена резиденция местного секретаря крайкома. Краевые владыки жили тут до начала девяностых, когда в разгар демократии новый губернатор, предшественник Озерова, громко заявил, что совесть не позволяет ему проживать на тридцати гектарах реликтового парка в центре города.

Землю передали мэрии; в стиснутом горами, задыхающемся от смога Кесарева она могла бы принести миллионы застройщику. Руслан лично знал двух людей, которые купили тридцать гектаров Ахчанайской сопки. Оба купили слишком дешево и поэтому лежали в могиле.

А Ахчанайский парк, вместо того чтобы покрыться элитными высотками, увенчанными шляпками пентхаусов, по-прежнему вставал за проломленными решетками, как заколдованный лес.

Фонарей нигде не было: над деревьями сияла яркая луна, и раскрошившийся асфальт дорожки был устлан красными и желтыми листьями. Они шли куда-то к морю. Руслан взял руку девушки в свою, и жилки в ее пальцах забились, как родник подо льдом.

– А где родители? – спросил Руслан.

– Они погибли. Еще давно. Мама разбилась, когда мне было пять лет. Она была летчик-инструктор. А отец погиб в Ливане.

– А что это за мент тебя встречал? Николай? – спросил Руслан.

– Мы просто... со школы дружим. Он в соседнем подъезде живет.

– Если дружите, что же он тебе не помог?

– Я... я ему дозвониться не могла. Он на задании был.

За поворотом дорожки внезапно открылось белое двухэтажное здание с пустыми глазницами окон и огромная гранитная лестница, спускавшаяся к морю. Под деревьями мелькнула какая-то тень, и Руслан с неудовольствием понял, что охрана нарушила его приказ и потащилась следом.

Они шли по лестнице. Куски штукатурки лежали на ступеньках, как ошипанные перья ангелов.

– Здесь очень красиво, – сказала Мила, – центр города, а совсем как в лесу. Я здесь по утрам плаваю.

– А на Тыкче ты была?

Остров Тыкча был любимым местом отдыха тех жителей Кесарева, у которых были собственные яхты и акваланги. Таких было немного, и остров был очень красив: красные скалы, поросшие густой от влаги зеленью, и белые с фиолетовым морские звезды в зеленой толщине воды.

– Нет, – сказала Мила.

– Поехали завтра на Тыкчу.

Мила испуганно вздрогнула.

– Нет-нет. Я не могу оставить бабушку.

– Тебе с ней нелегко.

Мила поглядела на чеченца, сжала губы и сказала:

– Вы сделали для своего деда все, что можете, и я сделаю для бабушки все, что смогу.

Руслан оглянулся. Полуразрушенная резиденция цеховских начальников нависала над лестницей, как маленький античный храм, и на его фоне мелькнули два человека в джинсах и куртках. Руслан внезапно сообразил, что это не охрана. Это – наружка.

В голове зазвенел предупредительный звоночек, словно кто-то задел сигнальный кабель на дальнем рубеже опасности. Руслан сунул руку за телефоном, – он не хотел целоваться с Милой на глазах своих охранников, но коли уж за ним потащились «семерочники»... Резко передумал и дернул плечами.

– У вас тоже сложности. Это из-за обыска?

– У меня все отлично, – сказал Руслан.

Левая рука его легла на талию девушки, она вздрогнула и попыталась отстраниться. И в эту секунду из боковой дорожки, – одной из тех засыпанных галькой и проросших травой тропок, которые шли параллельно берегу, пересекая лестницу в отлогих местах, показалась толпа. Их было десятка два, не меньше: молодые голоса, пьяный хохот и блеск открытой бутылки в лунной ночи.

Пальцы Руслана сжались на талии Милы. Правая рука нырнула туда, где под замшевой подкладкой оттягивал куртку полукилограммовый «глок», тот самый, из которого Руслан целился в лоб прокурора Андриенко.

В легком пластмассовом пистолете было семнадцать патронов, а в толпе было двадцать человек. Впрочем, Руслан не сомневался, что русские собаки разбегутся, когда он начнет стрелять. Проблема была в другом.

«Наружка» в партере крайкомовской резиденции. Двое ментов, которым отлично видны и мужчина с девушкой, застывшие посередине облитой луной лестницы, и поднимающаяся

к ним толпа. Прокурор Андриенко все-таки получит сдачу со своих обмаранных от страха штанов.

Руслан ступил вбок, увлекая Милу за собой, к высокой каменной вазе, оплетенной выюнками и лианами.

– Что такое? – испуганно спросила девушка.

Руслан молчал.

Толпа была уже совсем рядом. Впереди шел вожак – лет двадцати, с веснушчатым носом и пшеничными волосами. Вожак засмеялся, указывая спутникам на парочку, стоявшую в тени вазы.

Руслан отчетливо видел черные вытертые нашлепки на джинсах вожака. Первая пуля – в воздух. Вторая – в колено. Третья – в сердце.

А еще в следующую секунду толпа раздалась, обтекая Руслана и его спутницу. Кто-то крикнул, не агрессивно, а весело, кто-то расхохотался, и внезапно в расступившейся толпе Руслан увидел девушку в расшитом бисером белом подвенечном платье и подхватившего ее под руку паренька с красной гвоздикой в петлице взятого напрокат пиджака.

– Эй, ребята, айда с нами! – крикнул кто-то.

Сухо треснула ракетница, и в ночном море отразились красные и зеленые искры.

– Свадьба гуляет, – сказала Мила.

Руслан вынул руку из кармана. По позвоночнику холодными каплями стекал пот. «Совсем нервы ни к черту стали», – подумал чеченец.

– Счастливая примета, – сказала Мила.

Над морем снова треснуло, и старый особняк властителей края осветился белым и желтым.

* * *

Следующая партия оружия, закупленная Халидом Хасаевым, состояла почти исключительно из мин и была обязана появлением на свет учениям по инженерно-тактической подготовке, проведенным в 136-й дивизии.

Так получилось, что количество мин, использованных в ходе учений, было меньше количества мин, подорванных согласно акту, подписанному начальником артслужбы дивизии подполковником Усолицевым и еще двумя офицерами. Разница ушла в море на белом катере с синей полосой на боку.

На следующий день после того, как катер отчалил от пирса, агент по кличке Бочонок передал Николаю Морозову оперативные кадры погрузки.

* * *

Работы по оборудованию Кесаревского НПЗ комплексной системой безопасности продвигались необычайно быстро. В начале сентября Саша Колокольников только подписал договор, а уже через два дня он с начальником службы безопасности принес на утверждение генеральному директору развернутый план работ и образцы техники, уточнить – устраивает ли директора качество.

Камера передавала два кадра в секунду, и качество изображения было весьма посредственным. Зато цифровой формат позволял чрезвычайно быстро просматривать архив. Один компьютер мог обрабатывать изображение с шестнадцати камер. Большее количество камер требовало либо большего количества компьютеров, либо большей их мощности.

Камеры автоматически включались при наличии движения. Если картинка была статической, камеры не работали.

Буквально через три дня после того, как две камеры были установлены на нефтеналивной эстакаде, зам главного инженера обратил внимание на исчезновение двух поставленных в ремонт цистерн. Обе цистерны были вдвое больше стандартных, по сто двадцать тонн каждая. Обе исчезли ночью.

Просмотрели записи, и тут же отловили обе цистерны в составе «вертушки» и опознали тех, кто их ночью цеплял. Злоумышленники быстро раскололись: цепочка тянулась вверх по железной дороге до начальника ночной смены и мелкого бандита Вани Бонсая.

Даже американец-директор, крайне скептически относившийся к принятым мерам безопасности и полагавший, что система наблюдения должна быть нацелена скорее на повышение эффективности работы, чем на предотвращение воровства, был вынужден признать, что в них есть толк. Двести сорок тонн бензина плюс две цистерны – это, знаете ли, наглость.

Ребята в синих аккуратных спецовках с желтой надписью «Вартан» замелькали на заводе повсюду: ведь камеры монтировались не только по периметру завода, но и на многих важных объектах.

Единственным неудобством были траншеи. Сорок процентов стоимости всей системы приходилось на кабельное обеспечение. К каждой камере подходило два кабеля, один питающий и другой телекоммуникационный. Собранные в пучки провода шли до центрального пульта по эстакаде, которая время от времени ныряла под землю, туда, где было проще протянуть под магистралью тонкую закладную трубу, нежели уходить вправо или влево.

В отличие от металлургического завода, который уходит под землю, как айсберг, завод нефтеперерабатывающий залегает совсем неглубоко. Он растет вверх, а не вниз. Под землей находятся только фундаменты установок да кабельные каналы – подземные тоннели высотой в полтора-два метра, со смотровыми колодцами, расположенными через каждые двести метров, и распытыми вдоль стен толстыми силовыми кабелями, снабжающими установки.

Эти-то силовые кабели и умудрились дважды перерубить нанятые фирмой солдаты. Второй раз дело чуть не кончилось серьезной аварией, и только после этого, разоравшись в кабинете гендиректора, Саша Колокольников смог наконец получить в свое распоряжение полную схему всех подземных коммуникаций Кесаревского НПЗ.

* * *

Оперуполномоченный Якушев и Висхан встретились через несколько дней после учиненного Рыдником разноса в маленькой китайской пивнушке, переполненной челноками, рыбками и мухами. Якушев, по привычке, сел к стене, цепко обегая глазами все пространство пивнушки, Висхан, в джинсах и плотной ветровке, оказался напротив.

– Я думал, что взрыв будет мощнее, – сказал Сергей, когда ему принесли высокую кружку запотевшего пива.

– Я использовал только половину взрывчатки, – отозвался Висхан.

– А где другая?

Висхан в ответ молча распахнул ветровку. Кружка чуть не выпала из рук чекиста. Грудь сидящего перед ним чеченца была опоясана широкой черной лентой, такой толстой, что было сразу понятно – взрывчатка в поясе нашпигована стальной мелочью. Два проводка выползали откуда-то из-под рукава и соединялись в небольшой коробочке, которую Висхан держал в руке. Сергей стал приподыматься.

– Сидеть, майор, – негромко сказал Висхан, и Сергей послушно сел.

– Как тебя зовут на самом деле? – продолжал чеченец.

– Ты чего, парень, ты...

– Не дергайся, майор, или нас с тобой похоронят в одном полиэтиленовом пакете. А я так лично не хочу лежать в одном пакете с неверным. И послушай, что я тебе скажу. Я приехал

сюда не затем, чтобы выполнять дурацкие поручения твоей конторы. Меня послали серьезные люди на серьезное дело.

За спиной Висхана неслышно возникла девочка-официантка. Чеченец застегнул ветровку.

– Расплатись, – сказал он.

Сергей негнушима пальцами отсчитал двести рублей.

– Так как тебя зовут?

– Сергей.

– А начальника?

– Савелий Михайлович Рыдник.

Чеченец поднялся.

– Очень хорошо, – сказал он, – мы едем вместе. К Савелию Михайловичу. Я хочу с ним поговорить. Если договоримся, я сдам вам всю нашу группу.

* * *

Было уже одиннадцать часов вечера, но в служебном кабинете генерала Рыдника горел свет. Там, под портретом Дзержинского, сидели трое: бледный, еще не отошедший от пережитого ужаса майор Якушев, спокойный чеченец и натянуто улыбающийся генерал. Разговор продолжался уже час; на каком-то его этапе Рыдник убедил Висхана снять с себя взрывчатку. Батарейки и детонатор тот отдал в самом начале разговора.

– Мое задание, – повторил Висхан, – было устроиться на Кесаревский НПЗ. Желательно – водителем или охранником. Мы планировали уничтожить завод в ноябре или декабре. Если бы параллельно с уничтожением Кесаревского НПЗ нам бы удалось перерезать нитку магистрального газопровода Уренгой-Кесарев, то весь Дальний Восток замерз бы этой зимой.

– Кто еще из твоей группы в городе? – спросил Рыдник.

– Они должны приехать через две недели.

– Кто организатор акции?

– Ваха. Младший брат Халида Хасаева.

Рыдник молча смотрел на Висхана. Он мог бы взять этого чеченца сейчас – трудно было простить собственный шок при виде человека, распахивающего ветровку и протягивающего тебе батарейки и детонатор. Но предъявить ему было нечего. Даже взрыв в супермаркете при таком раскладе нельзя было ему, живому, предъявить, потому что на процессе Висхан мог бы начать рассказывать про Сережу Якушева, про провокацию и сегодняшний разговор.

К тому же Руслан был прав: что такое супермаркет? Мелочь. Дешевка, имитация активности, которой занимается любой человек в погонах в любом из восьмидесяти девяти регионов России. Но предотвратить то, о чем говорил Висхан – масштабный промышленный теракт, теракт с целью не только убить несколько сот человек, но и заморозить весь Дальний Восток...

– Почему ты пришел к нам? – спросил Рыдник.

– Ваха – не Халид. Этот щенок пьет, как русский, обращается с нами как с собаками и кричит, что он будет круче имама Шамиля. Он послал меня в Кесарев, потому что ему приглянулась моя сестра, и считает, что я об этом не знаю. Ваха никогда не справится с тем, что задумал.

Рыдник улыбнулся.

– Ну, – сказал генерал, – почему же не справится? Мы ему поможем. На первом этапе.

* * *

Операция по назначению Велички Григорьева главой Госкомрыболовства вступила в завершающую стадию в начале октября: деньги были отданы, анкеты поданы, и в понедельник утром Артем Суриков лично приехал в приемную замглавы администрации президента РФ для согласования последних деталей.

Высокого чиновника еще не было на месте. Артем Иванович, присев в кресло, пил чай и просматривал газеты. Он пролистал два глянцевого еженедельника и журнал «Автопилот», а потом он развернул газету «Ведомости» и обомлел. Текст на первой странице гласил, что новым главой Госкомрыболовства назначен некто Федор Корчевник. Господину Корчевнику было тридцать семь лет, у него было четыре судимости и звание мастера спорта по боксу, и последние два года он возглавлял торговавший нефтью благотворительный фонд при МВД республики Башкирия.

«Постойте, – пронеслось в голове Сурикова, – то есть это как же так? Как так это?»

Больше ничего он не успел подумать, потому что дверь распахнулась, и в приемную влетел помощник кремлевского чиновника. Всплеснул руками, увидев Сурикова, подхватил его под локоть и потащил в собственный кабинет.

Дверь за ними захлопнулась, Суриков набрал в легкие воздуха, готовясь устроить наглую разводиле оглушительный разнос, но в этот момент помощник всплеснул руками, ткнул в кесаревского промышленника пальцем и развязно зашипел.

– Артем Иванович, как вы могли!

– Что? Я?

– Ну что же вы нам сразу не сказали?!

– Чего?

Помощник рассерженно развернул перед Суриковым досье.

– Вот, смотрите! Вопрос – «Имеете ли родственников за границей?» Ответ – «Сестра – проживает в США». Ну как же можно так отвечать, Артем Иванович! Кто назначит министром человека, сестру которого в любой момент может вербануть ЦРУ? Вы бы предупредили, мы бы подчистили запись, поменяли анкету. А так мы этот ужас приносим на подпись! – и вы представляете, какой втык мы получили! Вы понимаете, как вы нас подставили?

– А что я деньги платил, я тоже вас подставил? – спросил Суриков.

– Артем Иванович! – кремлевский помощник даже всплеснул руками, – вы же деньги не мне лично платили. Вы же передавали их на укрепление вертикали власти. Мы же вам сразу сказали, что да, есть некоторый фонд, куда отнюдь не всех допускают. Скажем прямо, не всех. И если бы какой-нибудь Ходорковский захотел пожертвовать в этот фонд, то мы бы от него ни копейки не взяли. Есть фонд, допуск в который означает наше к вам хорошее отношение. Это пропуск, понимаете? Это подарок. Вы свой подарок хотите забрать обратно? Ну, вы можете это сделать. Ну, извините, подарки это такая вещь. Либо не дари, либо не забирай.

* * *

Весть о назначении Федора Корчевника главой Госкомрыболовства была встречена госпожой губернаторшей с чувством глубокого недовольства.

– Как же так? – сказала она Артему Ивановичу, – вы говорили, у вас все схвачено, а они назначили бог знает кого!

– Что ж делать, – сказал Суриков, – не просить же деньги обратно. Они нам обещали возместить.

– Ну, тогда пусть хоть отдадут ярусоловы!

– Я постараюсь. Но ведь это будет тоже не бесплатно. Я вот тут написал постановление... Госпожа губернаторша вперила во владельца Кесаревского НПЗ тяжелый взгляд.

– Нет уж, Артем Иванович, – сказала она, – никаких постановлений. Ваш косяк, вы и исправляйтесь. Все расходы за ваш счет.

* * *

Артем Иванович Суриков вылетел обратно в Москву на следующий же день. Он встретился с новым главой Госкомрыболовства в популярном стрип-клубе «Семирамида». Новый чиновник был круглолиц, низок ростом и имел полрта золотых зубов. Он мог с закрытыми глазами отличить по запаху запеченный в фольге сибасс от дорадо на гриле, и этим его познания в рыбе и ограничивались.

В перерыве между двумя приват-танцами Артем Иванович успел изложить ерзающему от возбуждения собеседнику свой взгляд на развитие рыбной отрасли в России и государственную необходимость передачи приморских ярусоловов государственной же компании «Биоресурс».

– Десятка, – коротко сказал новый глава Госкомрыболовства.

– Помилуйте, – всплеснул руками Артем Иванович, – это же старые суда! Да еще два года на приколе, они же просто разваливаются! Нет, за такую рухлядь больше трех я не могу дать.

– Извините, Артем Иванович. Я благотворительностью заниматься не буду. Особенно в пользу жены губернатора Озерова.

В конце концов они сговорились на пяти миллионах. Спустя два дня деньги были переведены на указанный номер в Швейцарии.

Наутро после их перевода Артем Суриков развернул газету и прочел об упразднении Государственного комитета по рыболовству.

* * *

Мила Голикова стояла на лесенке в подсобке, пытаясь достать с верхней полки коробку с кормом, когда дверь в подвал хлопнула, и знакомый голос с легким кавказским акцентом сказал за ее спиной:

– Привет.

Коробка выскользнула из рук Милы и непременно бы грохнулась об пол, если бы Руслан не подхватил ее.

Мила обернулась. Руслан стоял, глядя на нее снизу вверх и держа в руках коробку, и глаза его светились легким плотоядным блеском, как будто чеченец держал в руках не коробку, а девушку. Больше всего Милу в Руслане пугал этот взгляд. Каждый раз, когда она встречалась с чеченцем глазами, ей казалось, что она голая.

– Помочь? – сказал Руслан.

Мила отрицательно покачала головой, но чеченец уже поставил коробку на стол, и сильные руки его мгновенно обхватили девушку за талию и сняли с лестницы, как пушинку с лацкана пиджака. Через мгновение Мила уже стояла на цементном полу подсобки, а пальцы Руслана по-прежнему лежали у нее на поясе, и лицо его, неожиданно бледное для чеченца, со вспухшим от постоянного бритья подбородком и хищными темными глазами, было близко-близко. В подсобке вдруг стало ужасно жарко.

Еще через несколько секунд чеченец отпустил девушку, улыбнулся и кивнул на коробку:

– Помочь?

– Нет-нет, я сама.

Руслан по-прежнему улыбался так, словно знал о ней что-то стыдное. Наверное, этот чеченец знал о девушках все.

- Я вчера заходил, а тебя не было, – сказал Руслан. – Как бабушка?
- Ее опять положили в больницу.
- Что-то случилось?

Мила вздернула головку и попыталась посмотреть в глаза Руслану, но тут же отвела взгляд.

– Нет, наоборот. Позвонили из клиники и сказали, что у них есть возможность провести для нее курс послеоперационной терапии. Ее положили в совершенно замечательную палату, я таких никогда не видела. С отдельной ванной, с евроремонтом. Ей очень понравилось. Коля спросил у стойки регистрации, и там сказали, что такая палата стоит двести долларов в сутки.

- А что там Коля делал? – спросил Руслан.

Мила покраснела еще больше.

- Ну, он мне помог ее перевезти.

Руслан помолчал. Когда он позавчера разговаривал с хирургом, тот сказал ему, что у Голиковой было два сына. Один погиб в Сирии, другой занимался в Москве бизнесом. Вполне процветал. Участие его в судьбе матери выразилось в том, что накануне операции он позвонил лично главврачу больницы и обещал вырвать всем ноги, если к героине войны будет проявлено неуважение. Если было что-то, что Руслан не понимал в русских – так это их отношение к старшим.

- Ну так что, мы едем на Тыкчу?

Мила молчала. Осеннее солнце, пробравшись в подсобку, плясало на банках с кошачьим кормом, и сверху, с первого этажа, оглушительно чирикали канарейки.

– Понятно, – сказал Руслан, – бабушка в больнице, и ты уже обещала этот вечер Коле, тем более что он так тебе помог.

Мила вспыхнула.

- Я ничего никому не обещала! А Коля – славный парень.

- Ты уверена?

Мила кивнула.

- Поехали проверим. И если ты возьмешь свои слова назад, ты поедешь со мной.

Через десять минут черный тонированный джип Руслана остановился у входа в отделение, и Руслан слегка приспустил стекло.

- Мне Федорова, – сказал Руслан.

Коля Федоров спустился с крыльца через пять минут.

- Тебе чего?

- Мила твоя девушка?

- Ну типа да, – сказал мент.

- Была твоя, стала моя. Больше к ней не подходи, понял?

Федоров стремительно изменился в лице.

- Ты че, черножопый, больной на голову, а? Да я ща...

Лейтенант внезапно замолчал. Из-под длинных пальцев Руслана, небрежно опиравшихся о спущенное стекло, виднелась толстая пачка долларов.

- Мне она нравится, – сказал Руслан.

Лейтенант смотрел на деньги, как замороженный.

- Бери-бери, – сказал Руслан, – твои.

Федоров невольно шагнул вперед, упершись боком в полированное бедро джипа, и в эту секунду Руслан разжал пальцы. Деньги, скользнув по форменной куртке, упали в карман.

- Чудак ты, – сказал лейтенант, – ни одна баба столько не стоит.

Руслан широко улыбнулся.

– А особенно эта, – продолжал мент. – Думаешь, она кому нужна? Она дура. Она сука известная, она никому не дала. И бабка ее дура. Каждый день фашистов под диваном ищет!

Задняя дверца машины резко хлопнула, и на крыльцо перед отделением выскочила Мила. Мгновенно оказавшийся рядом с ней Руслан подхватил девушку под руку.

– Мила, пошли.

Та отмахнулась.

– Ты что сказал про мою бабушку?

Коля в панике завертел головой.

– Что слышала. Тебе ее в психушку надо сдать.

В следующую секунду тяжелый кулак Руслана впечатался ему в челюсть. Мент покатился сбитой кеглей, и тут же с крыльца отделения посыпались пэпээсники.

– Ах ты сука!

Распахнувшаяся дверца джипа сопровождения впечаталась в одного из ментов, сшибая его с ног. Второй подскочил к Руслану со спины, обхватывая чеченца руками. Руслан мгновенно ударил его головой в подбородок, выкрутил руку и подсечкой сбил на землю.

С визгом затормозила у отделения патрульная машина. Громко закричала Мила. Двое охранников Руслана выворачивали у сбитого им мента пистолет. Трое ментов повисли на чеченце. В воздухе раскатилась автоматная очередь, выпущенная одним из сотрудников вневедомственной охраны из сопровождения Руслана, и через секунду начальник отделения, в расхристанном кителе и с ошалевшим лицом, ломился вниз по ступенькам. В руке он держал крепкую бейсбольную биту, подаренную ему на день рождения кем-то из подчиненных и частенько пускавшуюся в ход во время допросов.

– Ударь, – сказал Руслан, – только попробуй. Потеряю.

Начальник отделения остановился и, тяжело дыша, глядел на чеченца. Он знал Касаева в лицо и знал, что этот человек может в городе.

– Из-за чего драка-то? – спросил начальник отделения.

Мила раскрыла было рот, но Руслан предостерегающе поднял руку.

– Какая драка? – спросил Руслан, – что, драка была?

Менты и охранники Руслана глядели друг на друга, сжимая автоматы. Потом кто-то тихо вздохнул и опустил оружие. Его примеру последовал второй человек и третий. Один из ментов отступил на шаг, и охранник Руслана помог подняться Коле Федорову. Чеченец презрительно повернулся на каблуках и открыл дверцу машины.

– Я тебя ударил не за те слова, которые ты сказал о девушке, – сказал Руслан, – а за те, которые ты сказал о старухе. Вы ничейный народ. Кто вас будет уважать, если вы не уважаете своих старших?

Джипы уже сворачивали к набережной, когда Мила наконец вытерла слезы и несмело улыбнулась.

– А сколько вы ему дали? – спросила она.

Руслан вместо ответа сунул руку куда-то в карман пиджака.

– Посчитай.

Мила в недоумении стала перелистывать протянутую ей пачку денег. Ей потребовалось некоторое время, чтобы сообразить, что между двумя сотенными купюрами лежат купюры по доллару.

– Но это же «кукла»!

Джип затормозил на площадке перед огромным, обнесенным трехметровой кирпичной стеной домом. Внизу, у причала, покачивался белоснежный катер.

– Мила, – сказал чеченец, улыбаясь своей плотоядной улыбкой, – человек, который способен взять деньги за свою девушку, не стоит и ста долларов. Неужели ты думаешь, я заплачу ему больше?

Глава пятая, в которой краевой прокурор примеряет пиджак комиссара Катаньи, а сотрудник военной контрразведки разоблачает группу торговцев оружием

Прошел месяц с того памятного дня, как зарвавшийся чеченский бандит унизил и растоптал прокурора Андриенко, и каждый час этого месяца прокурор Андриенко думал о мести.

Сильнее жажды мести был только страх: страх смерти, которой Руслан совершенно недвусмысленно пригрозил ему в случае, если прокурор напишет заявление, и страх скандала из-за снятого на пленку проигрыша ста двадцати тысяч долларов.

Злоба, возможно, и пересилила бы страх, но Андриенко хорошо понимал, что из заявления ничего не выйдет. О чем писать? О том, что к его виску приставили пистолет? А кто в это время был в комнате, кроме вас и чеченца? Ах, никто? А почему родственник обвиняемого утверждает, что он был в это время вместе с ним? И пистолета не видел, зато слышал, как вы вымогали у Касаева деньги? Ах он врет? Он был в соседней комнате? А почему вы решили поговорить с Касаевым без свидетелей?

Словом, о заявлении надо было забыть – но забывать о мести прокурор не собирался. И поэтому, когда в среду ему на сотовый телефон позвонил человек и представился Ромой Вишняковым, Андриенко сразу вспомнил, кто это.

Менеджер по связям с общественностью казино «Коралл». Человек, которого Руслан Касаев выкинул на улицу. Человек, который очень много может знать о чеченце.

* * *

Рома Вишняков сидел напротив прокурора, в большом и светлом кабинете, где в стеклянных гробницах шкафов тосковали большие книги с золотыми обрезами, и посередине между Ромой и прокурором лежала кассета. Маленькая, чуть больше магнитофонной. Формата mini-DV.

– Это мне? – спросил Андриенко.

– Вам.

Вишняков откинулся на спинку стула, и под белой тенниской рельефно вспухли мышцы.

– Как вы ее достали? Говорят, вам не разрешили даже кроссовки забрать.

Рома развел руками.

– Сначала не разрешили. Потом пустили. Я же все-таки не бабу Руслана трахнул. Если бы я трахнул его бабу, Руслан Александрович никуда бы не звонил и никому бы не жаловался.

Прокурор сглотнул, представляя, что такой человек, как Касаев, может сделать со своим незадачливым соперником.

– А копий у него нет?

– Нет. Зачем ему копия?

Рома Вишняков заговорщически улыбался. Белокурые волосы и загорелая кожа делали его похожим на негатив старинного фото. Чертовски красивый негатив, надо сказать.

– От имени законности и порядка, – сказал прокурор Андриенко, – я благодарю вас. Это совершенно недопустимо, чтобы преступные элементы имели возможность шантажировать слуг закона, какой-то совершенно липовой....

– С тебя десятка.

– Что?!

- С тебя десятка, – сказал Вишняков, лениво улыбаясь полным смеющимся ртом.
- За кассету?
- Кассета бесплатно. Вот за это.

В руках молодого человека материализовалась папка, – пластиковая, прозрачная, с вытравленным рекламным слоганом кока-колы наверху.

- Это приговор Руслану. И не только.
- Пальцы прокурора застыли в ложбинках пластика:
- Что значит – приговор?
- А ты сам посмотри.
- Андриенко открыл папку.

Внутри было несколько документов. Точнее – копий. Копии были пересняты аккуратно и со знанием дела, – на каждом из документов перед сканированием были закрыты подписи и печати, и давая превосходное представление о существе дела, такая бумага лишалась всей своей юридической силы, словно патрон, из которого вынули порохов.

Документ первый представлял из себя договор между ОАО «Лада» и Кесаревским нефтеперерабатывающим заводом. Завод сдавал в аренду «Ладе» маслблок. Сумма аренды составляла тысячу двести рублей в год. За ним лежал договор между ОАО «Алонсо» и ОАО «Лада». ОАО «Алонсо» закупало у «Лады» несколько десятков тонн МВП – масла вязкого приборного.

Адрес ОАО «Алонсо» совпадал с адресом Кесаревского НПЗ, а генеральным директором покупателя и продавца почему-то числился один и тот же В.А. Григорьев, подпись которого на копии документа была аккуратно замазана.

Документ третий был договор, заключенный Охотским флотом на поставки этого самого МВП, которое, судя по всему, использовалось в приборах ориентирования – в частности, в гироскопах. Поставщиком значилось ОАО «Алонсо», предложившее поставлять масло по цене девятьсот тысяч рублей тонна, что выглядело несколько странно, поскольку цены других конкурентов, на тендере проигравших, колебались, согласно представленной тут же справке, от двухсот пятидесяти до трехсот тысяч рублей за тонну.

А затем прокурор Андриенко взялся за следующую порцию документов и обомлел.

Это были протоколы комиссии, выяснявшей причины потрясшей всю Россию аварии: гибели дизельной субмарины «Ангарск», ушедшей прямо на учениях под воду вместе со всем экипажем. Выводы секретной комиссии гласили, что лодка погибла из-за неисправности гироскопа: идя в подводном положении, лодка по какой-то причине потеряла ориентацию и со всей дури наскочила на скалы, отклонившись от района учений на три сотни километров.

Доставая последнюю пачку документов, Андриенко уже знал, что там будет. И не ошибся.

Это была записка главного инженера Кесаревского НПЗ, адресованная командующему Охотским флотом вице-адмиралу Соколову. Записка чрезвычайно сухо излагала технологию изготовления МВП.

Согласно ей, МВП производили из особых сортов нефти, содержащих небольшое количество парафинов – так называемой троичко-анастасьевской нефти.

Мазут, полученный после разделения фракций, направлялся на установку вакуумной перегонки. Затем в вакуумный дистиллят добавляли серную кислоту, для экстракции асфальто-смолистых веществ. В получившийся продукт добавляли полипробутилен – вязкое вещество с молекулярным весом в 10–20 тысяч дальтон.

Согласно той же записке главного инженера, на маслблоке, арендованном ОАО «Лада», имело место существенное нарушение технологического процесса. Во-первых, для изготовления приборного масла использовалась не троичко-анастасьевская нефть, а обычная тяжелая сернистая нефть. Это не представляло большой проблемы, поскольку вакуумный дистиллят в соответствии с разработанной на этот случай технологией подвергли депарафинизации.

Однако этого было мало: оборудование маслоблока было старым, агрессивная серная кислота сожрала корпус сульфуратора, и пока его меняли, прошло два-три месяца. Все это время сырье для производства МВП подвергалось только контактной очистке и не подвергалось обработке серной кислотой.

Получившееся в результате масло первоначально отвечало всем необходимым спецификациям, однако было нестабильно. Прележав на складе несколько лет и даже месяцев, оно могло резко потерять свои свойства и загустеть.

Записка главного инженера рекомендовала вице-адмиралу Соколову как можно скорее уничтожить все запасы масла вязкого приборного, закупленного флотом по столь дорогой цене у ОАО «Алонсо».

– И чьи это фирмы?

– Руслана.

Прокурор потрясенно вздрогнул. Рома Вишняков развалился на стуле, улыбаясь. Подошвы его тупоносых ботинок прочертили на паркетном полу кабинета едва заметные следы.

– У меня свои счета с Русланом, – сказал Вишняков, – и с Артемом Ивановичем. Он мужик или кто? Если он мужик, пусть пойдет и набьет мне морду. А не обращается к генералу ФСБ, чтобы меня выгнали с работы.

– У тебя оригиналы есть? – хрипло сказал прокурор.

Он мог думать только об одном: об эффекте, который произведет сообщение, что принадлежащие чеченскому бандиту фирмы несут прямую ответственность за гибель российской подводной лодки.

И что косвенная вина при этом лежит на всей этой коррумпированной шайке, начиная с покровителей Руслана в ФСБ и кончая партнером Рыдника Суриковым.

– Оригиналы будут после десятки. В течение часа.

Андриенко молча поднялся, подошел к сейфу и через минуту протянул Роме Вишнякову десять тысяч долларов.

– Тебе не страшно отдавать такие документы?

Вишняков усмехнулся.

– Я уезжаю из города. Маленький круиз. Боро-боро, Таити и Гонолулу. Лайнер «Принцесса Востока». Отходит завтра вечером из Пусана.

– Надеюсь, не с женой Сурикова?

– Нет, с Ваняткой Сочиным.

Лицо прокурора слегка вытянулось.

– Что делать? – сказал молодой человек, – Россия – дикая страна. В ней состоятельных мужчин куда больше, чем состоятельных женщин.

* * *

Халид Хасаев и генеральный директор Кесаревского НПЗ Сергей Карневич стояли бок о бок в шести километрах от заводоуправления, на самой дальней окраине завода, выходившей к полям и сопкам.

Директор принимал первые пять километров периметра. Работа была проделана действительно качественная. Монтажники «Вартана» разнесли камеры по забору на расстоянии сто пятьдесят метров и подняли их на пять метров вверх, так, чтобы обеспечить технике максимальный угол обзора и максимальную защиту от вредителей. На ту же мачту монтировалось освещение, – иначе бы слабая оптика была бесполезна в темное время суток. А вдоль периметра внутри завода шла теперь узкая сервисная бетонка, проложенная нанятыми «Вартаном» солдатами.

Пятнадцать минут назад Сергей Карневич вместе с главным инженером и начальником охраны могли убедиться в том, как отлаженно работает система на другом конце.

– Отлично, – сказал главный инженер, – и сколько эти камеры будут работать?

– Вы столько не проживете, сколько она проработает, – заверил Халид.

– Мрачный у вас юмор, Александр Викторович, – заметил главный инженер.

Они возвращались к заводууправлению на директорском джипе. Тонкие березки вдоль трубопровода уже пожелтели, и машина подпрыгивала на выбоинах, забитых опавшими листьями. Карневич сидел рядом с Халидом на заднем сиденье и сосредоточенно шелестел сметах, врученными ему директором фирмы. Он по-прежнему улыбался своей американской улыбкой, но меж бровей у него уже пролегла типично русская черточка. Из кармана щегольского пальто торчал завернутый в целлофан пирожок: Халид знал, что американец питается в общей заводской столовой и всему менеджменту завода велел делать то же самое.

– Вам что-то не нравится, Сергей Александрович? – спросил Халид.

Директор обернулся к Халиду. Солнце выкатывалось из-за моря, серебряное кружево установок горело в утренних лучах, и Халиду казалось, что за ними по верхушкам установок гонится пожар.

– Я вчера получил письмо от жены, – сказал Карневич, – на двух листах. Содержание: уважаемый мистер Карневич, с сожалением сообщаем, что совет директоров Эксимбанка не может предоставить вашей компании требуемый ей кредит в связи с несоответствием ее финансовой отчетности международным стандартам. Подпись: Мэри Крей, инвестиционный департамент Эксимбанка.

Халид помолчал. Если бы это было девять лет назад, он бы, наверное, приехал к жене этого Карневича, дал бы ей легонько между глаз и объяснил, что женщине писать такие письма мужу – значит позорить мужа перед всеми. Сейчас Халиду было все равно.

– Я схожу с ума на этой работе, – сказал Карневич, – я вычерпываю воду ковшиком, а она хлещет через пробойну шириной с бочку. Вы знаете, что вы единственный подрядчик, который выполняет работы в срок?

Они вернулись в приемную в десять сорок, и Карневич велел секретарше подготовить акт приемки.

– Александр, – сказал он, обращаясь к Халиду, – пойдемте пока ко мне в кабинет. Чаю хотите?

Халид утвердительно кивнул.

В эту секунду дверь в приемную распахнулась, и в нее стали вваливаться один за другим парни в камуфляже и шлемах-сферах.

Время замерло и потекло со скоростью несколько кадров в секунду, как в дешевой цифровой системе видеонаблюдения, преимущества которой они недавно обсуждали с директором.

«Руслан, сука, ты меня все-таки сдал», – подумал Халид.

Чеченец сунул руку в карман, нащупывая там плотное тельце мобильного телефона. Он теперь редко ходил по территории завода с пистолетом. На этом настояли Маирбек и Висхан после того, как Халид чудом не застрелил обматерившего его начальника цеха.

Но зато теперь он таскал с собой два мобильника. Один – совершенно обычный – звонил постоянно. По второму можно было позвонить только Аллаху. Увесистый корпус был полностью выпотрошен и набит пластитом с вдавленными в него арбалетными шариками. Детонатор был рассчитан на мгновенное срабатывание. Такую гранату можно было использовать только в двух случаях: в растяжке и для самоуничтожения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.